

ОТ РЕДАКТОРА

Российским Колумбом XIX века можно назвать П.П. Семенова, открывшего миру неизвестную «Небесную страну» – Тянь-Шань с лазурным озером Иссык-Куль и проложившего дорогу путешественникам и исследователям геологии и географии, флоры и фауны, истории и этнографии Кыргызстана.

Имена П.П. Семенова-Тян-Шанского и его преемников навеки сохранены в названиях ледников и пиков, перевалов и мостов, роц и переправ. Семеновский мост, ледник Федченко, Пик Кауфмана, озеро Мерцбахера, роща Федченко, метеостанция Королькова и другие памятные места, связанные с первыми исследователями Кыргызстана, нанесены на карту мира.

Благодарный кыргызский народ увековечил память о великих путешественниках возведя на берегу Иссык-Куля бронзовые монументы Н.М. Пржевальскому и П.П. Семенову-Тян-Шанскому.

Уже стало традицией проводить научно-практические конференции, тематикой которых являются итоги изучения научного наследия путешественников и исследователей, современных научных проблем и достижений с выездом к памятникам. Весной успешно прошла конференция, посвященная полувековому юбилею музейного комплекса Н.М. Пржевальского, а осенью на Иссык-Куле и в Бишкеке проведены конференция и студенческий «круглый стол», посвященные 150-летию путешествия П.П. Семенова. Изданы книги.

Надеемся, что эта хорошая традиция получит дальнейшее развитие и все большее число не только ученых и педагогов, но и молодежи будет вовлекаться в в благородное и благодарное дело сохранения культурного наследия, памяти предков, закладывая прочный фундамент патриотического воспитания.

**Академик
ВЛАДИМИР ПЛОСКИХ**

***Участникам научно-практической
конференции, посвященной 150-летию
начала исследований Центральной Азии
П.П. Семеновым-Тянь-Шанским***

Уважаемые друзья!

От лица российской дипломатии и от себя лично позвольте сердечно поприветствовать всех участников научно-практической конференции, посвященной 150-летию начала исследований П.П. Семеновым-Тянь-Шанским Центральноазиатского региона.

Хотелось бы поздравить присутствующих со славным юбилеем и выразить благодарность народу и руководству Кыргызстана за сохранение доброй памяти о русском ученом. Ваша кропотливая, всеобъемлющая работа позволила сберечь историческое наследие великого путешественника-исследователя и географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Памятник, воздвигнутый в его честь на побережье Иссык-Куля четверть века назад, – наглядное свидетельство признания кыргызстанцами заслуг Петра Петровича, среди которых, безусловно, обширные географические и естественно-исторические исследования Центральной Азии. Осуществив ряд экспедиций в глубь Тянь-Шаня, он один из первых описал природу, а также флору и фауну горного края.

Полагаю необходимым подчеркнуть, что мероприятия подобного рода (конференции, круглые столы, семинары), направленные на изучение и популяризацию трудов исследователей Центральной Азии, служат не только просветительским задачам, но также способствуют развитию российско-кыргызского сотрудничества в гуманитарной сфере.

Позвольте еще раз поздравить всех участников и гостей конференции со знаменательной датой и пожелать творческих успехов в предстоящей работе конференции.

***В.С. ВЛАСОВ
Чрезвычайный и Полномочный Посол России
в Кыргызстане***

ПРИВЕТСТВИЯ

***Участникам научно-практической
конференции, посвященной 150-летию
начала исследований Центральной Азии
П.П. Семеновым-Тянь-Шанским***

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую участников научно-практической конференции!

Велик вклад русских путешественников в изучение Центральной Азии и, в частности, Кыргызстана. Мировая наука высоко оценила деятельность русских исследователей А.П. Федченко, И.В. Мушкетова, В.Ф. Ошанина, Г.Е. Грум-Гржимайло, Н.А. Северцова, А.Ф. Миддендорфа, Г. Потанина, П.П. Семенова-Тянь-Шанского и многих других. Их именами названы горные вершины, ледники и географические пункты.

Знаменательно, что наша конференция посвящена 150-летию путешествия П.П. Семенова на Тянь-Шань. С именем великого русского путешественника связано, в первую очередь, утверждение позиций российской науки в Центральной Азии. По сегодняшний день Семенов-Тянь-Шанский – непревзойденный исследователь Центральной Азии. Собранные им материалы, подготовленные и частично изданные описания его путешествий, до настоящего времени являются предметом изучения мировой науки и составляют научную гордость России. П.П. Семенов-Тянь-Шанский разработал абсолютно новую методику географических исследований, тем самым, пополнив когорту мировых ученых.

От всей души желаю вам, дорогие друзья, больших успехов в ваших благородных научных изысканиях!

Ш.Ж. ЖОРОБЕКОВА
***Академик, и.о. Президента Национальной
академии наук Кыргызской Республики***

**Участникам научно-практической
конференции, посвященной 150-летию
начала исследований Центральной Азии
П.П. Семеновым-Тянь-Шанским**

Уважаемые коллеги, гости!

Позвольте от себя лично и от имени одного из организаторов конференции – Кыргызско-Российского Славянского университета – приветствовать всех участников конференции.

Нам и будущим поколениям необходимо помнить о том, какой огромный вклад внесен этим ученым в науку нашей страны. После исследования «Небесных гор» великим китайским путешественником Сюань Цзяном минуло одиннадцать столетий до того, как в Центральный Тянь-Шань проник первый европейский ученый-исследователь. Это удалось совершить Петру Петровичу Семенову, выдающемуся русскому географу, за свой научный подвиг получившему право именоваться Тянь-Шанским.

Мировая наука многим обязана российским ученым в изучении Центральной Азии, и Кыргызстана, в частности. Ими были открыты новые географические пункты, разведаны богатейшие запасы полезных ископаемых края, пополнены мировые зоологические и ботанические коллекции. В течение полувека деятельность Императорского Русского Географического общества была сконцентрирована на изучении новых азиатских владений России.

Сегодняшняя встреча посвящена очень важному событию – 150-летию со времени первого путешествия П.П. Семенова на Тянь-Шань.

И то, что мы собрались здесь, на Иссык-Куле, через столько лет почтить этого выдающегося исследователя, говорит об огромных научных заслугах П.П. Семенова-Тянь-Шанского, о его величайшем вкладе в мировую науку. Отраднo, что в суверенном Кыргызстане высоко ценят и чтут заслуги русских ученых в открытии миру Кыргызстана, в изучении природных богатств страны, культуры, традиций и быта жителей.

Желаю участникам конференции успеха в работе.

В.И. НИФАДЬЕВ
Академик, ректор КРСУ

*Светлана
Суслова*

**ВЫСТУПЛЕНИЕ У ПАМЯТНИКА
П.П. СЕМЕНОВУ-ТЯН-ШАНСКОМУ**

Когда над Иссык-Кулем ветер носит
Полыни запах – синий и хмельной,
В груди как будто тихо тает осень,
Такой простор щемящий и покой...
Душа парит, в себя вбирая вечность.
Сгустилось время, словно благовест.
И сам себя ты чувствуешь предтечей
Разгадки тайн прекрасных этих мест.
Еще ты – не Тянь-Шанский, а Семенов,
А, может, – Власов, Павлов, Иванов...
Всех Иссык-Куль запомнит поименно,
Кто лечь костыми за этот край готов.
Он, Иссык-Куль, достоин тысяч жизней,
Он полон тайн, он смелых ждет века.
Он пришлецам подарит дым Отчизны
И сделает бессмертным смельчака,
Кто ради знаний, всех разгадок ради
Готов идти в смертельно трудный путь...
Уже Тянь-Шань расписан весь в тетради,
Его расклад, его природы суть.
Но блеск вершин и шелк небес китайский
Вместишь ли в карту? – мол, от сих до сих...
Уже в затылок дышит Пржевальский,
За ним – Мокрынин, Галицкий, Плоских...
И он застыл, сойти с пути не в силах,
Коня на миг сдержав на поводу...
А век за веком в тот же ветер синий
Впрягают волн бегущую гряду.

К.О. Оторбаев

ПИОНЕР ИССЛЕДОВАНИЯ ТЯНЬ-ШАНЯ

Прошло сто пятьдесят лет со времени первого путешествия замечательного русского географа П.П. Семенова-Тян-Шанского в Тянь-Шань. В результате этого путешествия им впервые было дано научное, основанное на достоверном фактическом материале, описание природы этой своеобразной горной страны.

Вместо существовавших тогда умозрительных, неверных представлений о Тянь-Шане, П.П. Семенов рассказал правду о неведомой, загадочной горной системе.

Четверть века назад, в 1982 г., при выезде на Иссык-Куль по инициативе Российского Географического общества (РГО) и кыргызского правительства, был установлен бронзовый памятник путешественнику.

Петр Петрович Семенов родился 14 января 1827 года в семье небогатого помещика (военного в отставке) старинного дворянского рода, в имении близ села Урусова Рязанской губернии.

Детство будущего исследователя прошло среди природы средней полосы европейской части России. Наблюдения над окружающей природой во время прогулок, а также семейных путешествий уже в детские годы привили П.П. Семенову страсть к посещению новых мест и любовь к географии, сделавшейся предметом его увлечения на всю жизнь.

В 1842 г. он поступает в Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков, восемнадцатилетним юношей блестяще ее заканчивает и первым заносится в список на мраморной доске. Кстати, следует отметить, что эту школу окончил несколько раньше П. Семенова М.Ю. Лермонтов, а позднее – М. Мусоргский. Однако военная карьера не прельщала подпрапорщика, и он в 1845 году поступает вольнослушателем на отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета. Четырехлетний курс обучения Семенов проходит за три года.

В студенческие годы он слушает лекции и работает под руководством таких выдающихся русских ученых, как физик и физико-географ Ленц, участник кругосветного плавания физико-географ Коцебу, зоолог и палеонтолог Куторга, химик Воскресенский, ботаник Шиховский, математик Чебышев и другие, влияние которых сказалось на формировании и развитии его научных взглядов.

В 1848 г. П.П. Семенов вместе со своим другом Н.Я. Данилевским совершает свое первое путешествие из Петербурга в Москву, а в следующем, 1849 г., с ним же – второе, по губерниям черноземного центра – Рязанской, Тульской и Орловской. Причем, оба путешествия молодые люди совершают пешком. Во время второго похода жандармы арестовывают Данилевского по делу петрашевцев и заканчивать путь по области Войска Донского, в бассейне реки Дона, Петру Петровичу Семенову пришлось одному. В 1849 же году любовь к географии привела П. Семенова в Русское Географическое общество, куда он был принят действительным членом.

В 1851 г. П.П. Семенов удостоен Советом Петербургского университета магистерской степени по ботанике за исследование – «Придонская флора в её отношениях с географическим распределением растений по поверхности Европейской России».

В 1850 г. Русское Географическое общество поручает молодому ученому П.П. Семенову перевод и дополнение многотомного сочинения немецкого географа Карла Риттера «Землеведение Азии», особенно тех частей, которые относились к азиатской России и сопредельным с ней странам.

В 1853 г. Петр Петрович уезжает за границу, где продолжает работу над переводом и дополнением «Землеведения Азии». Одновременно с этой работой, с целью подготовки себя к самостоятельным географическим исследованиям горных стран, слушает лекции в Берлинском университете и совершает экскурсии и путешествия по горным районам Западной Европы. В Берлинском университете он слушает лекции по минералогии и геологии Густава Розе и профессора Бейриха, по метеорологии – профессора Дове, по китайскому языку и китайской истории – профессора Шотта. Но самыми важными для П.П. Семенова оказались лекции Карла Риттера, бывшего в это время уже в преклонном возрасте. В эти же годы он встречается с другим маститым ученым – А. Гумбольдтом. Как А. Гумбольдт, так и К. Риттер, высоко ценили способности и знания молодого русского ученого, переводчика и комментатора «Землеведения Азии». Вот что пишет об этом сам Петр Петрович: «Старый Риттер, познакомившись со мною, чрезвычайно полюбил меня как своего переводчика и комментатора и отсылал ко мне всех интересовавшихся географией застенной Китайской Империи и вообще Центральной Азии, говоря им, что с настоящим положением географических сведений об этих частях Азии я знаком больше, чем он сам».

В эти же годы П.П. Семенов совершает для приобретения навыков самостоятельных исследований многочисленные экскурсии в горные районы Западной Европы – Гарц, Рейнские сланцевые горы, Бернские Альпы – и изучает це-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

лый ряд природных явлений, которые встретил во время путешествия по Азии. Он совершает много маршрутов по Швейцарии. Через горные проходы Альп попадает в Италию, где посещает вулканические районы и детально изучает Везувий. Характерно, что все свои маршруты путешественник осуществляет без проводника, с компасом и путеводителем, и ко всему этому – пешком.

Весной 1856 г. П.П. Семенов представляет Географическому обществу план путешествия на Алтай, в кыргызские степи и другие места, которые ему необходимо было посетить с целью новых дополнений к «землеведению Азии» К. Риттера. В сущности, это было предлогом для осуществления своей заветной мечты – научного путешествия в Тянь-Шань. Истинное намерение он опасался оглашать, так как петербургские сановники из Министерства иностранных дел посчитали бы несвоевременным и безрассудным совершать такое путешествие и наложили бы запрет на такой смело задуманный план.

Получив согласие Совета Географического общества, и не сообщая никому прямо о своем намерении проникнуть в Тянь-Шань, в начале мая 1856 г. Петр Петрович Семенов выехал из Петербурга в экспедицию и примерно через месяц прибыл в Барнаул. Из Барнаула он совершает маршруты на Алтай, где посещает важнейшие рудники и совершает восхождение на Ивановские белки, близ Риддерска. В августе 1856 г. путешественник достигает Укрепления Верного, построенного незадолго до его путешествия (ныне – Алматы). Отсюда начиналась загадочная горная страна Тянь-Шань с высокогорным озером Иссык-Куль. Здесь находилась не исследованная наукой область.

В самом деле, сведения о Тянь-Шане, которыми располагали ученые, были совершенно недостаточными и зачастую недостоверными. Вот что пишет об этом сам П.П. Семенов: «Весь рельеф страны, направление поднятия хребта, средняя высота снеговой линии, вертикальное распределение организмов в этом еще неведомом горном мире, существование альпийских ледников и вулканических явлений – все это требовало или изучения, или подтверждения» [1: 16].

С целью дать ответ на эти вопросы П.П. Семенов из Верного в 1856 г. совершил две поездки на Иссык-Куль. В результате первой поездки, через горные проходы Заилийского Ала-Тоо, он достиг восточной оконечности Иссык-Куля. В результате второй поездки, через Кастекский перевал и Боомское ущелье, он достиг западной оконечности озера. До наступления зимы П.П. Семенов совершает маршрут в окрестности Верного и доходит до Кульджи, на зиму возвращается в Барнаул.

Перезимовав в Барнауле, П.П. Семенов в мае 1857 г. с большим отрядом возобновляет свои исследования в Тянь-Шане. Теперь он проникает гораздо дальше, чем в прошлом, 1856 году. Через перевал Санташ он и его спутники попадают в Джергаланскую долину и вдоль подножья Терской Ала-Тоо доходят до ущелья Джуука. По сути, они заезжают на Ак-Суйские термальные источники; реку Каракол пересекают там, где через несколько десятков лет возник г. Каракол, переименованный позже в г. Пржевальск в честь славного исследователя Центральной Азии Н.М. Пржевальского; посещают ущелье Джеты-Огуз. По ущелью Джуука П.П. Семенов с небольшим отрядом поднимается на перевал, где взору открылись сырты, поразившие путешественника своим холмисто-равнинным рельефом.

«Перед путешественниками, – писал П.П. Семенов в «Истории полувековой деятельности Русского Географического общества» [2: 267], – расстилось обширное плоскогорье – сырт, по которому разбросаны были небольшие полузамерзшие озера, расположенные между относительно уже невысокими горами, однако же покрытыми на вершинах вечным снегом, а на скатах – роскошной зеленью альпийских лугов. С вершины одной из таких гор путешественники очень отчетливо видели текущие из расстилавшихся у их ног сыртовых озер верховья притоков Нарына, главный исток которого находится ВЮВ отсюда. Таким образом, впервые были достигнуты европейским путешественником истоки обширной речной системы Яксарта» (т.е. Сыр-Дарьи).

Спустившись обратно в Иссык-Кульскую котловину, П.П. Семенов исследует побережье озера между реками Джуука и Кызыл-Суу. Затем по маршруту: нижнее течение реки Джеты-Огуза – нижнее течение р. Джергалан – Тасму, или Сухой хребет – он выходит в Тюпскую долину и в ущелье Кунгей Ала-Тоо.

После этого П.П. Семенов совершает еще одно, более удачное восхождение – в район Хан-Тенгри. Маршрут экспедиции проходил по долинам Каркары и Кок-Джара. Этот трудный по своим условиям путь, неизведанный никем из европейских исследователей Азии, вывел П.П. Семенова в наиболее высокую часть Тянь-Шаня – к горной группе Хан-Тенгри. Здесь им были открыты обширные ледники, из которых берет начало Сары-Джаз, несущий свои воды в Центральную Азию. Один из ледников впоследствии был назван именем Семенова. Обратный путь экспедиции лежал по долине Текес к Иссык-Кулю, через хребты Кунгей и Заилийский Ала-Тоо.

29 июля 1857 г. П.П. Семенов благополучно вернулся в Укрепление Верное. Отсюда он совершает исследования Заилийского Ала-Тоо, Джунгарского Ала-Тоо и озера Ала-Куль. Основные задачи, которые ставил П.П. Семенов перед

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

собой накануне путешествия в Тянь-Шань, были разрешены. Исследования его на Тянь-Шане открыли новую эру в изучении этой горной страны.

Несмотря на то, что сам П.П. Семенов расценивал свое путешествие как рекогносцировку, по своим научным результатам оно выходило далеко за её рамки. Благодаря огромной научной эрудиции Семенова, тщательной подготовке путешествия, был собран и удачно обобщен большой материал, характеризующий природу Тянь-Шаня. Одновременно была дана характеристика хозяйства и быта населения исследуемой территории.

Научные результаты путешествия П.П. Семенова в Тянь-Шань, основанные на достоверном фактическом материале, явились фундаментом совершенно нового, реального представления о горной стране.

В ноябре 1857 г. П.П. Семенов возвращается из путешествия в Петербург и представляет в Географическое общество проект своего второго путешествия в Тянь-Шань. Общество одобрило представленный план, но не нашло возможным снарядить экспедицию в ближайшее время.

В Петербурге Семенов занимается обработкой своих дневников, но разные обстоятельства отвлекают его от этой работы. Однако им был напечатан ряд статей о своем путешествии в Тянь-Шань.

По возвращении в Россию в 1858 г. П.П. Семенов представляет законченный перевод первого тома «Землеведения Азии». В мае следующего года книга выходит в свет, снабженная обширным «Предисловием переводчика». В этом предисловии автор излагает свои взгляды на географию и дает свое определение географии как особой науки. Книга была снабжена также обширными дополнениями, основанными на новых накопившихся материалах по описываемым Риттером странам.

Следует отметить, что П.П. Семенов, пользуясь своим выдающимся общественным и государственным положением (он был сенатором и членом Государственного Совета), помогал молодым ученым и хлопотал об освобождении некоторых из них из-под политического надзора и из ссылки. Так было, например, с Г.Н. Потаниным, который неоднократно выражал Семенову свои чувства симпатии и признательности.

Вот что пишет Г.Н. Потанин в письмах П.П. Семенову: «Два раза извлеченный Вами из духовного небытия и направленный к деятельности на пользу науке, я более чем многие другие могу оценить... Ваши невидимые и не сознаваемые современниками заслуги перед русским обществом. От всей души желаю Вам здоровья и жизненных сил, которые Вам необходимы на защиту как отдельных личностей, ставших невольными жертвами политических не-

доразумений, так и целых областей и обездоленных историей народностей, не принадлежащих к господствующему племени» [3: 98]. По ходатайству П.П. Семенова, кроме Потанина, получили амнистии политические ссыльные И.Д. Черский, А.А. Чекановский и В.И. Дыбовский, сделавшие большой вклад в науку по географическому исследованию Сибири.

Большинство путешественников придерживалось метода полевых исследований П.П. Семенова, сущность которых сводилась к комплексному географическому изучению территории и широкому обобщению на основе первичных фактических материалов.

Многие биографы П.П. Семенова-Тян-Шанского часто не освещают еще одного его путешествия в пределах Туркестана, утверждая, что путешествие на Тянь-Шань, по некоторым обстоятельствам, осталось единственным в его жизни. На эту неточность обратили свое внимание А.А. Азатьян и З.Н. Донцова в статье «П.П. Семенов-Тян-Шанский» (к сорокалетию со дня смерти) [4: 180] и Э.М. Мурзаев в книге «В далекой Азии» (статья, посвященная П.П. Семенову-Тян-Шанскому) [5: 29].

Второе путешествие П.П. Семенова по Средней Азии освещалось в 1888 г. в связи с приглашением его администрацией Туркестанского края в город Самарканд для участия в торжестве по случаю завершения строительства Великого азиатского железнодорожного пути. Путешественник проехал от станции Узунада к побережью Каспийского моря, откуда в то время начиналась дорога. (Позже начальный пункт был перенесен в Кисловодск). Через Ашхабад, Мерв (Мары), Чарджуй (Чарджоу), Бухару он достиг Самарканда и Ташкента. Из Самарканда П.П. Семенов совершает путешествие вверх по долине Зеравшана, посещает оазис Пенджикент и поднимается в горы Туркестанского и Гиссарского хребтов. В отчете, опубликованном в «Известиях Географического Общества» [6] об этой поездке, на основе знакомства с равнинами Средней Азии, ее плодородными оазисами, П.П. Семенов дает интересную характеристику природы и экономического развития страны.

Оценивая хозяйственное развитие края, П.П. Семенов писал, что в развитии сельского хозяйства ведущее место будет принадлежать хлопководству, затем шелководству, виноделию и виноградарству и производству риса. Построенную железную дорогу он считал одним из важнейших факторов хозяйственного процветания Туркестанского края.

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский является автором многих географических работ. Из них наиболее известен «Географическо-статистический словарь России». Этот пятитомный словарь, составленный и выпущенный

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Русским Географическим обществом под редакцией Петра Петровича, и до сих пор называется «Семеновским». Знаменитый путешественник редактировал многотомный популярный труд «Живописная Россия». Им написана трехтомная «История полувековой деятельности Русского Географического общества». Уже на склоне лет П.П. Семенов-Тянь-Шанский совместно с академиком В. Ламанским осуществляет научное руководство над многотомным изданием «Россия. Полное географическое описание нашего отчества». Эти сборники выходили под редакцией его сына Вениамина Петровича, и не потеряли своей научной ценности и по сей день.

Семенов был ярким представителем русской географии. Им была предложена выдающаяся для своего времени схема районирования России, получившая широкую известность и распространение в географической литературе. Следующий пример описания природы Тянь-Шаня может дать яркое представление о П.П. Семенове как о географе. Вот, что он писал в путевых записках, опубликованных в 1867 г. в 1 томе «Записок РГО по общей географии»: «Трудно себе вообразить что-нибудь грандиознее ландшафта, представляющегося путешественнику с Кунгея через озеро на Небесный хребет. Темно-синяя поверхность Иссык-Куля своим сапфировым узором может смело соперничать со столь же синей поверхностью Женевского озера, но обширность водоема, который, занимая поверхность в пять раз превосходящую площадь Женевского озера, казался мне с западной части Кунгея почти беспредельным на востоке, и ни с чем несравнимое величие последнего плана ландшафта придает ему такую грандиозность, которой Женевское озеро не имеет. Вместо непосредственно поднимающихся за вдвое менее широким Женевским озером предгорий Савойских Альп, совершенно закрывающих величественную группу Монблана, за широким Иссык-Кулем простирается обозримая, по крайней мере, на 300 верст своей длины непрерывная снеговая цепь Небесного хребта...

Только первый план ландшафта далеко не достигает красоты первых планов швейцарских озерных ландшафтов: вместо береговых террас с роскошными садами, вместо цветущих городов и селений, поэтических замков и красивых швейцарских домов, путешественник находит на Кунгее унылое и пустынное побережье, лишённое всего того, что могла бы на нем воздвигнуть и насадить рука цивилизованного человека. Оно бесплодно, каменисто, усеяно бесчисленными валунами, лишено вообще лесной растительности, и только вдоль берегов стремительных ручьев и на некоторых побережьях озера представляется роща и группы небольших деревьев и высоких кустарников, состоящих преимущественно из облепихи (*Hippophae rhamnoides*), покрытой узкими

серебристыми листьями и ветвями, густо облепленными светло-красными ягодами, из боярка и двух или трех пород ивы. Только изредка из таких рощиц виднеются белые войлочные юрты кыргызских пастухов и выставляется длинная шея двугорбого верблюда, а еще реже из окаймляющего рощицу обширного леса густых камышей выскакивает многочисленное стадо диких кабанов или грозный властелин этих камышовых чащ – кровожадный тигр» [7: 213].

Дела Петра Петровича были по достоинству оценены еще его современниками. К концу жизни он состоял почетным членом пятидесяти трех, действительным членом двенадцати, членом-корреспондентом восьми русских и зарубежных научных обществ и учреждений.

В честь его названо 11 географических объектов в различных частях земного шара: хребет в Тянь-Шане, ледник и пик в Центральном Тянь-Шане, гора на Шпицбергене, пролив в Карском море, гора на Аляске, гора «Петр Петрович» в Монгольском Алтае и т.д. Имя П.П. Семенова присвоено 27 родам и видам растений, 64 родам, видам и подвидам животных. В его честь Географическим обществом СССР учреждены золотая и серебряная медали, присуждаемые ученым, обогатившим науку новыми трудами по землеведению, биогеографии, статистике, экономической географии, страноведению.

За сто пятьдесят лет, прошедших со времени первого посещения П.П. Семеновым Тянь-Шаня, в изучении природы этого края сделано много.

Великая Октябрьская Социалистическая революция возродила населяющие эту горную страну народы, которые обрели свою государственность и достигли больших успехов в развитии науки, культуры и хозяйства. Совершенно неузнаваемыми стали места, где сто пятьдесят лет тому назад проходил П.П. Семенов. Там, где на предгорных равнинах Тянь-Шаня Семенов местами встречал лишь юрты кочевников, ныне выросли города и селения. Вместо труднопроходимых троп Боомского ущелья проложены прекрасные автомобильные и железные дороги, по которым на больших скоростях мчатся автомашины и поезда. На пустынных когда-то побережьях Иссык-Куля выросли села и города. Там, где П.П. Семенов обследовал западную оконечность озера и выяснял связь реки Чу с озером, вырос крупный транспортный узел – Балыкчи.

Ныне, при въезде в Балыкчи, с видом на Иссык-Куль возвышается прекрасный бронзовый монумент П.П. Семенову-Тян-Шанскому – дань памяти кыргызского народа великому русскому путешественнику.

Литература:

1. К. Румтер. Землеведение Азии. Т. 2. С-Пб., 1859.
2. Вестник Русского Географического общества. Ч. I., 1896.

3. Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, его жизнь и деятельность. Л., 1928.
4. А.А. Азатьян, З.Н. Донцова. П.П. Семенов-Тянь-Шанский (к сорокалетию со дня смерти) //Известия Узбекского филиала Географического общества СССР. Т. 1 (22). Ташкент, 1955.
5. Э.М. Мурзаев. В далекой Азии. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
6. П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Туркестан и Закаспийский край в 1888 г. по путевым впечатлениям //Известия РГО. Т. 24. Вып. 5. С-Пб, 1888.
7. П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Поездка из Укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г. Отрывок из путевых записок //Записки РГО по общей географии. Т. I. С-Пб., 1867.

В.А. Воропаева

ОН ЗАБОТИЛСЯ ТОЛЬКО О НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Великий русский путешественник Петр Петрович Семенов оставил заметный след в истории географических открытий. Вице-председатель и глава Русского Географического общества обессмертил свое имя исследованием Тянь-Шаня в 1856–1857 гг., за что к его фамилии по указу императора России (в честь полувекового юбилея путешествия) была добавлена приставка «Тянь-Шанский» (именно так – без мягкого знака).

Открытие нового, совершенные П.П. Семеновым-Тянь-Шанским по абсолютно новой методике географических исследований, поставили его имя в ряд мировых ученых. «Эта методика явилась тем фундаментом, на который опирались другие прославившие русскую науку исследования, выдвинувшие ее вперед в мировой географии, – Пржевальского, Роборовского, Козлова, Потанина, Певцова и других» [1: 5], – подчеркнуто в Предисловии к его Мемуарам «Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах».

«О чинах и знаках отличия я и не думал...», – однажды заметил Петр Петрович Семенов в своем путевом дневнике – живой памяти его путешествия на Тянь-Шань. В июне 1857 г. в ауле Балдысана, страстного любителя музыки, нередко проводившего почти целые ночи в виртуозной игре на комузе, в обществе народных сказителей и импровизаторов, произошла встреча ученого с дубаной.

Дневниковые записи путешественника сохранили такие строки: «...Дубана, после нескольких обычных бешеных прыжков, привел себя в экстаз прорицателя и принялся предсказывать мне мою будущность. По его отрывочным словам, переведенным мне казаками (как они умели), он предсказал мне, что я буду улькун-тюре (большой сановник) у царя и буду иметь сто чинов (или знаков отличия), которые он, судя по его жестикуляции, видел на мне «воочию» перед собой, после чего при всякой новой виденной им почести падал к моим ногам в таком изнеможении, что, наконец, лишился чувств.

Я, конечно, тогда не придавал никакого значения предсказаниям дубаны. О чинах и знаках отличия я и не думал, так как мне уже было 30 лет, и я и не думал вступать в государственную службу, заботясь только о научных интересах, в особенности об исследованиях внутренней Азии, задумывая новое путешествие туда, куда впоследствии был направлен, при моем содействии, Пржевальский» [2].

И действительно, в 1856–1857 гг. П.П. Семенов был только помощником председателя отделения физической географии Русского Географического общества. Но потом предсказания кыргызского дубаны как будто реализовались. После путешествия на Тянь-Шань вплоть до 1873 г. П.П. Семенов – уже председатель этого отделения. С 1873 по 1914 гг. П.П. Семенов-Тян-Шанский – бессменный председатель Русского Географического общества. Председателями являлись, как правило, представители царской фамилии. За всю историю общества им руководили всего два таких председателя: в 1845–1892 гг. – великий князь Константин Николаевич, в 1892–1917 гг. – великий князь Николай Михайлович.

За лучшие научные труды по географии Русское Географическое общество присуждало премии и 4 золотые медали: Большая, им. Литке, им. Пржевальского, им. Семенова-Тян-Шанского.

Фактическим руководителем Русского Географического общества П.П. Семенов-Тян-Шанский оставался до конца своей жизни – до 1914 г., то есть в течение 41 года. Крупнейший русский географ Л.С. Берг, ставший

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

впоследствии председателем Географического общества, говорил о П.П. Семенове: «В представлении нашем, старых членов общества, Географическое общество и Петр Петрович – понятия нераздельные и неразделимые, это почти что синонимы» [1: 7].

Русское Географическое общество – одно из старейших в Европе, проводило обширнейшую экспедиционную, издательскую и просветительскую деятельность во многих странах мира. Его членами являлись известные ученые, исследовавшие Урал, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю и Центральную Азию; оно организовывало экспедиции в Иран, Новую Гвинею, Индию. Всей Европе XIX в. были известны имена Ф.П. Литке, К.М. Бэра, Н.Н. Миклухо-Маклая, М.В. Певцова, Н.М. Пржевальского, П.П. Семенова-Тян-Шанского и многих других. В 1896 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский написал «Историю полувековой деятельности Императорского русского географического общества» в трех частях.

После экспедиции на Тянь-Шань П.П. Семенов продолжает не только научную, но и общественную деятельность. В 1859–60 гг. в качестве эксперта он участвовал в работе редакционной комиссии по подготовке крестьянской реформы 1861 г.; в 1864–74 гг. возглавлял Центральный статистический комитет, а в 1874–1897 гг. – Статистический совет. П.П. Семенов являлся организатором 1-го съезда статистиков России, основателем ряда крупных статистических организаций. В 1897 г. в России была проведена первая в стране всеобщая перепись населения, организованная П.П. Семеновым. Он является создателем схемы экономических районов Европейской России.

П.П. Семенов-Тян-Шанский был научным руководителем многотомных сводок по географии России: «Географическо-статистического словаря Российской Империи», «Живописной России», многотомного издания «Россия».

Коллекции насекомых, собранные П.П. Семеновым-Тян-Шанским, насчитывают 700 тыс. экземпляров и хранятся в Зоологическом музее Академии наук России.

Совершенно особое место в научной деятельности П.П. Семенова занимают 1856–57 гг. – годы его знаменитого путешествия, положившего начало систематическому исследованию Центральной Азии плеядой русских путешественников второй половины XIX в. «К пятидесятым годам прошлого (XIX) столетия всю сумму европейских сведений о Небесном хребте китайцев давала риттерова Азия, а наглядно – карты д'Анвилля в позднейшей переработке Клапрота. Эти знания если не равнялись нулю, то были ничтожны», – заметил Г.Е. Грумм-Гржимайло [3].

В те времена выражение «загадочный Тянь-Шань» было так же распространено по отношению к Тянь-Шаню, как выражение «terra incognita» по отношению к Центральной Азии.

В первом томе своих «Мемуаров» П.П. Семенов пишет: *«Работы мои по азиатской географии привели меня... к обстоятельному знакомству со всем тем, что было известно о Внутренней Азии. Манил меня в особенности к себе самый центральный из азиатских горных хребтов – Тянь-Шань, на который еще не ступала нога европейского путешественника и который был известен только по скудным китайским источникам... Проникнуть в глубь Азии на снежные вершины этого недостижимого хребта, который великий Гумбольдт на основании тех же скудных китайских сведений считал вулканическим, и привезти ему несколько образцов из обломков скал этого хребта, а домой – богатый сбор флоры и фауны новооткрытой для науки страны – вот что казалось самым заманчивым для меня подвигом».*

Мечтой о задуманной экспедиции на Тянь-Шань П.П. Семенов поделился, будучи в Берлине, с Риттером и Гумбольдтом. Оба они, благословляя его на этот подвиг, однако не скрывали сомнений по поводу «возможностей так далеко проникнуть в сердце азиатского материка».

В начале мая 1856 г. экспедиция П.П. Семенова отправилась по намеченному маршруту, в июне – была уже в Барнауле и затем через Семипалатинск добралась в Укрепление Верное (ныне – г. Алматы).

Из Верного П.П. Семенов совершил две удачные поездки на Иссык-Куль. *«Вторая моя большая поездка на реку Чу успехом своим превзошла мои ожидания: мне не только удалось перейти Чу, но также и достигнуть этим путем до Иссык-Куля, т.е. западной его оконечности, на которую еще не ступала нога европейца и до которой не коснулись никакие научные исследования»*, – сообщал ученый в письме, посланном в Русское Географическое общество после окончания этого маршрута. Дальнейшие исследования намеченного происходили достаточно успешно и завершились посещением П.П. Семеновым двух горных перевалов Тарбагатая.

В «Истории полувековой деятельности Императорского русского географического общества» П.П. Семенов так оценивает путешествия в северно-западные окраины Центральной нагорной Азии: *«Конечно, поездка эта, совершенная с быстротой, вынужденной окружающими меня опасностями и лишениями, может иметь только характер научной рекогносцировки, а не ученого исследования; но и в таком виде она не останется без результатов для землеведения Азии».*

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

К научной обработке материалов своего путешествия П.П. Семенов предполагал приступить сразу же по возвращении и даже намеревался издать их в двух томах с картами и рисунками. Но служебные обязанности – работа в редакционной комиссии по реформе 1861 г. – отвлекли его от выполнения задуманного. Только через 50 лет, при составлении мемуаров, которые впервые были изданы к 100-летию юбилею ученого в 1946 г., он смог полностью описать все этапы этого знаменательного путешествия.

Оказалось, что он: *первый* начертил схему хребтов Тянь-Шаня; *опроверг* мнение А. Гумбольдта о его вулканическом происхождении; *доказал*, что вечные снега лежат здесь на очень большой высоте; *первый* установил вертикальные природные пояса; *описал* флору и фауну этого горного края; *собрал* коллекцию минералов, насекомых, гербарий; *исследовал* озеро Иссык-Куль и установил, что озеро бессточное, и река Чу не берет начало из него, как считали современники ученого, и в него не впадает, а уходит в Боомское ущелье.

П.П. Семенов – *первый* из ученых-исследователей, проникший в глубь малоизвестной и загадочной горной страны Тянь-Шань. Путешествуя по Тянь-Шаню в 1956–57 гг., он *первый* увидел живых архаров и открыл десятки неизвестных его современникам видов растений, которые росли на склонах гор и удивительных долинах. Как географа и исследователя, П.П. Семенова привлекала в первую очередь величественная вершина мира Хан-Тенгри, и он увидел ее. Он добрался до горной группы Тенгри-таг и *первый* достиг ледников, берущих здесь начало.

Исторические сведения о Кыргызстане служат яркой иллюстрацией понимания ученым того, в какой мере исторические условия, былая жизнь, и хозяйственная деятельность местного и пришлого населения, его отношение к окружающей природе играют роль в сложении общего облика края. Эпизоды из древней и средневековой истории Кыргызстана чередуются с его исследованиями, проведенными во время путешествия, описаниями многочисленных встреч путешественника с жителями края.

Известия об этом горном крае, почерпнутые у восточных, преимущественно, китайских, арабских и персидских авторов, дополняются впечатлениями от встреченных в пути историко-археологических памятников, а также зарисовками местных пейзажей и портретов местных жителей, выполненных его спутником – П.М. Кошаровым [4].

Увидел П.П. Семенов *«решительное и последнее поле битвы между богинцами и сарыбагышами»...*

«День уже клонился к вечеру, когда мы, обогнув знакомую нам вершину, с ее подножья вышли на «мертвое поле», засыпанное замерзшими трупами, между которыми были и человеческие». И далее Петр Петрович пишет в «Путешествии»: «Только тут я глубоко прочувствовал поэтическое обращение поэта Пушкина к подобной поляне со словами: «О, поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» [2: 177].

Это «мертвое поле» – свидетельство неутраченной межплеменной вражды – омрачало впечатление от встреченных на пути ученого эффектных обширных полянок и чудных альпийских лугов, ласкового Иссык-Куля и величественных гор.

Громадное научно-литературное наследие ученого, в котором Кыргызстану отведено значительное место, представляет органическую часть его «подвижничества» путешественника-первооткрывателя.

Современные ученые много экспедиционных сезонов провели на Иссык-Куле в поисках столицы усуньских правителей, древнейшего торгового центра на Великом Шелковом пути – Чигучена, который на рубеже старой и новой эры постигла судьба, схожая с участью Атлантиды.

По результатам исследований П.П. Семенова-Тян-Шанского кыргызские историки В.П. Мокрынин и В.М. Плоских четко обозначили начальную дату научных поисков столицы усуньского государства – города Чигу, поглощенного водами Иссык-Куля.

«В теплый вечер 14 июня 1857 г. молодой русский ученый-путешественник, прибывший из далекого Санкт-Петербурга на Иссык-Куль в поисках разгадки происхождения Тянь-Шанских гор, стоял на мысе Кара-Булун, у водораздела рек Тюп и Джергалан, и вглядываясь в покрытое рябью зеркало залива, тщетно пытаясь в лучах заходящего солнца увидеть причудливые развалины подводного дворца. Окружавшие его местные кыргызы рассказывали ему, что именно здесь они доставали кирпич со дна озера для своих мавзолеев-гумбезов, что именно тут, на мысе, разбушевавшиеся волны время от времени выбрасывают на берег старинные предметы – «дары озера» [5].

П.П. Семенов решил проверить рассказы иссык-кульских кыргызов об исчезнувших под водой строениях. Место, где развалины были особенно видны, по его мнению, являлось продолжением мыса Кара-Булун, во всяком случае, в восточной мелководной части озера. Вынесенные волнами в том месте находки он отнес к монгольскому периоду – к XIV–XV вв. И он был прав. Но среди

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

них, как определил П.П. Семенов, обнаружались и предметы более древнего, сако-усуньского, периода: очень древний по форме и украшениям больших размеров медный котел и несколько медных орудий бронзового периода.

Как объективный и беспристрастный ученый, П.П. Семенов задается вопросом: где же все-таки могла располагаться ставка усуней, которую китайские летописцы называли Чигучен, то есть «Город красной долины»? Усуни, по мнению ученого, *«оставались бесспорными владельцами бассейна Иссык-Куля», по крайней мере, в течение пяти веков, и оставили «самые древние предметы из выбрасываемых волнами Иссык-Куля»* [2: 184].

Обнаружение и изучение усуньских памятников выпало на долю следующего поколения ученых – младших современников П.П. Семенова-Тян-Шанского. В частности, в канцелярии туркестанского генерал-губернатора сохранилась записка купца Исаева, не раз ходившего с караваном через Иссык-Куль в Восточный Туркестан, которая подтверждала наличие древних предметов в юго-восточной части озера, доказывающих существование в прежние времена на этом месте города.

В 1871 г. был даже составлен проект поисковых работ под водами Иссык-Куля в водолазном снаряжении.

П.П. Семенов первый обратил внимание на каталанский атлас мира (1375 г.) и начал поиски обозначенного на нем христианского монастыря. В одной из глав «Путешествия», названной «Поездка в глубь Тянь-Шаня», он записал: *«В бытность свою в Венеции в начале 1850-х годов на знаменитой каталанской карте, там сохранившейся, я видел впервые изображение озера Иссык-Куль, а на северной стороне его был изображен монастырь несторианских христиан, бежавших, как известно, из стран Ближнего Востока (Сирии и др.) в глубь Азии и основавших в XII веке свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Очевидно, что этот монастырь находился на Кунгее, то основавшие его монахи могли выбрать для того себе место на берегу одной из многочисленных бухт Кунгея, защищенных от волнений озера и богатых рыбой. Под эти условия вполне подходит Курментинская бухта, но, к сожалению, я не нашел ни на ее берегу, ни в береговых наносах соседнего берега никаких предметов, оправдавших мое предположение»* [2: 186–187].

На карте рядом с изображением монастыря на северном берегу Иссык-Куля была надпись: «Это место называется Исикол. В этой местности расположен монастырь армянских братьев, где, как говорят, находятся останки св. Апостола и Евангелиста Матфея».

Ученые-историки, наши современники, теперь уже располагая этой каталанской картой, неоднократно организовывали экспедиции в район, указанный П.П. Семеновым. Несколько христианских памятников были обнаружены международной экспедицией под руководством академика В.М. Плоских, однако для продолжения успешных поисков необходимы стационарные исследования.

Последние открытия, совершенные нашими современниками в Кыргызстане, заставляют ученых каждый раз оглядываться на путешествия 1856–57 гг. первопроходца Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. Его исследования представляют целую эпоху в географическом и историческом изучении края: они подвигают на научные поиски в Кыргызстане и сопредельных странах новые и новые поколения ученых-подвижников.

В сентябре 1980 г. в Кыргызстане проходил VII съезд Географического общества, с которым была связана научная жизнь П.П. Семенова. Примечательным мероприятием съезда явилась закладка памятника П.П. Семенову-Тян-Шанскому при въезде к берегам озера Иссык-Куль через Боомское ущелье.

И памятник был вскоре возведен. П.П. Семенов-Тян-Шанский как будто стоит у въезда к озеру Иссык-Куль. В общую композицию монумента естественным образом вливаются предгорья и горы Тянь-Шаня, долина реки Чу. Здесь теперь заповедная природная зона. Это вселяет надежду на сохранение в неприкосновенности неповторимой красоты края, восхитившей 150 лет назад П.П. Семенова.

Для художественного восприятия образа П.П. Семенова-Тян-Шанского петербуржцы – скульптор В.Э. Горовой и архитектор Н.А. Соколов – использовали своеобразный архитектурный прием, постепенно создающий определенное настроение в зоне монумента: своеобразный сад камней, на трех террасах которого разместились образцы минералов; широкие вымощенные серым гранитом пандусы ведут к композиционному центру комплекса. Бронзовая фигура ученого в походной экспедиционной одежде, ведущего оседланного коня, встречает каждого, кто устремляется к кыргызскому морю. Он словно застыл, восхищенный величием и красотой Тянь-Шаня. На русском и кыргызском языках надпись: «Великому русскому путешественнику П.П. Семенову-Тян-Шанскому от кыргызского народа».

Литература:

1. *Фрадкин Н.Г.* П.П. Семенов-Тян-Шанский // *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М., 1946.

2. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары. Т. II. М., 1946.
3. *Грум-Гржимайло Г.Е. П.П.* Семенов-Тянь-Шанский как географ // П.П. Семенов-Тянь-Шанский, его жизнь, деятельность /Под ред. А.А. Достоевского. Л., 1928.
4. *Абрамзон С.М.* Этнографический альбом художника П.М. Кошарова (1857 г.): Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV.
5. *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* На берегах Иссык-Куля. Бишкек, 1992.

А.О. Конурбаев

ТРАНСГРЕССИИ И РЕГРЕССИИ ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ: ПРОБЛЕМА НЕ РЕШЕНА

П.П. Семенов-Тянь-Шанский первым из ученых заинтересовался происхождением и колебанием озера Иссык-Куль в исторической и доисторической ретроспективе.

Как установлено, бессточное озеро Иссык-Куль – водоем тектонического происхождения – находится в системе гор Северного Тянь-Шаня на дне обширной межгорной впадины, ограниченной с севера хребтом Кунгей Ала-Тоо, с юга – хребтом Терской Ала-Тоо. В конце XX в. уровень озера находился на отметке 1 607 м над ур. м.

Площадь бассейна оз. Иссык-Куль 22 080 км², из них на само озеро приходится 6 236 км². Максимальная длина озера – 179 км; ширина – 60 км; длина береговой линии – 662 км; максимальная глубина – 668 м; средняя – 280 м.

Пополнение озера водой осуществляется за счет атмосферных осадков, подземного притока и стока рек и речек с суммарным годовым объемом около 3 720 млн.т³. Наиболее крупными из рек являются Джергалан с суммарным поверхностным стоком 28,4 м³/с и Тюп – 12,1 м³/с. Реки, в свою очередь, пополняются водой в зоне ледников.

В Иссык-Кульской котловине насчитывается 834 ледника, занимающих площадь 650,4 км², аккумулирующих до 48 км³ пресной воды, причем большая часть их приходится на хребет Терской Ала-Тоо (510,1 км²).

В целом, приходную часть водного баланса озера составляют осадки, поверхностный приток и подземный, расходную – испарение и безвозвратные потери на орошение.

Характерной чертой рельефа дна озера Иссык-Куль является ступенчатое строение: глубоководная равнина и три террасовых. Равнина расположена на глубинах 650–668 м и занимает немного сдвинутую к югу центральную часть озера. Ровное днище ее переходит в ступенчатую поверхность склона, причем более древние террасы занимают и более глубинное положение. Самый молодой верхний террасовый комплекс включает поверхность береговой отмели с глубинами 30–50 м и верхний кольцевой уступ, подошва которого расположена на глубинах около 110 м.

В течение всего плейстоцена (700 тыс. лет назад) уровень озера поднимался, достигнув максимума в верхнем плейстоцене, на высоту 1 640 м над ур. м., где его положение лимитировалось стоком через Боомское ущелье на западе. В голоцене Иссык-Куль регрессировал до глубин 110 м, при этом некоторые исследователи предполагают стабилизацию уровня до глубин 100, 150 и 300 м, хотя подводные террасы отмечены и на глубинах 6–8, 12–14, 18, 28, 38, 63, 83 и 110 м. Это опускание до 100 м, вероятно, было единственной крупной регрессией в истории Иссык-Куля в голоцене (около 7 тыс. лет назад), в более позднее время амплитуда колебаний составила около 20 м.

В течение последних 3 тыс. лет амплитуда уровня составила 340 м, если учитывать точку зрения о голоценовом возрасте 100-метровой регрессии. При падении уровня озера до 100–110 м его площадь не превышала 3,8–3,9 тыс. км². При этом средняя скорость изменения уровня составила 8 см/год. Для сравнения укажем, что в XX в., когда появилась возможность проводить регулярные измерения уровня, скорость его падения с 1926 до 1975 гг. составила в среднем 4,7 см/год.

Некоторые исследователи предполагают, что в истории Иссык-Куля было, по крайней мере, два крупных падения уровня: первое – до глубин 110 м, второе – до 70 м.

Сравнительно более незначительные колебания уровня наблюдались и в более позднее время. Согласно археологическим находкам на дне озера, принято считать, что в VII–I вв. до н.э. уровень его был ниже современного на 8–10 м; в XIII в. н.э. – на 6 м; в XV в. – на 4–2 м; в середине XVI в. – на 1,5 м.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

В последние годы радиоуглеродным методом получены более точные датировки озерных отложений, помогающие установить хронологию колебаний уровня озера. Так, поверхность илистых отложений на глубине до 1 м датирована возрастными от $9\,950 \pm 200$ до $13\,540 \pm 400$ лет; на глубинах 2 и 5 м – $16\,500 \pm 700$ и $18\,600 \pm 400$ лет. С учетом датировки около 26 000 лет для отложений на высоте 1 640 м, можно заключить, что уровень Иссык-Куля был выше современного (1 640–1 610 м) $26\,000 \pm 10\,000$ лет назад.

Серия из 1-радиоуглеродных датировок (в основном древесной органики, отобранной на голоценовой террасе и в озере на глубинах 5–6 м), указывает, что интервал времени колеблется от 700 ± 50 до 170 ± 60 лет. Это свидетельствует о том, что 500–700 лет назад уровень Иссык-Куля был ниже современного на 2–5 м, а в начале-середине прошлого века был близок к отметке на абсолютной высоте 1 620 м. Следы последней кратковременной трансгрессии уровня на 1–1,5 м в виде береговых валов (1 900–1 910 гг.) наиболее хорошо прослеживаются на берегах восточной части озера.

Таким образом, 1 000–1 500 лет назад уровень Иссык-Куля был ниже современного. Глубина же его голоценовой регрессии опускается на 100 м.

Многие ученые связывают долговременные колебания уровня Иссык-Куля с изменениями климата. А.В. Шнитников усматривает связь между уровнем озер Средней Азии и Казахстана и увлажненностью их бассейнов. По мнению В.М. Букина, аридизация климата в первой половине раннего плейстоцена вызвала глубокую регрессию озера, в результате которой его береговая линия оказалась на 260–270 м ниже современной. К концу раннего плейстоцена климат стал более прохладным, в этот период происходил рост ледников, и развивалась трансгрессия озера.

О.А. Поморцев связывает колебания уровня озера с климатом и в современную эпоху. Так, с 1956 по 1977 гг. отмечено линейное сокращение ледников от 150 до 810 м, а на леднике Кара-Баткак величины отступления колебались от 2,1 до 6,8 м/год. Увеличение осадков на 80 мм (30% нормы) при температурах, близких к норме, привело в начале века (1896–1910 гг.) к существенному обогащению озера влагой, в результате чего уровень его поднялся на 1 м. Водный баланс озера мог бы быть положительным в XX в. лишь при условии ежегодного поступления в его бассейн осадков на 40 мм больше фактически наблюдавшихся.

В.В. Романовский рассматривает несколько причин, которые могут влиять на ход уровня озера Иссык-Куль. Несмотря на увеличение количества осадков с 1956 по 1982 гг., уровень озера продолжал снижаться, что может быть обус-

ловлено двумя причинами: увеличением испарения и уменьшением речного стока в озеро за счет забора воды на орошение. Увеличение испарения может быть вызвано потеплением климата. Анализ измерений температуры воздуха в г. Каракол показал, что, начиная с конца 30-х годов, температура воздуха имеет тенденцию к повышению, т.е. климат в котловине теплеет. На фоне этого прослеживается и тенденция к увеличению дефицита влажности, за исключением восточных районов. Потепление климата, естественно, вызывает увеличение испарения с поверхности озера. С 1940 по 1959 гг. среднегодовая величина испарения составила 814 мм, с 1960 по 1979 гг. она возросла до 860 мм.

Современная тенденция к потеплению климата вызовет увеличение речного стока за счет таяния ледников, но в приозерной долине происходят существенные потери речной воды на сельскохозяйственные и бытовые нужды. Часть забираемой воды достигает озера на востоке котловины или безвозвратно выносится за ее пределы.

В последние 11 лет (1984–1994 гг.) уровень озера, испытывая колебания в пределах 24 см, практически стабилизировался.

Что касается значительных и долговременных колебаний уровня Иссык-Куля в далеком прошлом, то В.В. Романовский присоединяется к мнению Ю.В. Герасимова и Л.М. Смирновой об их гидрократической природе. Он представляет историю связи реки Чу с озером в следующем виде:

1. В верхнем плейстоцене (около 26 тыс. лет назад) абсолютная высота уровня Иссык-Куля была около 1 640 м. Река Чу впадала в озеро в районе урочища Ак-Олен.
2. На границе плейстоцена и голоцена произошло опускание центрального блока озерной ванны. Река отсоединялась от озера. Уровень Иссык-Куля был на 110 м ниже современного. Большая часть вод реки Чу уходила через Боомское ущелье, но один из рукавов, русло которого (протока Кутмалды) прослеживается и ныне, сообщался с озером.
3. Примерно 1 200 лет назад уровень озера Иссык-Куль достиг абсолютной высоты 1 622–1 623 м, т.е. высоты порога стока через Боомское ущелье.
4. В результате тектонической подвижки или глубинной эрозии этого порога произошло опускание уровня Иссык-Куля, и близ современного села Кок-Мойнок сформировался отдельный водоем. Воды реки Чу, питающие этот водоем, частично уходили в Боомское ущелье, а частично через систему проток подпитывали озеро.
5. В результате дальнейшего понижения порога Кок-Мойнонский водоем исчез, а река Чу напрямую направилась в Боомское ущелье.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

6. Потеря значительной части стока реки Чу обусловила падение уровня озера.
7. Увлажненность климата в период с XII по XIX вв. н.э. вызвала новый подъем уровня озера. В этот период оно трансгрессировало до абсолютной высоты 1 818,5 м. На этой высоте сформировался барьер, блокировавший Кутмалдинскую протоку.
8. В позапрошлом веке Кутмалдинская протока пошла вслед за отступающим к югу руслом, в 3 км от берегового вала она вновь примкнула к старому руслу. Новое русло имеет слабовыраженный врез, что дает возможность предположить лишь о периодических паводковых поступлениях вод реки Чу в Иссык-Куль. По предположению автора, лишь около 1,2 тыс. лет назад река Чу полностью отдавала свои воды Иссык-Кулю. В последующем ее связь с озером была, скорее, формальной.

Итак, можно выделить три основных фактора, которые влияют на уровень озера Иссык-Куль:

- 1) повышение температуры и понижение увлажненности в бассейне;
- 2) прекращение гидрографической связи реки Чу с озером;
- 3) забор воды на орошение из питающих озеро рек.

При дальнейшем понижении уровня на 3 м значительно сократятся отмели Тюпского залива, близ мыса Сухой Хребет. Сам залив будет ограничен каньоном реки Тюп. Именно на этих отмелях происходит нерест наиболее массовых видов рыб – чебака и сига. На западе, в Рыбачинском заливе, в связи с малыми уклонами дна берега будет происходить осушение на значительном расстоянии. На северном побережье, где пески залегают на глубинах до 20–30 м, падение уровня будет сопровождаться их аккумуляцией у берегов.

Понижение уровня усилит влияние антропогенных нагрузок на озеро. Косвенные признаки ухудшения качества воды уже имеются. Гидробиологами Иссык-Кульской биологической станции отмечено увеличение численности фитопланктона и микроорганизмов. Падение уровня озера сопряжено с уменьшением объема биогенных элементов, поступающих из литоральных илов, и, тем самым, с повышением биологической продуктивности озера.

С понижением уровня несколько повышается соленость воды в озере. В 1932 г. соленость воды Иссык-Куля составила 5,82 г/л. К 1984 г. она увеличилась до 5,9 г/л. За этот период уровень воды понизился на 2,5 м, а объем водной массы – на 16 км³. Следует отметить, что скорость падения уровня озера за период 1979 – 2000 гг. была в три раза меньше, чем за период 1935–1978 гг.

Таким образом, дальнейшее понижение уровня Иссык-Куля может ска-заться не только на климате в котловине, но и на экосистеме самого озера. Но в XXI в. наблюдается тенденция к медленному повышению уровня озера.

Научная проблема причин трансгрессии и регрессии еще окончательно не выяснена и ждет своего решения.

Д.М. Маматканов

ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫСОКОГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ТЯНЬ-ШАНЯ

Межправительственная комиссия при ООН по кли-матическим изменениям (IPCC) считает, что уже к 2050 году температура воздуха в мире станет теп-лее на 3°. Такое повышение температуры может пов-лечь за собой засуху и голод более 400 миллионов че-ловек, а также уничтожение дикой природы. К 2100 году треть планеты станет пустыней. Этот мрачный прогноз заставляет ученых многих стран уделять при-стальное внимание проблеме современного глобального потепления климата и разработке мер по адаптации к грядущим изменениям климата.

В горных странах, к которым относится и Кыргызстан, современное по-тепление климата на различных высотных отметках и его влияние на распад оледенения, формирование речного стока и на дикую природу остается сла-боизученным. Для решения этой проблемы в Жеты-Огузском районе в селе Кызыл-Суу на базе Тянь-Шаньской высокогорной физико-географической станции (ТШФГС) создан Тянь-Шаньский высокогорный научный центр по изу-чению высокогорных территорий. Программа исследований центра предусмат-ривает создание гляциологического стационара на полуострове Кара-Булун, где будут проводиться наблюдения за балансом массы ледников Кара-Баткак и Айланпа. С 1949 года на леднике Кара-Баткак велись научные исследова-ния, которые вносились в базу данных международного каталога ледников. К сожалению, из-за отсутствия финансирования эти работы с 1997 года были

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

прекращены. Возобновление научно-исследовательских работ на леднике Кара-Баткак, восстановление работ на гидрометеорологических станциях и гидрологических постах поднимет авторитет кыргызской науки в международной научной среде.

На озерном стационаре будут проводиться наблюдения за ходом уровня озера, термическим режимом и динамикой береговых процессов озера Иссык-Куль. Исследования береговых процессов имеют в настоящее время большую актуальность в связи с подъемом уровня Иссык-Куля и размывом пляжей. На полуострове Кара-Булун имеется большое количество разведочных и эксплуатационных скважин подземных вод. Это позволяет организовать многолетний цикл гидрорежимных наблюдений за уровнем, дебитом, температурой, химическим составом подземных вод и разработать рекомендации по их рациональному использованию потребителями. Для изучения жизнеспособности различных видов культурных растений планируется также создание дендропарка на озерном стационаре. Исследовательские работы на стационаре Кара-Булун имеют большое научное и практическое значение для курортного освоения и туризма прибрежной зоны озера Иссык-Куль и охраны окружающей среды.

Полученные результаты исследований по вышеперечисленным направлениям найдут практическое применение при реализации плана рекреационного развития южного берега оз. Иссык-Куль, при использовании ирригационного и гидроэнергетического потенциала рек региона. Особенно интересно намечаемое нашим институтом исследование по освоению гидроэнергетического потенциала р. Сары-Жаз.

В настоящее время дали согласие на обустройство к работе Тянь-Шаньского высокогорного научного центра ученые из Германии, Франции, Японии и Китая. В последующем возможно привлечение ученых из ряда Европейских государств и США к проведению исследовательских работ. Для выполнения этих работ необходим отвод земельного участка на полуострове Кара-Булун в прибрежной зоне озера площадью 14 га в бессрочное пользование Тянь-Шаньскому высокогорному научному центру при Институте водных проблем и гидроэнергетики. Данный земельный участок включен в Генеральный план развития южного берега озера Иссык-Куль.

М.А. Рудов

О ЛЕДНИКАХ, ПЕРЕЧИТЫВАЯ «Путешествие в Тянь-Шань»

Могучие ледники, необозримые в высочайших горных кряжах, простирались вокруг пика Хан-Тенгри. Это зрелище потрясло Петра Петровича Семенова своей устрашающей силой и колоссальной энергией жизни. Отсюда, из этого царства ледников, берут начало горные реки – артерии плодородия долин, благополучия людей, населяющих Центральную Азию.

«Прямо на юг от нас, – записал Петр Петрович, – возвышался самый величественный из когда-либо виденных мною хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов».

Ледники Тянь-Шаня особо интересовали ученого-путешественника. Их описание не было ни в одном научном источнике. Он понимал, что жизнь гор, флора и фауна, фантастическая красота Иссык-Куля, бурные реки с опасными переправами – все это многократное и непостижимое перевоплощение ледников.

29 июня 1857 года Семенов направился к истокам Сары-Джаза, чтобы подняться на ледник, из которого начинается река, несущая свои воды в сторону Китая. Через фирновые поля Тенгри-Тоо он дошел до оконечности ледника и был поражен его размером. Он записал потом: «Ледяная масса, составлявшая оконечность ледника, имела метров 100 высоты. Лед её трещин имел светло-зеленый цвет. Из-под ледника с силой вырывался один из горных истоков Сары-Джаза». Теперь этот вечный ледник, драгоценный своими запасами пресной воды, носит имя Семенова. И среди многих научных открытий П.П. Семенова-Тян-Шанского, может быть, одно из самых важных – это описание кыргызских ледников, великого природного клада, определяющего геополитическую роль независимого Кыргызстана в Центрально-азиатском регионе.

В этой связи новым смыслом наполняются слова Чингиза Айтматова из публицистического очерка «Ода республике», сказанные в 1984 году: «Наши горы, взметнувшиеся в высших точках за пределы семитысячных вершин над уровнем моря, покрыты нетронутой белизной вечных снегов, и теперь они – наш национальный образ-символ, наш дух – могучая белоснежная вершина на фоне чистого просторного неба».

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

«Из-под вечных снегов высокогорья, площадь которых равна территориям иных европейских стран, проистекают великие реки Средней Азии, образующие на пути своем моря и озера, Иссык-Куль и Балхаш, Сон-Куль и Арал, реки, дарующие влагу полям, равнинам соседних республик...»

«Мы живем в горах и среди гор в долинах...»

Мы живем здесь, потому что над нами, на вершинах простираются великие ледники!

Вот так неожиданно сложилось, что описание ледников в трудах П.П. Семенова-Тян-Шанского, подкрепленное словом Чингиза Айтматова, подсказало фабулу и заглавие новой басни «Озеро и Ледник».

Плескалось Озеро в долине,
На пляжах нежился народ,
И облака в небесной сини
Вершили медленный полет.
И Озеро, как на картине,
Изображало небосвод.
А в горном кряже на вершине
Лежал Ледник в суровой стыни,
И в синем небе облака
Цеплялись за его бока.
Однажды, обзрев хребты,
Ледник под небом синеоким,
Спросило Озеро с упреком:
– Скажи-ка, пленник мерзлоты,
Кому ты нужен, лежебока?
– А я краса курортной зоны,
Обетованный край влюбленных,
Вокруг на берегах моих
Не счесть отелей дорогих,
И птицам я даю приют,
И стаи рыб в воде снуют...
– Все так, – Ледник сказал в ответ, –

Ты – украшеньё этих мест,
Но не было б тебя в помине,
Когда б не я здесь, на вершине.
Питают Озеро вода
Из-подо льда.

с. Кара-Ой, оз. Иссык-Куль

К.Дж. Боконбаев

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА: новые вызовы и угрозы в Центральной Азии

Ещё в 1984 году Международным геологическим конгрессом пресная вода (не нефть, не газ) была признана полезным ископаемым номер один, и прогнозировалось, что в будущем мир вступит в полосу глобального кризиса пресной воды с вытекающим из этого следствием – борьбой за неё, более ожесточенной, чем за нефть и газ в настоящее время. Действительно, если углеводороды можно заменить альтернативными источниками энергии, – гидроэнергетической, солнечной, ветровой, биологической, атомной, то без пресной воды жизнь на Земле невозможна.

И это будущее уже наступило. Более 40 % населения мира (около 2,5 млрд. человек) живет в районах, испытывающих среднюю или острую нехватку воды. Предполагается, что к 2025 году это число возрастет до 5,5 млрд. и составит две трети населения Земли. Ежегодно более 2,2 млн. человек (по другим источникам, около 5 млн.), в том числе 70 тыс. детей в развивающихся странах умирает от болезней из-за загрязненной воды (о качестве воды будет сказано ниже).

Многие аналитики полагают, что уже в этом веке на смену войнам за нефть и газ придут войны за пресную воду. Замечу в качестве ремарки: все военные конфликты в истории человечества были, по сути, экологическими войнами се-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

мей, родов, племен, народов, государств за природные ресурсы. И чем меньше оставалось запасов тех или иных природных ресурсов, тем масштабнее, ожесточеннее, изощрённей становилась борьба за них.

Особая роль в обеспечении населения планеты пресной водой принадлежит горам – «водонапорным башням» планеты. Как известно, 97,5% мировых запасов воды непригодно для употребления, так как они находятся в соленых океанах и морях. Горы, занимая всего лишь около 25% суши, аккумулируют в своих ледниках и снежниках 1,8% пресной воды из 2,5%, приходящихся на пресную воду от мировых запасов, и ею пользуется половина человечества.

В контексте вышесказанного не составляет исключения и Центральная Азия. Её географическое положение – в южной части Евразийского континента, но в то же время вдали от океанов и морей – предопределило аридный, засушливый климат на большей части её территории, преобладание пустынных и полупустынных ландшафтов. Вследствие этого вода в Центральной Азии исторически всегда была причиной социальных конфликтов, так называемых «кетменных войн». В дальнейшем борьба за вододелие в нашем регионе будет обостряться. Сегодня в СМИ уже началась «артподготовка», вплоть до плохо прикрытых угроз в связи с планами строительства в Таджикистане и Кыргызстане новых гидроэлектростанций на реках Вахш, Пяндж и Нарын.

Для ученых и независимых политологов проблемы рационального использования водных ресурсов Центральной Азии, как научной, социально-экономической, не существует. Опубликованы сотни томов исследований авторитетных ученых, экспертов, освещающих гидрологические, экономические, социальные, правовые и политические аспекты этой проблемы и содержащие научно обоснованные, базирующиеся на международном опыте рекомендации. На различные международные проекты, включая Аральскую экологическую катастрофу, израсходованы миллионы долларов и, тем не менее, проблема остается нерешенной, а бесплодные дискуссии, длящиеся уже около 15 лет, продолжают вопреки очевидности вывода: *необходима единая, экологически сбалансированная и экономически взаимовыгодная для всех стран стратегия использования воды как жизненно важного природного ресурса.*

Полагаю, что здравомыслящие люди и политики прекрасно понимают, что другого пути для устойчивого экономического развития, мира и стабильности в регионе просто нет [1]. Но, когда принятие очевидного решения тормозится и в качестве контраргумента выдвигается тезис, что вода – Богом данное *бесплатное* благо, то приходится предположить, что, возможно, есть некий стратегический замысел, который в перефразировке известной циничной сен-

тенции формулируется так: «Нет страны – нет проблем». Этот замысел – тем или иным способом убрать с политической карты мира Кыргызскую Республику, и тогда взрывоопасная проблема деления ее водных ресурсов отпадет автоматически – провокационно и неоднократно был озвучен ангажированным российским политологом Миграняном.

Между тем, пока идет «перетягивание водного одеяла», время для принятия мер в ответ на новые планетарного масштаба угрозы и вызовы, связанные с глобальным изменением климата, и которое катастрофически отразится в Центральной Азии, неумолимо сокращается. Если уже не истекло, имея в виду инерционность экологических систем [2].

Ученых волнует вопрос: как глобальное изменение климата отразится на «сердце» Центральной Азии – её горных экосистемах, неустанно в течение тысячелетий аккумулирующих и перекачивающих по артериям рек живительную влагу?

Напомню общеизвестные факты: сток рек Центральной Азии, с учетом увеличения водности в результате таяния ледников, в настоящее время 117–120 км³/год пресной воды, которая формируется в горах Кыргызстана (около 52 км³/год) и Таджикистана (около 65–68 км³/год).

Анализ инструментальных данных за весь период метеорологического мониторинга климата показал, что в течение всего XX века среднегодовая температура приземного воздуха в Кыргызстане неуклонно возрастала и к 2000 году повысилась на 1,6° или на 16 % (глобальная среднегодовая температура возросла на 0,6° С). В то же время, осадки на всей территории увеличились незначительно, всего на 23 мм, или на 6%. Таким образом, в прошлом веке шел отчетливо выраженный процесс неуклонной аридизации (осушения) климата республики, более чем в два раза опережающий общемировой уровень. По свидетельству долгожителей, 70–100 лет тому назад ландшафт и климат многих районов республики существенно отличались от современных.

Такое потепление уже вызвало ряд отрицательных последствий для экологии и экономики республики. В десятки раз возросло количество стихийных природных катастроф: селей, паводков, оползней, подтоплений, обвалов, наносящих огромный экономический ущерб и уносящих жизни людей.

Для расчета климатических сценариев Кыргызской Республики на период 2050 и 2100 годы был использован рекомендованный межправительственной группой экспертов программный комплекс Magic&scenGen. Получено шесть модельных сценариев изменения климата республики [3: 208] (рис. 1, 2).

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

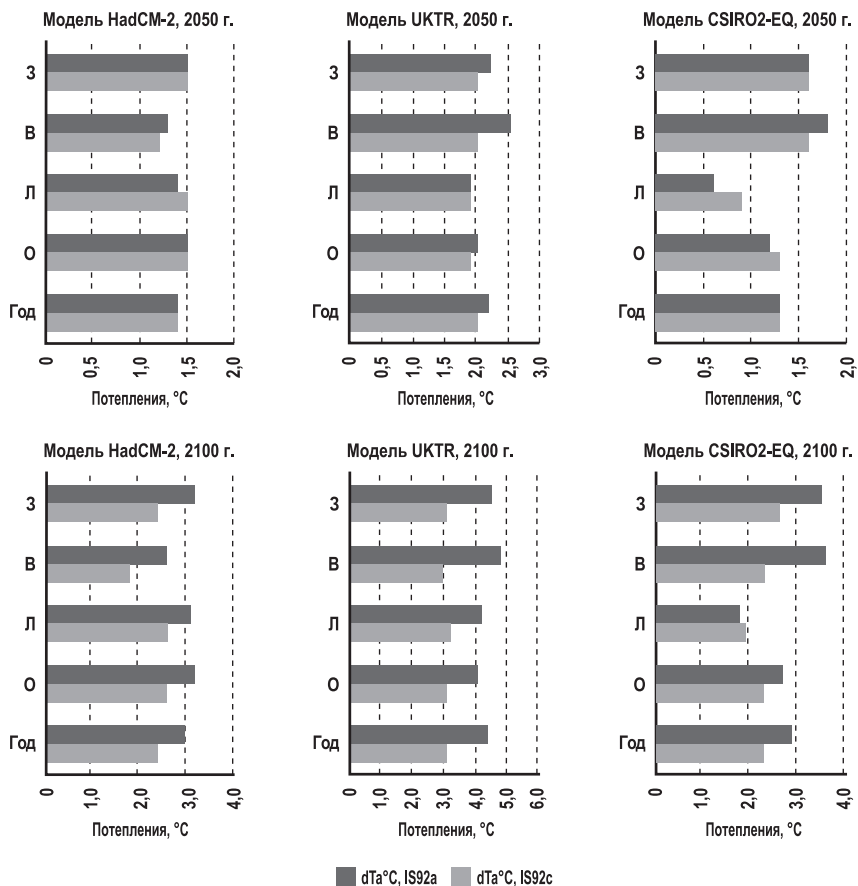

Рис.1. Сезонные (З–В–Л–О) и годовые сценарии потепления на 2050 и 2100 гг. (З – зима, В – весна, Л – лето, О – осень)

Согласно полученным сценариям, температура приземного воздуха Кыргызстана в XXI веке, как и в прошедшем, будет неуклонно возрастать, и к 2050 году средняя годовая температура повысится еще на 1,3°–1,7°С, а к 2100 году на 2,5°–3,0°С по сравнению с нормами для 1961–1990 гг. Сумма осадков возрастет незначительно, на 5–7% и на 10–15% соответственно. То есть, процесс аридизации климата республики, шедший весь прошлый век, в XXI веке продолжится. Это наиболее мягкий сценарий. В худшем ва-

рианте температура может возрасти на 4,4°C, а сумма осадков уменьшится на 6%. Например, во всей Нарынской области (во Внутреннем Тянь-Шане) на фоне повышения температуры ожидается снижение среднегодовой суммы осадков, т.е. не будет выпадать достаточного количества снега, чтобы компенсировать таяние ледников. А ведь большая часть ледников республики сконцентрирована именно здесь. Аналогичны сценарии климатических изменений и для Таджикистана.

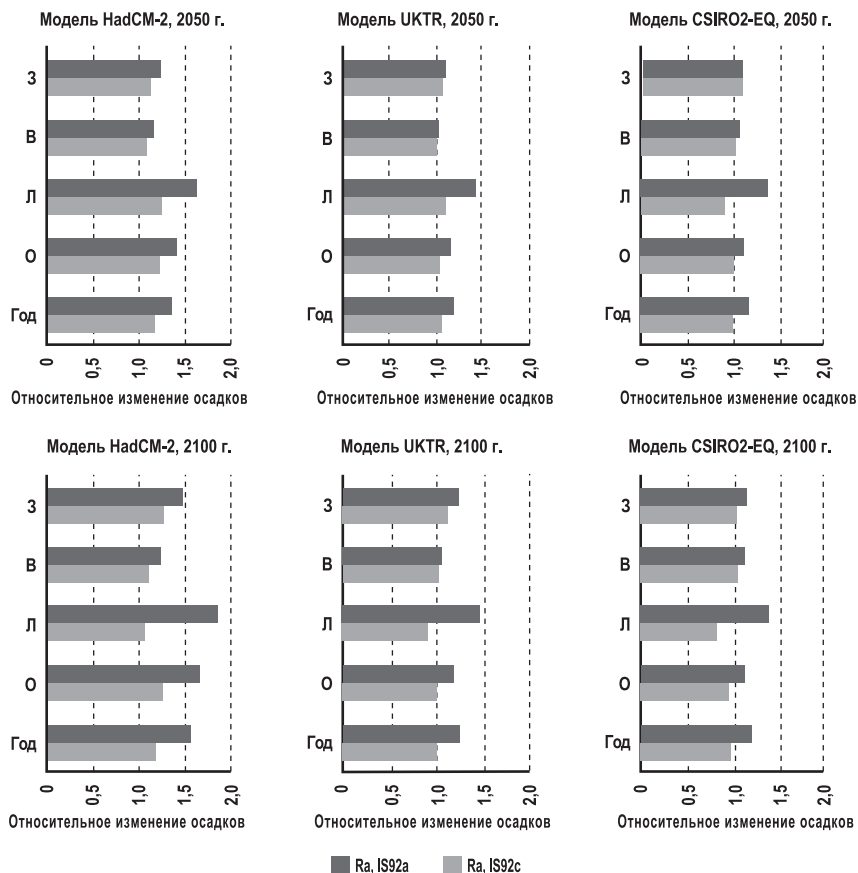

Рис. 2. Сезонные (Зима, Весна, Лето, Осень см. рис.1) и годовые сценарии изменения увлажнения на 2050 и 2100 гг.

Недавно были опубликованы результаты реалистичного моделирования глобального потепления климата большой группы авторов из США и Франции. В первой из них, physics/0610109, приводятся результаты моделирования глобальных изменений климата с 1880 по 2003 год по модели GISS ModelE. Сравнение этих результатов с фактическими данными за указанный период показало, что данная модель *реалистично* описывает динамику земного климата. Во второй статье, physics/0610115, эта модель применяется для предсказания климатических изменений в ближайшие 100–200 лет. В ней учитывались десять факторов: концентрация в атмосфере основных парниковых газов (CO_2 , N_2O , CH_4), паров воды, аэрозолей, их влияние на образование облаков, переменчивость солнечной активности, изменения, связанные с землепользованием (в основном, уменьшение лесного покрова в средних широтах) и т.д. (рис.3).

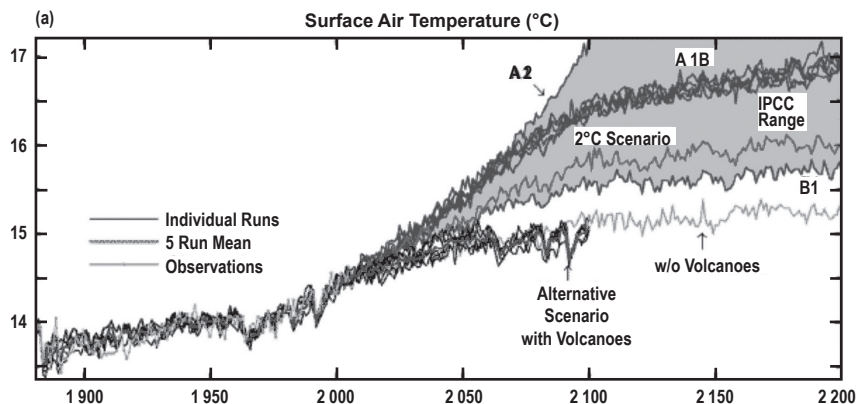

Рис 3. Предсказанная эволюция среднегодовой температуры вплоть до 2200 г. в различных сценариях экономической деятельности (из статьи physics/0610115)

Выводы статьи таковы:

- Более реалистичной оценкой для *начала опасных изменений* следует признать потепление не на 2–3, а на 1–2°C.
- Антропогенные воздействия уже сейчас являются доминирующим фактором потепления. Если экономическая ситуация не изменится, то глобальное потепление на 1°C произойдет уже к 2050 году. К 2100 году в отдельных регионах температура повысится по сравнению с сегодняшним днем на 5–10 стандартных отклонений (под стандартным отклонением

понимается типичная вариация температуры в данном регионе из года в год), что является *катастрофическим изменением*.

- Резкое снижение выбросов парниковых газов способно удержать дальнейший рост температуры в XXI веке в пределах одного градуса. Это позволит существенно смягчить силу грядущих глобальных климатических изменений.

Один из ведущих исследователей климата Джеймс Хансен, директор института Goddard Institute for Space Studies при НАСА, предупреждает: правительствам следует принять меры, направленные на ограничение выбросов углекислого газа, и не позволить средней температуре воздуха подняться более чем на 1°C. «Я думаю, что у нас остался очень короткий период, в течение которого мы можем разобраться с изменением климата... *не больше чем десять лет, это максимум*».

Если принять во внимание результаты этого реалистичного моделирования и то, что в горах Тянь-Шаня и Памира температура приземного воздуха повысилась не на 1°C, а на 1,6°C и не к 2050 году, а уже сегодня, то ситуация вовсе становится удручающей.

Остановимся на главнейших для всей Центральной Азии последствиях потепления климата. В первую очередь, встанет задача обеспечения населения Центральноазиатского региона жизненно важным для него природным ресурсом гор – питьевой и поливной водой. Как известно, поверхностный сток трансграничных рек Кыргызстана и Таджикистана имеет в основном снежно-ледниковое питание. Согласно инструментальным наблюдениям гляциологов СНГ ледники Алая и Памира за период с 1957 по 2000 год, т.е. за 43 года, потеряли 25% запасов пресной воды. Скорость сокращения – 0,6–0,8% по площади и 0,8–1% по объему. Не везде скорость одинакова. Например, с 1957 года скорость таяния ледника Петрова по сравнению с предыдущим периодом удвоилась. Эти сведения подтверждены исследованиями независимых зарубежных специалистов. Ученый из Оксфорда Стефан Харисон вместе с коллегами из университета Гумбольдта установили, что с 1955 по 2000 год ледники Северного Тянь-Шаня таяли со скоростью 2 км³/год, потеряв за 45 лет 90 км³ или почти двухгодичный запас поверхностного стока всех рек республики! На Памиро-Алае площадь ледников сократилась на 1 216 км², на северном Тянь-Шане – на 30%. В текущем столетии произойдет дальнейшее таяние снежников и ледников, и к 2025 году их площадь сократится в среднем еще на 30–40%. По прогнозу М.И. Будыко [4], если повышение

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

среднегодовой температуры к 2025 году составит по сравнению с 1970 около 2°С (на сегодня уже 1,6°С), то размеры ледников сократятся на 76% (южные склоны) и на 32% (северные).

Интенсивное таяние ледников, естественно, поначалу приведет к увеличению водности рек, что и фиксируется в последние годы. За период 1973–2000 гг. сток рек Кыргызской Республики возрос на 6,3% по сравнению с предшествовавшим периодом (с 48,9 до 51,9 км³/год). В течение 10–20 лет, по оценкам некоторых ученых, прогнозируется дальнейшее увеличение стока рек еще на 10 % (до 55,5 км³/год).

Казалось бы, не о чем беспокоиться. Однако оптимисты, а таковые, как видно, есть, не берут в расчет два важных обстоятельства.

Первое. После пика увеличения водности рек в результате таяния ледников неизбежно наступит спад, т.к. запасы воды в ледниках начнут иссякать, а ряд мелких ледников вообще исчезнет. Это очевидно. По прогнозам ученых, к 2030 году сток рек Кыргызстана сократится на 25–35% и, если не предпринять мер уже сегодня (а надо было начать вчера) по сохранению и возобновлению оставшихся запасов, то к 2050 году сток рек сократится еще на 30–40% и составит всего около 16 км³/год. В настоящее время – 51,9 км³/год. *В целом по региону суммарный поверхностный сток к 2030 году сократится с нынешних 117–120 км³/год, как минимум, до 35 – 36 км³/год.*

К 2100 году ледники Тянь-Шаня и Памира можно будет увидеть лишь в фотоархивах. Необходимо подчеркнуть, что вышеприведенные данные есть результат многолетних исследований ученых СНГ, подтвержденных исследованиями ученых дальнего зарубежья.

Второе. Проблема водообеспечения стран Центральной Азии обострится даже при прогнозируемом временном увеличении стока рек. Согласно оценкам Американского бюро переписи и прогнозам Фонда ООН в области народонаселения (UNFPA) к 2020–2030 гг. население всей Центральной Азии увеличится минимум в два раза и составит около 60 млн. человек. Соответственно в 2 раза возрастет потребность в воде, и увеличение стока рек к этому периоду всего на 10%, конечно же, не снимает проблему.

По данным эксперта ПРООН по экологии в России, человеку необходимо 20–50 л воды в день. В развивающихся странах каждый житель потребляет в день в 60–150 л в день. Возьмем для жителей Центральной Азии среднюю величину – 100 л/день (0,1 м³ в день, или 36,5 м³/год). *Тогда на 60 млн. населения потребуется 2,2 млрд. м³ (22 км³/год) пресной воды в год!*

При прогнозируем стоке к этому времени – 35–36 км³/год.

В приведенном расчете учитывался только демографический фактор увеличения спроса на пресную воду. Проблема же состоит не только в обеспечении людей чистой питьевой водой, которой уже сегодня не хватает. В условиях преимущественно орошаемого земледелия в засушливой Центральной Азии это еще и проблема продовольственной безопасности. В среднем в развивающихся странах около 80 % потребляемой пресной воды используется сельским хозяйством, в нашем регионе – около 90%. Если взять в расчет оптимистические программы развития экономики – сельского хозяйства, промышленности, горнодобывающей отрасли, то потребность в воде увеличится еще в 1,5–2 раза. *Итого в 3–4 раза, как минимум, т.е. около 66–88 км³, в то время как к 2030 году суммарный сток прогнозируется в 35–36 км³/год.*

Ситуация с водными ресурсами становится почти безысходной, если в связи с необходимостью развития некриминального сельского хозяйства, раньше или позже, свою долю воды из бассейна Амударьи потребует Афганистан как субъект «большой» Центральной Азии.

Таким образом, главной угрозой стабильности и самой жизни в Центральной Азии уже к 2050 году станет жесточайший дефицит питьевой и поливной воды. Не случайно, наверное, возрождается, озвученный мэром Москвы Ю. Лужковым и совсем недавно – президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым, давний проект переброски части стока сибирских рек в Центральную Азию. Навивно думать, что этот проект, если он состоится, продиктован филантропией: согласно расчетам международных экспертов-экономистов, через 10–15 лет литр воды будет стоить намного дороже литра бензина.

Небольшая ремарка о стереотипах и заблуждениях в отношении воды, характерная и для тех, кто заинтересован в сохранении статус-кво вододелиения, и для тех, кто за его пересмотр. Приведем цитату из одной публикации в Интернете: «Таджикистан обладает огромными, неисчерпаемыми запасами дешевой гидроэнергии и экологически чистых рек» (выделено нами – К.Б.). Как нам представляется, нельзя согласиться с такими утверждениями о неисчерпаемости и чистоте воды. К тому, что сказано о прогнозах по запасам водных ресурсов в горах Центральной Азии в связи с глобальным изменением климата, можно добавить следующее. Вследствие глобального кругооборота воды в природе, конечно же, ее можно отнести к возобновляемым (условно) и на определенном отрезке геологического времени – к неисчерпаемым природным ресурсам (на Марсе тоже когда-то была вода). Кто с этим спорит? Но неисчерпаемость воды в планетарном

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

смысле не означает, что она равномерно распределена по всей Земле. Где-то ее с избытком, а где-то не хватает или вовсе нет. Это должно быть очевидно для всех – и для профессора, и для земледельца, хоть раз в жизни прочитавшего в школе учебник географии или видевшего документальные телефильмы о странах мира.

Несколько слов о проблеме чистоты воды. Дело в том, что в результате хозяйственной деятельности человека земная вода загрязняется неразлагающимися в ней пестицидами, солями тяжелых металлов, другими вредными химическими веществами, которые вместе с ней вовлекаются в глобальный кругооборот и затем в виде кислотных дождей выпадают вновь на землю. Таким образом, вода уже не может считаться чистой, то есть в полной мере возобновляемым (возрождающимся в чистоте) природным ресурсом.

Любопытные факты по потреблению воды в государствах Центральной Азии приведены в Докладе ПРООН о развитии человека (1999 г.), переведенные нами на язык диаграммы (рис. 4). На ней по оси ординат показаны внутренние возобновляемые ресурсы воды на душу населения и ежегодный забор воды на душу населения по странам Центральной Азии.

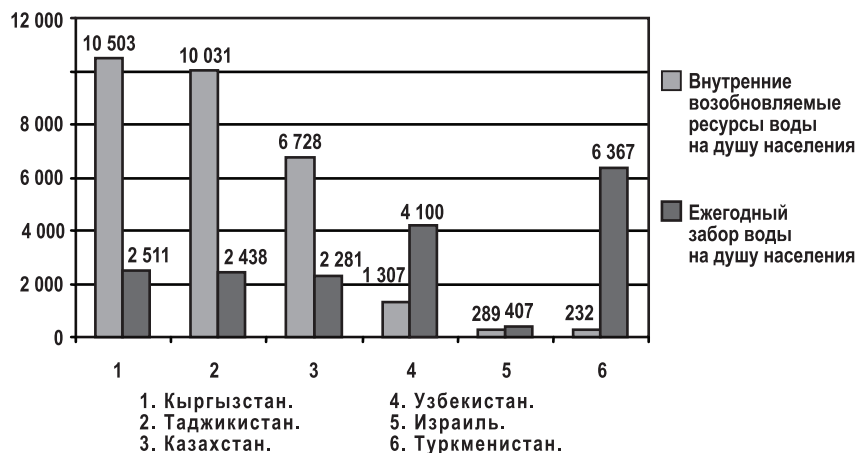

Рис. 4. Запасы водных ресурсов и их потребление в государствах Центральной Азии и Израиле на душу населения, в м³/год

Как видно, Узбекистан, располагая внутренними водными ресурсами почти на порядок меньшими, чем, например, Кыргызстан, потребляет воды

почти в два раза больше. Туркменистан – самое расточительное государство: имеет наименьший внутренний ресурс воды, потребляет же больше всех – 6 367 м³/год. Почти столько, сколько Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан, вместе взятые!

Для сравнения на диаграмме приведены данные по Израилю. Он имеет в своем распоряжении 289 м³/год на каждого жителя внутренних возобновляемых водных ресурсов и потребляет 407 м³/год, но за счет грамотного системно организованного менеджмента, использования водосберегающих технологий сумел превратить безжизненную пустыню в цветущий оазис. Вышеприведенные данные позже были подтверждены исследованиями международных организаций [5]. А как бережем воду мы, жители Центральной Азии, в которой веками идут так называемые «кетменные войны»?

Водные ресурсы в Центральной Азии используются главным образом (около 90%) на орошение сельскохозяйственных земель. Применение примитивных методов полива приводит к безвозвратным потерям воды, которые у нас в республике составляют около 22%. Таким образом, из 51,9 км³/год поверхностного стока, формирующегося в Кыргызстане, только у нас *ежегодно* теряется минимум 12 км³/год пресной воды. Еще большие безвозвратные потери воды происходят в Узбекистане и Казахстане – от 25 до 37% в каждой. Неудивительно, что Арал высыхает.

Нежелание сотрудничать в водно-энергетической политике ведет, по некоторым оценкам, к *потере странами региона 1,7 млрд. долларов США ежегодно, или 3% ВВП*, снижению урожаев сельскохозяйственных культур [6]. Можем ли мы допускать такое расточительное, безответственное использование бесценного дара природы? Оказывается, можем! И допускаем! Ведь вода, как утверждают равнинные соседи Кыргызстана и Таджикистана, – это не природный ресурс, как нефть, газ, которые платны; а бесплатный божий дар. Бесплатное – не ценится. Между прочим, для сведения: кыргызстанские земледельцы платят за свою воду, как за услугу поставки.

В заключение возникают классические, а в данном случае и риторические вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?» И все же ответим. Кто виновен, ясно. Что следует предпринять для смягчения или даже предотвращения нависшей над Центральной Азией реальной экологической угрозы, связанной с потеплением климата, за которой неизбежно последуют продовольственная катастрофа и социальный распад с вполне прогнозируемыми другими последствиями? Не все так безнадежно, как может показаться из изложенного выше. Современные технологии водопользования и технические средства для сохранения

и возобновления водных ресурсов у человечества имеются. Для того чтобы применить их, нужно только одно: нам, народам Центральной Азии, особенно ее политическим лидерам, необходимо перешагнуть через барьер этнического эгоизма и разобщенности и вместе, рука об руку, плечом к плечу, достойно ответить вызовам и угрозам тысячелетия. Небольшая ремарка: у Кыргызстана и только для него есть, если подумать, нетрадиционный, так сказать несимметричный, вполне мирный и юридически безупречный ответ на вызовы глобального изменения климата. Но мы тысячами нитей связаны со всеми странами Центральной Азии, которая есть единая, целостная, социальная, эколого-экономическая система. Разрыв связей, хотя бы одной из них, приведет к разрушению всей системы – это закон существования любой системы.

В этом контексте несомненный интерес представляет идея президента Казахстана Н.А. Назарбаева о создании Центральноазиатского союза – нереализованной мечты младотурков о Великом Туркестане. Пока эта идея встречена в Центральной Азии, в частности, в Кыргызской Республике, с настороженностью, чему способствуют уроки давней и недавней истории, подогретые провокационными прогнозами политолога Миграняна о будущем Кыргызстана. Тем не менее, полагаю, что при обязательном соблюдении определенных условий: справедливости, уважительном отношении к национальному достоинству, суверенитету государств – по примеру Евросоюза – претворение в жизнь этой идеи решило бы многие проблемы, в том числе и обсуждаемую.

Литература:

1. Экологическая безопасность Кыргызстана как фактор устойчивого развития государств Центральной Азии: Материалы к международному семинару. Бишкек, 2003.
2. *Боконбаев К.Д.* Экология, окружающая среда и безопасность Кыргызстана. Бишкек, 2004.
3. *К.Д. Боконбаев, Е.М. Родина, Ш.А. Ильясов* и др. Климат и окружающая среда. Бишкек, 2003.
4. *Будыко М.И.* Глобальная экология. М., 1977.
5. Окружающая среда и безопасность. Трансформация рисков в сотрудничество. Центральная Азия. Регион Фергана – Ош – Худжанд /ЮНЕП, ПРООН, ОБСЕ, НАТО, 2005.
6. Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. Братислава: Словакия, 2005.

И.Т. Айтматов

ОСТАТОЧНЫЕ НАПРЯЖЕНИЯ В МАССИВЕ ГОРНЫХ ПОРОД И ОЧАГИ ГОРНЫХ УДАРОВ

Одной из актуальных геодинамических проблем освоения недр на современном этапе развития горного производства продолжает оставаться проблема прогноза и предотвращения горных ударов. Горные удары в горнорудной практике начали заметно себя проявлять еще в XIX в., и с тех пор эта проблема пребывает в центре внимания ученых-горняков, особенно начиная с середины XX столетия. В своей крупной известной монографии «Горные удары», выпущенной издательством «Углетехиздат» более пятидесяти лет назад (в 1954 году), профессор С.Г. Авершин писал: «По поводу механизма горных ударов высказано много предположений и гипотез, однако к настоящему времени нельзя сказать, что мы располагаем достаточно обоснованными, правильными представлениями о природе этого явления» [1].

Явления, связанные с напряженным состоянием горных пород, остаются малоизученными. Горные удары относятся к наименее исследованным областям, несмотря на полувековую историю их изучения. И сегодня, спустя пятьдесят лет с тех пор как было изложено данное мнение, мы, к сожалению, и в наше время не можем еще заявить, что проблемы горных ударов уже полностью решены. Данная проблема освоения недр и в научном, и в практическом плане продолжает оставаться особо актуальной.

Исходным условием возможности возникновения геодинамических событий в земной коре, в том числе горных ударов, как известно, является уровень и характер напряженного состояния породного массива в соответствующих зонах. Именно по этой причине по мере познания физического существа горных ударов и статических форм проявления горного давления при разработке месторождений, значительное внимание ученых и специалистов все больше сосредоточивалось на проблеме напряженного состояния горных пород, на оценке и расчете этого состояния и прогнозе условий и характера проявлений горного давления.

В семидесятих годах прошлого века, когда во многих регионах, вопреки существовавшим ранее представлениям об условиях напряженного состояния

горных пород, на основе натурального измерения напряжений было установлено существенное превышение горизонтальных напряжений над вертикальными, родился термин – *тектонические напряжения*. Иначе говоря, превышение значений горизонтальных напряжений над вертикальными объяснялось и объясняется как следствие протекающих в земной коре современных тектонических процессов, обусловленных взаимодействием литосферных плит.

В процессе освоения недр в разных странах и континентах на многих рудниках и шахтах возникали горные удары, причем начальная глубина возникновения этих геодинамических явлений наблюдалась и наблюдается на разных уровнях. В одних случаях горные удары имели место на глубинах 50–100 м, в других – начальная глубина горных ударов составляла 400–500 и даже 800–1 000 м и более. Но, вместе с тем, есть рудники, где горных ударов не было и нет на глубинах 1 000–1 500 м. Вся эта противоречивость начальных глубин и общей интенсивности проявления горных ударов в свое время (70–80-ые годы прошлого столетия) также связывалась с современными тектоническими напряжениями и условиями геомеханического состояния пород в зонах проявления горных ударов. Соответственно этому в конце 80-ых годов прошлого века в советской горнотехнической литературе родился термин – *«горно-тектонические удары»*. Смысл этого термина содержит в себе как техногенный фактор («горный», т.е. горно-технологический), так и природный («тектонический»). По своему существу этот термин определяет данное явление как наведенное (возбужденное или индуцированное) геодинамическое явление в массиве, аналогичное наведенному техногенному землетрясению, но, в отличие от последнего, более мелкое по энергетическим параметрам своего проявления.

Из определения «тектонический» для рассматриваемого вопроса напрашивается вывод о том, что исходное поле напряжений в очаге горно-тектонического удара обусловлено действием современных тектонических сил. В то же время ясно, что общее тектоническое воздействие взаимодействующих породных блоков сказывается, прежде всего, на общем уровне напряженно-деформированного состояния этих блоков. Если, тем не менее, в отдельных местах внутри отдельных блоков срабатывают очаги горно-тектонических ударов, то напрашивается вопрос, в каких именно местах и почему внутри этих отдельных блоков зарождаются очаги горных ударов, проявляющиеся в форме внезапного динамического разрушения массива с сильным сотрясением, дроблением породы, образованием пыли и резким звуком? Естественно, главным исходным природным и природно-техногенным фактором, обуславливающим

разрушение массива пород в форме горного удара, является высокий уровень напряжений в очаге зарождения и развития данного динамического явления.

В породных массивах современных стабильных щитов (Балтийский, Канадский, Казахский щиты), не подверженных активным сейсмотектоническим воздействиям, также наблюдаются горные удары и другие геодинамические проявления типа «стреляний», микроударов, толчков. В частности, такие проявления горного давления имели место на руднике Восточный Коунрад, расположенном в пределах Центральной зоны Казахского стабильного щита.

А.Н. Ромашов и др. (1996), отмечая высокую напряженность верхних геосфер, говорят о том, что горная практика ощущает на себе стихию горных ударов [2: 40–44]. Уже проведены непосредственные измерения тектонических напряжений, а природа их все еще остается загадочной. На основе обширного анализа результатов измерения тектонических напряжений разными учеными и специалистами авторы указанной статьи подчеркивают, что поля горизонтальных напряжений, действующих в массиве горных пород, показывают большую анизотропию, как по величине, так и по направлению, причем даже на рядом расположенных участках. В изменении напряжений по мере увеличения глубины также наблюдается большой разброс данных. В частности, отмечается, например, тот факт, что в основании Ингурской плотины на отдельных участках установлены вертикальные растягивающие напряжения.

По данным исследований на Кольской сверхглубокой скважине СГ-3 на глубинах 3–6 км обнаружена область пониженных вертикальных напряжений (приблизительно в 400 атм.) по отношению к расчетным данным за счет веса вышележащих пород [3].

В верхней части земной коры встречаются отдельные локальные участки и точки, где вертикальные напряжения в несколько раз превышают значения вертикальных напряжений, обусловленных действием силы тяжести налегающих горных пород. Имеются территории, где даже в региональном плане вертикальные напряжения значительно превосходят напряжения, обусловленные действием гравитационных сил. В частности, эти явления были обнаружены еще в 60-х годах при изучении напряженного состояния горных пород на ряде месторождений в Канаде. Например, на урановом руднике в районе оз. Эллиот Лейк вертикальные напряжения оказались в 1,5–2,0 раза, а горизонтальные – в 3 раза больше соответствующих напряжений, образующихся под действием веса налегающих пород на рассматриваемой глубине.

Превышение указанных вертикальных напряжений по отношению к соответствующим вертикальным гравитационным напряжениям в земной коре

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

объяснить влиянием тектонических (главным образом, горизонтальных) сил невозможно. Данное условие напряженного состояния горных пород можно объяснить только как следствие наличия в породном массиве остаточных напряжений. Следует отметить, что именно на указанных выше месторождениях Канады активно проявились горные удары.

Подобного рода аномальные явления напряженного состояния массива горных пород на разных глубинах, измеряемых сотнями и тысячами метров, известны и на других объектах: на Талнахско-Октябрьском месторождении, на Таймыре, где на глубинах 500 м исходное поле напряжений близко к гидростатическому, т.е. горизонтальные напряжения по своим значениям близки к вертикальному. Но уже на глубинах 850–900 м в массиве пород были зафиксированы большие горизонтальные напряжения, которые по своей величине в 1,5–2,0 раза превосходили вертикальную составляющую, образуемую весом налегающей толщи пород. Именно в этих условиях получили начальное и активное развитие горные удары на шахте № 1 рудника «Октябрьский». При переходе горных работ на глубины 1 000–1 150 м было установлено, что здесь величины естественных горизонтальных напряжений значительно снизились, но в то же время существенно возросли значения вертикальных напряжений (в 1,2–1,8 раза выше гравитационных величин). Аномалии горизонтальных напряжений отмечаются в отдельных широких тектонических блоках. В то же время в местах, где рудный массив включает в себя частые прослои слабых пород (ксенолитов) горизонтальные и вертикальные напряжения исходного поля снижаются.

Результаты натурных измерений напряжений в малых скважинах протяженностью 5 – 10 м также свидетельствуют о высокой неоднородности естественных полей напряжений и в пределах малых пространственных масштабов.

Многочисленные экспериментальные исследования по измерению напряжений в горных породах в натурных условиях подтверждают в основном периодический характер пространственной изменчивости величин напряжений в породном массиве.

При бурении колонковых скважин во многих случаях в массивах высоконапряженных пород происходит периодическое дискование kernового материала, что является одним из главных признаков, характерных для удароопасных месторождений. Исследованиями, которые выполнялись в Институте физики и механики горных пород НАН КР (ИФимГП) установлено, что даже в небольших блоках породы, отчлененных от массива и освобожденных от внешних нагрузок, во многих случаях выявляются напряжения, значения которых могут достигать

нескольких десятков МПа [4: 134–164; 5]. При керновом бурении в свободных породных блоках, взятых из удароопасных массивов, также проявляются случаи дискообразования. Примечательно, что в массиве одной и той же породы наблюдается определенная пространственная периодичность размещения зон дискования при бурении соответствующих скважин. Так, на руднике Куру-Сай в мраморизованных известняках явно прослеживается закономерность пространственного распределения зон дискообразования: на ГХ-м горизонте (глубина от дневной поверхности $H = 360$ м) на каждые 100 м горизонтальных скважин, приходится 2–3 дисковых интервала протяженностью до 0,5–0,6 м каждый; на XIII-м горизонте ($H = 620$ м) на 100 м горизонтальной скважины приходится по 3–4 дисковых интервала протяженностью от 1,0–2,0 до 5,0–6,0 м и, наконец, на XIV-м горизонте ($H = 680$ м) – по 4–5 интервалов протяженностью от 2,0 до 6,0 м каждый.

Наглядное представление об условиях дискообразования в керне разведочных скважин, пробуренных на XIV-м горизонте в метаморфизованных известняках, дают результаты полного обследования кернового материала по горизонтальной скважине. Данная скважина была пробурена вне зоны очистных работ, и дискообразование имело место во всех породах, пересечённых скважиной.

Как видно, в горизонтальной скважине протяженностью 125 м выделилось пять интервалов с дисками. Протяженность дисковых интервалов изменяется от 2,5 до 6,0 м; расстояние между участками дискообразования в основном составляет около 25 м; прочность образцов данной породы на одноосное сжатие колеблется от 50,0 до 150,0 МПа.

Нашими исследованиями на основе физического моделирования полей остаточных напряжений в горных породах с помощью поляризационно-оптического метода было установлено, что даже в физически однородной изотропной среде для распределения полей остаточных напряжений характерна пространственная периодичность и скачкообразная изменчивость напряжений в отдельных точках моделей.

Было обнаружено, что при сжатии цилиндрического образца породы с остаточными напряжениями на прессе, вопреки общепринятым представлениям, в средней части образца вдоль оси сжатия развивались деформации растяжения. В образцах без остаточных напряжений такие явления, естественно, не происходят: при нагрузках сжатия в образце вдоль оси нагружения происходит деформации сжатия.

Наши дальнейшие исследования подтвердили неслучайность данного явления и обусловленность скачкообразной и знакопеременной деформации образца наличием в нем остаточных напряжений. Наблюдаемое явление скачкообразной деформации горных пород при одноосном сжатии обусловлено перераспределением существующих (экспериментально установленных) в теле остаточных напряжений в результате нарушения их равновесия при воздействии сил внешнего нагружения, образования и перемещения внутренних микроскопических полостей (вакансий, дислокаций, микротрещин).

Следует отметить, что образцы, в которых наблюдались аномальные скачкообразные деформации, были отобраны из удароопасных участков месторождений и при статических нагрузках они, как правило, разрушались динамично, взрывоподобно.

Явление, установленное нашими исследованиями, стало научным открытием *о скачкообразном освобождении остаточных напряжений в горных породах*. Именно на основании испытания образцов горных пород из удароопасных месторождений с остаточными напряжениями были установлены аномальные явления процессов деформирования перед горными ударами и землетрясениями¹ [5].

Следует также отметить, что остаточные напряжения сами по себе не могут привести к горным ударам, даже если по своей величине превышают предел прочности горных пород, так как эти напряжения в нетронутом массиве самоуравновешены, и при тектонически спокойной ситуации остаточные напряжения сохраняют свое равновесие в массиве. Однако указанные остаточные напряжения, превышающие предел прочности горных пород, проявляются как фактор динамического разрушения при нарушении их равновесия образованием новой поверхности (при проходке выработки, при выемке пород, после взрывных работ).

На глубоких рудниках Индии указанное явление было использовано как один из предвестников горных ударов. С.Г. Авершиным и другими исследователями также было отмечено, что перед горными ударами (за несколько суток) происходит знакопеременное и скачкообразное изменение деформаций в породном массиве. Сейсмологи также неоднократно отмечали, что перед землетрясениями наблюдается смена знака (направления) деформаций.

¹ *Айтматов И.Т., Тажобаев К.Т.* Явление скачкообразного освобождения остаточных напряжений в горных породах: Диплом на научное открытие (Диплом № 90, № А-109 от 29.04.1998 г.), выданный Международной ассоциацией авторов научных открытий и Российской академией естественных наук.

Весьма наглядным примером скачкообразных и знакопеременных деформаций массивов пород перед и после горных ударов могут служить данные о соответствующих процессах, наблюдавшихся и наблюдаемых, в частности, на Таштагольском железнорудном месторождении. Там перед горными ударами в ряде случаев на земной поверхности было отмечено проявление обратных смещений реперов, являющихся признаком перераспределения напряжений в массиве пород вокруг очистной выработки и формирующейся зоны трещин.

В периоды горных ударов отмечены скачкообразные смещения глубинных реперов в сторону обрабатываемого рудного массива (до 10–15 мм), что свидетельствует о наличии динамической пригрузки со стороны вмещающих пород. Последние сдвигаются в виде монолитной пачки мощностью висячем боку до 90 м после горного удара, произошедшего в феврале 1982 г. При взрыве 15 блока, образовалась трещина расслоения (разрыва) в массиве пород висячего бока на расстоянии 90–100 м от рудной зоны. При этом за трещиной наблюдались обратные смещения реперов, указывающие на перераспределение горизонтальных напряжений в массиве вокруг формирующейся зоны трещин.

Отсюда следует, что перенапряженные участки массива получают дополнительный взрывной импульс, происходит разгрузка массива в виде микроударов и горных ударов. Массовый взрыв провоцирует горный удар.

Литература:

1. *Авершин С.Г.* Горные Удары. М.: Углетехиздат, 1955. 233 с.
2. *Ромашов А.Н., Цыганков С.С.* О природе тектонических напряжений в земной коре //Горный журнал. № 7–8, 1996.
3. Кольская сверхглубокая. /Под ред. Козловского Е.А. М.: Недра, 1994.
4. *Айтматов И.Т., Тажибаев К.Т.* Проявления остаточных напряжений в деформации горных пород при их нагружении //Физика и механика разрушения горных пород. Фрунзе: Илим, 1987.
5. *Тажибаев К.Т.* Условия динамического разрушения горных пород и причины горных ударов. Фрунзе, 1989. 180 с.

Р. Д. Дженчураева

ДИНАМИКА ЗЕМНОЙ КОРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ КРУПНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

Исследования последних десятилетий показали важную роль глубинных зон дислокаций и неоднородностей при формировании крупных и суперкрупных месторождений и определили сложные связи гидротермальных рудообразующих систем с подкоровыми процессами.

Нашими предыдущими публикациями [1: 230–231; 2: 110–116; 3: 1476–1483] была показана роль структур глубокого заложения в формировании крупных месторождений в Центральноазиатском регионе. Крупные месторождения часто тяготеют к местам пересечения шовных зон и рифтогенных структур разломами глубокого заложения. Последние, как было показано ранее, хорошо маркируются эпицентрами мелкофокусных землетрясений и афтершоками, аномально повышенными тепловыми потоками и потоками фтора и др.

В настоящей публикации делается попытка проанализировать возможные причины появления гигантских скоплений металлов на примере суперкрупных месторождений некоторых регионов. Основной трудностью является сопоставление современных глубинных аномалий, связанных с новейшей тектоникой и увязка их с древними месторождениями, например, верхне-палеозойского возраста. На этот вопрос можно ответить с различных позиций. С одной стороны, это длительно-унаследованные процессы, наличие которых в современной структуре можно рассматривать как ранее существовавший (несколько сотен или десятков миллионов лет назад) и ныне отступающий во внутренних частях земли фронт тепловых потоков. С другой стороны, мантийное вещество, достигшее надастеносферного уровня, перестает зависеть от горизонтальных перемещений литосферных плит по астеносферному слою.

Анализ размещения оруденения в связи с глубинным строением земной коры показал большую информативность таких элементов, как:

- морфология поверхностей Мохо и Конрада;
- наличие внутрикоровых волноводов (низкоскоростных линз);

- наличие глубинных структур-проводников больших объемов флюидов, энергии, металлоносного материала и др.

Контроль размещения рудных полей и месторождений линейными узкими прогибами и поднятиями поверхности Мохо отмечаются многими исследователями. На территории Казахстана и Кыргызстана эти глубинные зоны нарушений обычно являются секущими к геологическим структурам основного Тянь-Шанского направления.

На территории Кыргызстана восточный сектор (восточнее Таласо-Ферганского разлома) отличается от западного относительно меньшими глубинами волноводов (20–35 км на юго-востоке, 35–40 км – на западе). Характер рисунка волноводов – каркасный. Эти горизонты на разных уровнях соединены между собой наклонными и почти вертикальными стволотвидными телами. Такие волноводы, могут соответствовать поднимающимся к поверхности мантийным флюидам. Они могут быть идентифицированы с низкоскоростными плюмами, контролирующими во многих регионах размещение суперкрупных месторождений.

Низкоскоростные слои по представлениям некоторых исследователей имеют эффект мантийного плюма и играют важную роль в контроле апвеллинга астеносферы, подъема мантии и формировании внутрикоровых низкоскоростных линз, а также в поставке громадных объемов флюидов, энергии и минерализации. Одним из таких примеров является низкоскоростной плюм в пределах юго-западной границы кратона Янцзы [4: 48–53]. Обсуждаемая площадь расположена на границе 100° меридиана или Транс-Китайской структуры, которая протягивается с юга на север и хорошо маркируется эпицентрами землетрясений [5]. Эта структура разделяет Китай на две части с различными значениями мощностей коры, особенно утоненной в восточной части. Эта система входит в трансконтинентальную зону линейамента Сотого меридиана, протягивающегося более чем на 7 тыс. км от Северного Ледовитого океана на юг за экватор.

Длительно действующие тепловые потоки и геохимические неоднородности подкоровых оболочек указывают на их довольно большие размеры, порядка сотен километров. Низкоскоростные плюмы могут сопоставляться по своему эффекту с поднимающимися горячими мантийными флюидами, имеющими при этом определенную геохимическую «специализацию». Существование мантийных геохимических аномалий для никеля, хрома, платины, урана и др. элементов были характерны уже для архейской мантии и существовали в те

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

чение одного-двух миллиардов лет [6: 6–18; 7: 347–352]. Аналогичная, «никелевая аномалия», характерна для Канады, где заключено более половины мировых запасов этого металла; «хромовая и золотая аномалии», характерные для Южной Африки, также показывают неоднородность мантии в обогащении химическими элементами. Проводниками тепловых потоков и магматических пород служат в первую очередь глубинные тектонические нарушения.

Следует также остановиться на такой важной детали, как наличие углеродосодержащих пород, которые часто вмещают крупные и суперкрупные накопления металлов. Начиная с раннего докембрия, при широко проявленных процессах рифтогенеза, формировались углеродосодержащие (рифтогенные) комплексы пород. Углеродный метасоматоз восстановленными мантийными флюидами вмещающих пород сопровождался привнесом тонкодисперсного золота, полиметаллов, сурьмы, мышьяка, элементов платиновой группы и других элементов с концентрациями на два–три порядка превышающие кларковые содержания.

Для месторождения Кумтор в свое время Р.Д. Джэнчураевой и Р.А. Максумовой (1994) была предложена модель первоначального накопления грабеновых фаций в условиях континентального рифтогенеза (R_3 -V) и формирование повышенных содержаний (вышекларковых) золота, меди, свинца, цинка, селена, теллура, серебра, вольфрама и др. рудных элементов в джетымской серии. Вероятными первичными источниками рудного вещества были базальтоиды, присутствующие в разрезах рудовмещающих толщ. Однако, Кумтор как месторождение появилось только в карбоне (C_2) в обстановке активной континентальной окраины в связи с субдукционными процессами Туркестанской океанической плиты и формированием Срединно-Тяньшанского тыловодужного магматического пояса. Повышенная калиеносность рудообразующего флюида обусловила формирование монцонитоидных интрузивных комплексов (производных калиевых базальтоидов) и калиевых метасоматитов. Обязательное присутствие кремнещелочных метасоматитов подтверждается широко развитым калиевым метасоматозом, проявленным на месторождениях такого типа, как Мурунтауская группа и Кумтор: биотит-калишпат-кварцевые, альбит-турмалин-содержащие метасоматиты. Изучение газово-жидких включений, по глубокой скважине СГ-10 на Мурунтау позволило установить сложный состав флюида, который определяется как водно-калий-натрий-хлоридно-углекислотно-углеводородный.

Как отмечалось нами выше, основную роль в формировании промышленной минерализации следует отводить активизационным процессам мантийного

тепломассопереноса. При этом предполагается полигенный источник оруденения в разных тектонических структурах на конвергентных границах плит. Таким образом, формирование крупных и суперкрупных месторождений связывается с рядом геодинамических обстановок: начальное накопление экстенсивной рудной минерализации начинается с образования рифтогенных фаций (в том числе черносланцевых пород) в условиях континентального рифтогенеза. Последующая переконцентрация с глубинным привнесом вещества осуществляется в условиях активной континентальной окраины и коллизии.

Открытие в Центральноазиатском регионе таких крупных золоторудных месторождений, как Мурунтау (Узбекистан), Васильковское, Акбакай, Бакырчик (Казахстан), Кумтор (Киргизия) обусловило повышенный интерес к рудным супернакоплениям – неординарным явлениям природы. Построение частных моделей формирования таких рудных супернакоплений, а также попытки создания интегрированной модели на базе частных, дает возможность выделять главные звенья в общей цепи геологических событий и, естественно, дает в руки важный инструмент при поисках и прогнозировании крупных и суперкрупных накоплений металла.

Геологическими наблюдениями было установлено в дорифейском фундаменте и фанерозойских образованиях Тянь-Шаня наличие прогибов и поднятий северо-западного, субширотного и северо-восточного простираний. Они подчеркивают основное влияние докембрийской тектоники на характер и тип палеозойских структур. Это подтверждается и данными, приведенными разными исследователями по сильным Сарыкамышскому и Жаналаш-Тюпскому землетрясениям. По материалам Кнауфа В.И. и др. (1982) очаговая зона Жаналаш-Тюпского землетрясения представлена узкой пластиной нарушенных пород в зоне палеозойского разлома. Движения по нему возобновились в современную эпоху. Гипоцентры основного толчка и афтершоков образуют почти непрерывную цепочку или колонну, вытянутую по восстанию краевого разлома. Данные по Сарыкамышскому землетрясению показывают, что строение среды, подвергшейся деформации, сложилось еще в палеозое, поэтому направление разрядки современных напряжений резко несогласно с новейшими структурами. Резкое несоответствие между ориентировкой новейших структур и контурами площадей с высоким сейсмическим эффектом также объясняется особенностями древней (палеозойской и допалеозойской) структуры. Геофизические исследования показали, что ряд северо-западных разломов продолжается и в палеозойском фундаменте Иссык-Кульской впадины.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Размещение очагов землетрясений, начиная с 8 класса и выше на территории северо-западной части Китая (Синцзян), охватывающей Тарим, Джунгаро-Балхашский сегмент, Алтае-Саянскую область и Тянь-Шань, подчеркивают зоны северо-западного простираения по южной границе Джунгарского блока и северной границе Тарима и далее продолжают в Кыргызстан и Казахстан. Проявляется довольно равномерная периодичность нарушений северо-западных направлений. Такая равномерная регматическая решетка разломов северо-западного простираения, судя по очагам землетрясений, представлена сетью крупных равноотстоящих нарушений С-З направления с шагом где-то 450–500 км, а внутри выявляются нарушения более высоких порядков.

Блок восточнее Таласо-Ферганского разлома (восточнее 74° в.д.) характеризуется низкой сейсмической активностью. Многие исследователи считают, что основные глубины очагов землетрясений в районе развития низкоскоростной мантии заключены в пределах 5 км, в то время как в Ферганском высокоскоростном блоке – 10–15 км. Участки малоплотной разогретой мантии являются более пластичными. Очаги землетрясений проявляются в верхней более холодной и хрупкой части земной коры. Область разогретой мантии закономерно оконтуривается зонами повышенной сейсмичности.

В этом восточном сегменте магнито-теллурическим зондированием устанавливается наличие непрерывного корового проводящего слоя. Поведение скоростей продольных волн и наличие волноводов, которым соответствуют понижения значений гравитационного поля, указывают на разуплотненную земную кору. Причем, по данным Т. Сабитовой с соавторами (1998), отмечается резко выраженная скоростная расслоенность и гетерогенность земной коры на фоне более однородных блоков. Восточный сектор отличается от западного относительно меньшими глубинами волноводов (20–35 км на юго-востоке, 35–40 км на западе). Характер рисунка волноводов – каркасный. Это горизонты – на разных уровнях, которые соединены между собой наклонными и почти вертикальными стволотвидными телами.

В восточном сегменте особый интерес представляет Барскоонская (Транс-Иссык-Кульская) зона глубинных разломов, пересекающая хребты Кунгей, Центральную часть Терскея и Акшийрак и расположенная поперечно к основным региональным структурам (тяньшаньского направления).

Барскоонская зона, пересекая Иссык-Кульскую впадину, на северном побережье в районе реки Торуайгыр нарушает четвертичные отложения. Для этого же района характерны покровы эоценовых базальтов, которые приурочены к

пересечению разрывов Барскоонской зоны с краевым субширотным Северо-Иссык-Кульским разломом. Комплекс геофизических исследований подтверждает наличие высокой сейсмической активности данной структуры.

Аналогичная зона, проходящая через район г. Алматы, на ее продолжении пространственно совпадает с Оргочерской зоной секущих нарушений, которая, так же как и предыдущая, характеризуется повышенной сейсмической активностью. Восточнее Оргочерской зоны на космических снимках отчетливо выделяется еще одна зона разломов северо-западного простирания, это Восточно-Иссык-Кульский или Аксуйский. Показательно совпадение с этой структурой зоны повышенной сейсмической активности. Разлом является правым сдвигом, причем его юго-западное крыло взброшено относительно северо-восточного. Этой зоне также принадлежат эпицентры сильных землетрясений.

Данные магнитометрических и гравиметрических исследований позволили Ю.Г. Шварцману (1980) предположить наличие магматического очага под дном центральной части озера Иссык-Куль, что косвенно подтверждается выходами палеогеновых базальтов на южном побережье озера. В пределах этой зоны на северном и южном берегах озера проявлены и функционируют месторождения термальных вод. В узле пересечения Барскаунского и Терской-Киргизского глубинных разломов выделяется Центрально-Терской сейсмоактивный участок, который (как и другие преимущественно северо-западного простирания) представляет собой зону растяжения с высоким тепловым потоком.

Аномально повышенные значения теплового потока в Барскоонской зоне подтверждают эти положения и указывают на глубинный характер дислокаций. Е.А. Любимовой и др. (1973) приводятся аномально высокие значения (130 мвт/м^2) теплового потока на дне центральной части озера Иссык-Куль в районе Борскоонского разлома. Измерения были выполнены в 33 точках донных осадков. Затем аномально высокие значения тепловых потоков были замерены Ю.Г. Шварцманом (1980) на северном и южном берегах Иссык-Куля в скважинах. Видимо, в связи с этим, находясь на высоте 1600 м, озеро Иссык-Куль не замерзает.

Вдоль Барскоонской структуры, секущей Терской и Кунгей Ала-Тоо, по геотермическим данным наблюдаются резко сокращенные мощности земной коры до 30 км. Резкие перепады границы Мохо с вертикальным перемещением до 10 км наблюдаются и в восточном окончании Иссык-Кульской впадины. Поэтому вдоль Барскоонской зоны существует перепад границы Мохо до 30 км в виде полосы с резко сокращенной мощностью земной коры.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Вдоль границ областей низкоскоростной мантии располагаются участки проявлений мезо-кайнозойского и палеогенового базальтового вулканизма. Многие щелочные азотные слабоминерализованные термы несут высокие концентрации фтора, что по аналогии с другими рифтогенными структурами указывает на присутствие вод глубинного происхождения.

Как и в Барскоонской зоне на территории этих впадин наблюдаются высокие плотности теплового потока. Нарынская и Джумгальская впадины отличаются аномально высокими значениями теплового потока 77,2–83,1 мВт/м², характерными для континентальных рифтовых зон. На глубине им соответствует область аномально низкоскоростной (разуплотненной) мантии. Утонченная земная кора, высокий тепловой поток, растягивающие напряжения, развитие Mz-Kz базальтового магматизма и термальных источников с высоким содержанием фтора – это дает возможность отнести их к континентальным рифтовым зонам.

На границе Верхне-Нарынского межгорного прогиба, приуроченного к региональной рифтогенной зоне, расположено крупное по запасам золото-редкометальное месторождение Кумтор. Можно предположить, что его формирование было связано с глубинной Барскоонской структурой. А в последующем, в связи с неотектоническими процессами, было несколько смещено на восток вдоль южного крыла «линии Николаева», представляющего собой левосторонний взбросо-сдвиг. Если сделать поправку по «линии Николаева» на амплитуду смещения коктурпакской интрузии, то месторождение Кумтор попадает в район пересечения Барскоонской зоны с «линией Николаева» и центральной частью Верхне-Нарынской впадины.

Глубинные зоны нарушений, секущие рифтовые структуры, конвергентные границы плит, срединные массивы и др. являются наиболее приемлемыми для предметного прогнозирования крупных рудных месторождений. В данном случае золото-редкометальные месторождения в таких структурах, как тыловодужные пояса формируются в отдельных дискретно развитых участках, которые пересекаются глубинными долгоживущими и постоянно подновляющимися разломами. Отмеченные разломы наследуют направление более древних разрывов и, как это видно на примере Тянь-Шаня, в большинстве случаев накладываются на структуры земной коры и рассекают их, не считаясь с основным структурным планом.

В нашем случае крупное месторождение Кумтор сформировалось на месте пересечения Барскоонской структурой глубокого заложения специализированного на редкие металлы и золото Срединно-Тяньшанского тыловодужного пояса.

Для северной части Иссык-Кульского срединного массива, где преобладают выходы архей-протерозойских пород, также характерно неглубокое залегание границы Мохо (45–50 км). На пересечении той же Барскоонской зоны с субширотной зоной Северо-Тяньшаньских глубинных разломов расположен узел разновозрастных месторождений Актюз-Боординского рудного района: редкоземельных, редкометальных, золоторудных, висмутового, медно-золото-порфирировых, золото-полиметаллических и др.

Таким образом, следует отметить, что к структурам С-3 простирания Барскоонской (Транс-Иссык-Кульской), а также Жалаир-Найманской зоне в Казахстане, тяготеют месторождения Кумтор, разновозрастные месторождения Актюз-Боординского рудного узла и далее в Казахстане – Акбакайский рудный узел с крупными золоторудными месторождениями (Акбакай, Думан-Шуак, Светинское, Бескемпир и др.). На глубинный характер дислокаций указывают повышенные значения теплового потока, выходы термальных вод с высоким содержанием фтора, наличие палеогеновых базальтов, резкие перепады границы Мохо с вертикальным перемещением до 10 км восточнее Барскоонской зоны и сокращенные мощности земной коры.

Важную роль в формировании крупных и суперкрупных накоплений металлов играют восстановленные глубинные флюиды, характерные ныне для зон глубинных разломов и геофизически фиксируемых областей разуплотненного вещества. Эти восстановленные флюиды водородно-углеродного состава формировали широкомасштабные отложения углеродсодержащих пород. Углеродный метасоматоз с привнесом тонкодисперсного золота, полиметаллов, сурьмы, мышьяка, элементов платиновой группы и др. осуществлялся в основном в рифтогенной обстановке.

Литература:

1. *Дженчураева Р.Д.* Тектонические структуры и рудообразующие системы в связи с позднепалеозойской активной континентальной окраиной на примере Тянь-Шаня //Металлогения, нефтегазоносность и геодинамика Северо-Азиатского кратона и разновозрастных орогенных поясов его обрамления: Труды II Всерос. металл. совещания. Иркутск. 1998.
2. *Дженчураева Р.Д.* Роль структур глубокого заложения в формировании крупных месторождений (на примере Тянь-Шаня) //Известия НАН КР. 1999.
3. *Дженчураева Р.Д.* Трансрегиональные структуры глубокого заложения и их роль при формировании крупных месторождений //Геология и геофизика. Новосибирск. Т. 42. №10. 2001.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

4. *Bian Aqiantao, Li Dihui*. The low-velocity plume on the southwestern edge of Yangtze Craton and superlarge ore deposits. //Science in China. Earth Sciences. Studies on superlarge ore deposits of China. Series D, vol.41.1998.
5. *The Map of China* distribution of seismicity, scale 1:6 000 000. Compiled by centre for analysis and prediction, state seismological Bureau. 1970–1982.
6. *Anderson D.L.* A global geochemical model for the evolution of the mantle //Evolution of the Earth. Geodynamics series. Washington, 1981, vol.5.
7. *Watson J.V.* Metallogensis in relation to mantle heterogeneity // Geol. Trans.Soc.London, 1980, vol. A 297, № 1430.
8. *Кнауф В.И., Миколайчук А.В., Христов Е.В.* Структурные позиции мезо-кайнозойского вулканизма Центрального Тянь-Шаня //Сейсмо- тектоника и сейсмичность Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1980.
9. *Сабитова Т., Лесик О., Маматканова Р., Адамова А., Мунирова Л.* Сейсмотомографические исследования земной коры Северного Тянь-Шаня в связи с сейсмичностью //Физика земли. 1998. Vol. 2.
10. *Шварцман Ю.Г.* Глубинный тепловой поток центральной части Северного Тянь-Шаня //Сейсмотектоника и сейсмичность Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1980.
11. *Любимова Е.А., Поляк Б.Г., Смирнов Я.Б. и др.* Каталог данных по тепловому потоку на территории СССР //Советский геофизический комитет АН СССР. М., 1973. № 3.

А. Ч. Какеев

ВЫДАЮЩИЙСЯ ВКЛАД П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО: развитие истории и философии науки Кыргызской Республики

Сегодня объективная оценка роли выдающегося исследователя Центральной Азии, в том числе Киргизии, П.П. Семенова-Тян-Шанского в изучении проблем истории и философии науки в Кыргызской Республике приобретает особую актуальность, именно в условиях, когда идет стремительный процесс переосмысления исторического прошлого кыргызского народа.

Обращение к научному наследию великого русского путешественника – исследователя Центральной Азии П.П. Семенова-Тян-Шанского, обладавшего незаурядными энциклопедическими знаниями, касающегося истории Кыргызстана, имеет неопценимое значение.

Во-первых, в условиях, когда невиданный размах приобретают межгосударственные контакты на Евро-Азиатском континенте. Об этом неопровержимо свидетельствует прошедший с огромным успехом Бишкекский саммит Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), определивший единство задач по проблемам региональной безопасности, подъему экономики устойчивого развития государств региона в направлении торжества идей демократии.

Обращаясь к трудам великого исследователя, прежде всего, к его главному труду – «Путешествие в Тянь-Шань» [1], убеждаемся в том, что именно П.П. Семенов-Тян-Шанский, впервые описывая красоту озера Иссык-Куль, ставил проблемы трансграничных рек, ледников, фауны и флоры, а также социальные проблемы.

Во-вторых, в связи с сегодняшними конкретными, практическими задачами образования и науки, а именно сдачей кандидатского минимума по Истории и философии науки, Науке о Земле», Науке о живой природе, возникает необходимость обращения к научному наследию П.П. Семенова-Тян-Шанского. Речь идет о том, что в соответствии с «Декларацией о вечной дружбе, союзнничестве и партнерстве между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией» (2000г.) и «Договором между Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой об углублении

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

интеграции в экономической и гуманитарных областях» (1996г.), в Кыргызской Республике обязательно должна быть реализована программа кандидатского минимума «История и философия науки». Следует отметить, что Министерством образования и науки, Национальной Аттестационной Комиссией Кыргызской Республики принимаются в этом направлении соответствующие меры. Вполне естественно, что достигнуты значительные успехи в КРСУ им. Б.Н. Ельцина, возглавляемом академиком В.И. Нифадьевым, который активно поддерживает Кыргызское отделение РФО, уделяет максимальное внимание философскому отделению гуманитарного факультета. Следует особо подчеркнуть, что в КРСУ с 2006 года открыта специальная кафедра философии науки, возглавляемая выпускницей МГУ им. М.В. Ломоносова, доктором философских наук, профессором И.И. Ивановой. Кафедра проводит большую научно-исследовательскую работу по реализации программы кандидатского минимума «История и философия науки» для аспирантов и соискателей и учебного курса «Философия и методология науки» для студентов философского отделения гуманитарного факультета КРСУ. Для осуществления этой трудной задачи имеются высококвалифицированные кадры, которые прошли курсы в Институте переподготовки и повышения квалификации в МГУ им. М.В. Ломоносова, имеют сертификаты. Это д.ф.н., профессор И.И. Иванова, д.т.н., профессор Н.Н. Калинина, к.ф.н., доцент Ж.А. Алтмышбаева.

Исходя из вышеуказанных обстоятельств, попытаемся раскрыть сущность вклада П.П. Семенова-Тян-Шанского в развитие истории и философии науки Кыргызской Республики и значение его главных идей. Общеизвестно, что знаменитая экспедиция П.П. Семенова в Центральную Азию была осуществлена в 1856–1857 годах. В своих исследованиях П.П. Семенов дал первую схему его орографии (от греч. *oros* – гора) и высотной зональности и др. За выдающийся вклад в изучение актуальных проблем таких наук, как география, история, статистика, ботаника, геология, энтомология, история живописи в 1906г., в связи с 50-летием со дня первого путешествия П.П. Семенова на Тянь-Шань, к его фамилии было прибавлено почетное, по существу, звание «Тян-Шанский», которое распространяется на все его восходящее потомство. Необходимо особо отметить, что великий путешественник был высокоэрудированным человеком, автором магистерской диссертации на тему: «Придонская флора в ее отношениях к растительности Европейской России», имел звание Почетного члена Академии наук, члена Академии художеств, работал в Берлинском университете с А. Гумбольдтом, слушал лекции М.Ж. Клапрота, К. Риттера [2].

Один из известных исследователей достижений П.П. Семенова-Тян-Шанского Н.Г. Фрадкин отмечал, что именно великий исследователь «заложил основу наших современных знаний о Тянь-Шане и создал фундамент, на котором стало возможным дальнейшее прочное построение» [1: 33].

О своих первых впечатлениях о Тянь-Шане Петр Петрович писал:

«... первая цель моя была достигнута. Я увидел Тянь-Шань во всем блеске его наружного вида». В этих восторженных строках чувствуется созвучие со стихами великого кыргызского мудреца Толубая-сынчы, писавшего, что это «гряды, гряды, гряды гор, где на кажущемся бестравье пасутся тучные стада».

Исследователь Н.Г. Фрадкин убедительно обосновывает тезис о том, что «установление зон является наиболее широким географическим обобщением, а различие растительности является главным признаком зонального деления. Своим учением о почвах В.В. Докучаев значительно углубил принцип зональности, но у истоков такого деления стояли крупнейшие русские географы, в том числе и П.П. Семенов» [1: 34].

Не менее важной целью экспедиции, как писал великий исследователь, было «уяснение гидрографических отношений между этим озером (Иссык-Куль), рекой Чу – рекой Кутемалды, о которой уже знал Гумбольдт (по сведениям, собранным в 1829 г., Иссык-Куль будто бы имеет сток – Чу)» [1: 128].

О двух основных итогах своей экспедиции П.П. Семенов-Тян-Шанский пишет:

Во-первых, «...что озеро Иссык-Куль стока не имеет и что оно в настоящее время не питает реку Чу и что мощная река эта образуется из двух главных ветвей: Кочкорки, берущей начало в вечных снегах Тянь-Шаня и Кебина» (Кемин – А.К.) [1: 128].

Во-вторых, «убедился, что реки, текущие в озеро из Тянь-Шаня, не вносят в него никаких вулканических пород» [3: 195].

Изучение материалов экспедиции показывает, что П.П. Семенов-Тян-Шанский уделял большое внимание проблемам социально-гуманитарных наук, которые не утратили своего значения и сегодня. Основные идеи можно свести к следующим направлениям:

1. *Дипломатические отношения кыргызов с Россией.* Более подробно с этим вопросом можно ознакомиться в соответствующем разделе первого в Кыргызской историографии документального учебного пособия «Хрестоматия по истории дипломатии Кыргызстана» (сост. В. Воропаева, Р. Кемелбаев, В. Мальнева) [4].

Приведем несколько высказываний П.П. Семенова-Тян-Шанского, которые позволяют сделать вывод о том, что великий путешественник был среди тех, кто стоял у истоков кыргызско-российских дипломатических отношений. Вот они, эти строки, касающиеся целей экспедиции на Тянь-Шань, в том числе конкретно в Чуйскую и Иссык-Кульскую долины: «Я сказал им, что приехали издалека, из столицы России, посмотреть, как живут русские переселенцы на далекой границе; тут только узнал я о происшедшем столкновении, и, по моему мнению, между построенными город на подвластных России землях Большой орды русскими и каракиргизами должны установиться добрые соседские отношения, и что вести баранты, так легко могущие перейти в войну (джоу), соседям не следует, что русские первые никогда не нападали и не нападут на каракиргизов...» [1: 127].

Вторая очень важная мысль великого исследователя об отношении кыргызов к русским: «... Я был убежден в нашей неприкосновенности в глазах каракиргизов» [1: 129].

2. *Археологические исследования.* П.П. Семенов-Тян-Шанский писал, что «найден бугинцами очень древний по форме и украшениям больших размеров медный котел и несколько медных орудий, по-видимому, бронзового периода» [1: 129].

Глубоко убежден, что современные археологические исследования, проводимые академиком В.М. Плоских на озере Иссык-Куль [5], несомненно являются преемственным продолжением идей П.П. Семенова-Тян-Шанского. Без преувеличения можно сказать, что академик В.М. Плоских является одним из сегодняшних П.П. Семеновых-Тян-Шанских.

3. Сегодня, переосмысливая прошлое, поражаешься отношению П.П. Семенова-Тян-Шанского к такому явлению, как *борьба против алкоголизма*. В ниже приведенных строках хорошо видно отношение великого исследователя к этой острой проблеме. Нельзя читать безразлично следующие строки: «В новозаселенных в Центральной Азии Семиреченском и Заилийском краях было не только запрещено винокурение, но и ввоз туда спиртных напитков» [1: 246].

4. Требуют проведения дальнейших исследований мысли П.П. Семенова-Тян-Шанского об эпосе «Манас» – устном народном творчестве кыргызского народа.

Нет сомнения в том, что научное наследие великого исследователя Центральной Азии П.П. Семенова-Тян-Шанского имеет важное значение в объ-

активном переосмыслении прошлого кыргызского народа, в изучении новой дисциплины – кандидатского экзамена по истории и философии науки.

Научно-теоретическая конференция, с успехом проведенная на берегу озера Иссык-Куль, воспетого П.П. Семеновым-Тянь-Шанским, посвященная 150-летию его первого путешествия на Тянь-Шань, 180-летию со дня его рождения, является значительным событием в освоении истории и философии науки в Кыргызской Республике.

Литература:

1. *П.П. Семенов-Тянь-Шанский*. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946.
2. *Ш. Кадыров*. Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX века. Фрунзе, 1961.
3. *В.К. Кадыров*. Гидрохимия озера Иссык-Куль и его бассейна. Фрунзе: Илим, 1986.
4. Хрестоматия по истории дипломатии Кыргызстана: Учебное пособие /Сост. В. Воропаева, Р. Кемелбаев, В. Мальнева /Ред. акад. В. Плоских, проф. Н. Кемелбаев. Бишкек: Илим, 2007. 310 с.
5. *Н. Рымбекова*. Историко-культурные памятники прииссыккулья как источник по истории Кыргызстана. Приложение материалов к археологической карте /Под ред. акад. В. Плоских. Бишкек: Илим, 2000.

У. Акматбаев

НЕМЕЦКИЕ УЧИТЕЛЯ

П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Возвратившись из знаменательного путешествия по Тянь-Шаню, П.П. Семенов завершает перевод известного труда немецкого ученого Карла Риттера «География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией» и публикует его в своем переводе с дополнениями на русском языке (С-Пб, 1859).

В предисловии к книге, датированном 1 октября 1859 г. П.П. Семенов пишет:

«В течении нынешнего года наука земледения лишилась двух блистательнейших своих корифеев – Гумбольдта и Риттера. Идти вперед по пути ими

проложенному, расширяя круг совершенных ими исследований и стремясь к той вечной истине, к которой они стремились в продолжении земной своей жизни, исправлять некоторые частные ошибки их всеобъемлющих исследований, есть дело каждого рядового деятеля науки и лучшее выражение глубокого благоговения к передовым ее мыслителям. Да послужит и это издание таким выражением, а также одним из бесчисленных доказательств того, что Риттер и Гумбольдт, умирая, остались бессмертными для человечества, которому завещали в творениях своих весь свой гений» [1: 34].

В 1853 году Семёнов поступает в Берлинский университет, где посещает лекции по географии и геологии. Здесь он занимался у Карла Риттера и познакомился с Александром Гумбольдтом, с которым поделился своей идеей проникнуть во Внутреннюю Азию из России. Гумбольдт просил Семенова найти доказательства своей теории вулканического происхождения Тянь-Шаня. До 1855 года Семенов углубленно изучал географию и геологию в Германии, Швейцарии, Италии и Франции. Затем по поручению Русского географического общества он выполнял перевод с немецкого капитального труда К. Риттера «Землеведение Азии». Будучи учеником и последователем К. Риттера, П.П. Семенов не только изучал, аннотировал и переводил его труды, но в ходе научной экспедиции внес существенный вклад в изучение Тянь-Шаня, его населения и истории.

Как показывает в своем труде «Землеведение Азии» путешественник К. Риттер, эта территория является наиболее интересной как в физическом, так и в этнографическом плане.

К. Риттер посвящает свое исследование горной системе Тянь-Шаня, его геологии, природе, населению и его истории.

Подробно описывает Иссык-Куль и реку Чу – в свете бытовавших в то время научных представлений. Озеро известно под общепринятым на берегах его названием Иссык-Куль (что значит по-тюркски «теплое озеро»). За полтора века до Р. Х. китайцы называли его Же-хай, что соответствует предыдущему, но также и Ян-хай, т. е. «соленое озеро». Кыргызское название Туз-Куль означает то же самое. Калмыки называют его Темурту-нор, железосодержащее озеро, потому что на берегах его расположены железные рудники. Хай, Куль, Нор, означает у китайцев, тюрков и калмыков – озеро.

Из переведенного П. Семеновым труда Карла Риттера мы узнаем, что к 1859 году об озере Иссык-Куль, его географии и населении практически ничего не было известно. Существовавшие на тот период карты, как показывает Риттер, не несли достоверной информации, зачастую многие географические

объекты на них не были даже нанесены, либо ошибочно располагались не в той местности.

Подробный анализ географических карт Средней Азии, проведенный К. Риттером, показывает нам уровень изученности местности в обозначенные периоды, а также дает обзор путешественников, изучающих как территорию Центральной Азии в целом, так и конкретно территорию Тянь-Шаня.

К. Риттер в своем труде дает не только географическую характеристику, но также представляет историческую и этнографическую картину Тянь-Шаня. Об этом говорят название разделов его книги: «Усуни во втором отечестве на Или; посредствующий член Индогерманского племени до IVв по X в.», «Перемены в судьбе народов и властителей древней Джунгарии до возмущений 1826 года», «Владычество Джунгаров и их истребление в 1757 г».

Возвращаясь к древним временам, мы находим здесь до изгнания юэчжи и усуней с ближайших границ Китая, уже в 177 до Р.Х. многочисленные племена хуннов, распространенные от гоби и хуан-хе. Эти восточно-тюркские племена, бывшие тогда могущественными властителями нагорья, вытеснили оба упомянутые различные как с ними, так и между собой народа (т.е. юэчжи и усуней). Оба разошлись сначала, но вскоре, по свидетельству китайских летописей, усуней, стесненные хуннами, сошлись снова с юэ – чжисцами на р. Или, впадающей в Балхаш. Именно на юэчжисцев в 165 до Р.Х. напал снова Шань-юй, или император хунов, и принудил их к бегству, вследствие чего большая часть их перешла Небесный хребет и утвердилась на северном его склоне. Но там юэчжи нашли уже утвердившихся усуней, и поэтому были принуждены уклониться через Сигун или древний Яксарт, к югу в древнюю Согдиану. Усуни же остались на Или и достигли там большой силы и могущества. Князь их назывался Кюн-ми или Кюн-мо, а резиденция его у китайцев Чи-гу-чин, то есть город красной долины. Она лежала к востоку от Ян-хая или Же-хая, т.е. оз. Иссык-Куль. Китайские летописи того периода упоминают число усуней в 120 000 семейств и 630 000 чел., а войско их под начальством двух полководцев, называемых Талу и Дару, в 188 000. Здесь, на Или, Балхаше и Иссык-Куле мы, следовательно, находим усуней во втором их отечестве, обитаемых прежде народом сай, о котором в прочем ничего не известно [1: 128].

Так пишет К. Риттер в своем научном труде. И это П.П. Семенов заимствует в свой путевой дневник и будущую книгу.

Китайцы описывают хуннов грубым, невежественным и очень воинственным народом. В это время усиливаются усуней, и китайская политика ищет с ними союзничества. Союз усуней и китайцев постепенно ослаблял могущество

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

хуннов, однако к 2 г. до Р.Х. усуни распадаются на большой и малый кюн-ми. К началу 4 века Р.Х. усуни были вытеснены из своих кочевий. Часть из них – в Киргизскую степь к Иртышу, а в 619 г. они подчинились Тюркам и исчезли с лица истории.

Помимо событий истории К. Риттер описывает также этнические процессы в Центральной Азии, которые полностью использует П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Современная наука несколько иначе трактует эти этнические процессы. Но их описание опирается на китайские источники, которые заново переводятся на русский, немецкий и другие западноевропейские языки, оставаясь в своей основе непревзойденным первоисточником.

Сбываются пророческие слова великого Семенова-Тянь-Шанского (повторяю): «Исправлять некоторые частные ошибки их всеобъемлющих исследований, есть ... лучшее выражение глубокого благоволения к передовым ее мыслителям».

Именно к таким передовым мыслителям русской науки относился и П.П. Семенов-Тянь-Шанский, чье научное наследие не потеряло своего значения и в наши дни.

Литература:

1. Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией /Переведена, дополнена и составлена П. Семеновым. С-Пб., 1859.

Т. Койчув

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ: КТО ОНИ?!

Путешественники отправлялись в далекие и незнакомые края, полные неожиданностей и опасностей, не просто ради любопытства и отваги; испытания характера, воли и удовлетворения амбиций; самопожертвования и самоутверждения.

Ставились вполне конкретные цели: что за земли и чем богаты; есть ли смысл хозяйственного освоения,

или нет; что за население живет: раса, язык и род занятий; государственное устройство и оборонительная сила, военная политика; связь с другими народами и государствами. Эти задачи носили не частный, «прогулочный» характер, а государственный, научный и политический. Поэтому практически все крупные путешествия осуществлялись при финансовой поддержке государственной власти и с конкретно установленным планом и маршрутом путешествия. Путешествия носили экспедиционный характер и маршруты, и планы обсуждались и получали одобрение в академических и правительственных кругах.

При подготовке путешественников к экспедициям происходил тщательный подбор кадров (участников). Они должны были быть в известной мере универсально образованными, контактными (умеющими найти «общий язык» в местах пребывания с местным населением), физически здоровыми и сильными, способными выносить большие нагрузки.

Семенов-Тянь-Шанский был универсальным ученым (географом, экономистом, статистиком, этнографом), который мог убедительно оценить уникальное разнообразие природы Кыргызстана с позиций целесообразности и возможности ее освоения, стратегическое для обороны России значение Средней Азии (нынешней постсоветской Центральной Азии) как региона, расположенного между Россией и Центральной Азией (охватывая Китай, Афганистан, Индостан и другие страны); толерантное отношение народов Средней Азии, включая кыргызов, к другим народам и прибывающим их представителям (когда они прибывают с мирными целями), и возможность совместного проживания и хозяйствования; необходимость обучения местного населения грамоте и необходимость оказания ему поддержки в усвоении и приобретении опыта в новых видах труда.

Как видим, научное любопытство «сопровождалось» вполне «прозрачными» экономическими и оборонно-политическими целями. Как патриот своего отечества и преданный представитель своего государства, Семенов-Тянь-Шанский достойно выполнил свою миссию. И можно сделать вывод о том, что экспедиции русских путешественников носили не захватнический, не карательный и не антиэтнический характер, а *характер приобщения малых и неизвестных большому миру народов к образованию, культуре, более высоким хозяйственным укладам.*

В XIX веке, так сложилась судьба, все менее развитые и малые страны экономически прямым или косвенным способом оказались под влиянием более развитых и в военном отношении более сильных государств: одни оказались в роли колоний, другие вошли в состав более развитых государств. Права

этносов, порабощенных, приобщенных и находящихся в сферах влияния тех или иных государств, были различными.

Если судить по эволюции развития народов Средней Азии (постсоветской Центральной Азии), их образования и культуры, изменениям в хозяйственных укладах, то опыт царской России, а затем СССР, показывает, что успехи народов Средней Азии, в том числе кыргызов, в свое время и в историческом аспекте были более заметными и привлекательными, чем, скажем, Индии, Пакистана, Афганистана и т.д.

То, что народы Средней Азии оказались под влиянием России дало им исторический шанс, и свой вклад в «выход» народов Средней Азии в широкое мировое экономическое и политическое пространство, внесли русские путешественники!

А. Бедельбаев

УЧАСТИЕ КЫРГЫЗОВ В ЭКСПЕДИЦИЯХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

В мае 2007 г. на берегу лазурного Иссык-Куля широкая общественность республики, при поддержке Посольства Российской Федерации в Кыргызской Республике и мэрии города Москвы, отмечала 50-летие создания мемориального комплекса Н.М. Пржевальского – первооткрывателя Центральной Азии, а в сентябре – 180-летний юбилей великого русского путешественника и организатора научных исследований стран мира П.П. Семенова.

В результате научной экспедиции П.П. Семенова в 1856–1857 гг. в Прииссыккулье и в глубь Тянь-Шаньских гор были окончательно решены спорные вопросы об истоках Иссык-Куля и вулканическом происхождении небесных гор. Кроме того, было обследовано 33 горных перевала, определены до 50 высот, собрано 300 образцов геологических, более 1000 ботанических и энтомологических коллекций, составлены этнографические альбомы.

Во время путешествий по Кыргызстану П.П. Семенову неоценимую помощь оказывали местные жители. Радужно встретив членов экспедиции, кыр-

гызы снабжали их необходимой провизией, верховыми лошадьми и вьючными верблюдами, а для сопровождения их в путешествиях по неизведанному краю выделяли опытных проводников, которые одновременно выполняли функции и информаторов, и разведчиков, и связных, и посредников. Так, в 1856 году при обследовании северо-западного побережья Иссык-Куля в отряде П.П. Семенова было два проводника из племени сарыбагыш, а в 1857 г. 12 проводников из племени бугу в течение месяца сопровождали их по всему маршруту. По пути присоединялись к ним и другие знатоки горных троп, фауны, флоры и животного мира края [1: 128, 178, 188, 193, 206, 227–230].

П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своем знаменитом труде «Путешествие в Тянь-Шань», очень тепло отзываясь о кыргызах, отмечал: «Перед своим отъездом я навсегда простился с почтенным старцем Бурамбаем. Я поблагодарил его за то содействие, без которого я не мог бы проникнуть в долины Тянь-Шаня и нагорные выси Тенгри-тага ...» [1: 229].

Путешествие в Тянь-Шань осталось единственным крупным полевым исследованием П.П. Семенова-Тянь-Шанского. В дальнейшем он занимался научно-общественной деятельностью. Благодаря ему были организованы десятки экспедиций в Центральную Азию. При этом новаторская методика его исследований явилась фундаментом, на который опирались исследователи неизведанных земель Евразии.

При его прямом содействии были организованы экспедиции Н.М. Пржевальского и его сподвижников в Центральную Азию. Известный путешественник Г.Е. Грум-Гржимайло по этому поводу подчеркнул: «А кто же, как ни Петр Петрович более всего содействовал славе Пржевальского...», «и с именем многих последующих путешественников-исследователей неразрывно связано имя П.П. Семенова-Тянь-Шанского, их слава отчасти и его слава, их заслуги в то же время отчасти и его заслуги» [2: 164].

За четыре путешествия по Центральной Азии Н.М. Пржевальский и его сподвижники собрали огромное количество научных материалов по ботанике, зоологии, геологии, географии, этнографии и истории. Только ботаническая коллекция, собранная с помощью местных народов, составила 1 700 видов в количестве 16 тысяч экземпляров, зоологический экземпляр насчитывал 7 555 чучел животных и птиц. Н.М. Пржевальский из пройденных 33 288 километров пути произвел съемку местности на карту около 20 тысяч километров [3: 52].

В архиве Русского Географического общества в Санкт-Петербурге хранятся богатые и уникальные рукописи Н.М. Пржевальского, в т.ч. 18 днев-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

ников, 16 записных книжек, черновые наброски отчетов, путевые заметки и переписка с учреждениями различных стран и сподвижниками, касающиеся самых различных отраслей знаний [4: 69–71]. Многие из них не введены в научный оборот, не опубликованы и ждут своих исследователей, которые непременно найдут интересные сведения и о Кыргызстане.

Как известно, Н.М. Пржевальский не успел специально заняться исследованием Кыргызстана, хотя в одном из писем в конце января 1885 г. писал: «Если же ... нас не пустят в Тибет, что также весьма возможно, тогда на Иссык-Куль мы придем раньше и займемся исследованием Центрального Тянь-Шаня» [5: 1]. Между тем, в его дневниках времени возвращения из четвертого путешествия по Центральной Азии (1885 г.) и подготовки к новому, пятому путешествию (1888 г.) встречаются ценные сведения о природе и населении Кыргызстана.

В начале ноября 1885 г. экспедиция Н.М. Пржевальского через перевалы Бедель, Ак-Шыйрак и Джууку спустилась к городу Каракол. Жители города поставили кыргызские юрты и в них торжественно приняли великого путешественника, его сподвижников – В.И. Роборовского, П.К. Козлова и других.

В Караколе Н.М. Пржевальский остановился в доме известного краеведа и просветителя Я.И. Королькова, где пробыл почти две недели. За эти дни он успел ознакомиться с городом и его жителями, которые, прекрасно зная свою страну, природу, животный мир, пути сообщения, обычаи и обряды своего народа, оказывали всяческое содействие и помощь отважному путешественнику. По некоторым сведениям, одним незаменимым проводником Н.М. Пржевальского по Семиречью был Деркенбай – уроженец Иссык-Куля. По всей вероятности, он со своими товарищами сопровождал экспедицию до Верного, по маршруту Тюп – Сазановка – Григорьевка – Каскелен.

Кыргызы, по свидетельству многих современников, сочувственно относились к исследователям своей страны, проявляя традиционное гостеприимство и оказывая им всяческое содействие в изучении края. Они выступали в качестве информаторов, проводников, подсобных рабочих, а также переводчиков и коллекторов российских путешественников в их экспедициях.

Выражая свою благодарность участникам экспедиций, Н.М. Пржевальский писал: «В страшной дали от родины, среди людей, чужих нам во всем, мы жили родными братьями, вместе делили трудности и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили, как нельзя более, весь успех экспедиций» [6: 179–180].

Вторая поездка Н.М. Пржевальского со своими неизменными помощниками В.И. Роборовским и П.К. Козловым в Кыргызстан состоялась осенью 1888 г. На наш взгляд, безгранично полюбив Иссык-Куль, его жителей, он выбрал приграничный с Китаем город Каракол местом, где собирался завершить подготовку и снаряжение экспедиционного отряда и выступить оттуда в пятую Центральноазиатскую экспедицию для исследований северо-западной части Тибета.

16 октября 1888 г. отряд Н.М. Пржевальского прибыл в Пишпек. Его тепло встретили кыргызы и приняли активное участие в снабжении экспедиции продуктами питания, помогли купить 80 вьючных верблюдов, выполняли поручения и были желанными гостями неутомимого путешественника. Они с увлечением рассказывали ему о богатстве природы и животного мира Чуйской долины, предлагали вместе сходить на охоту. В знак благодарности за столь теплое отношение Н.М. Пржевальский снабдил охотников-кыргызов порохом и дробью.

Неоценимую помощь при подборе проводников, переводчиков и подсобных рабочих оказал влиятельный кыргыз племени сарыбагыш Шабдан баатыр. Н.М. Пржевальский высоко оценивал роль кыргызов – участников путешествий и в своем дневнике отмечал их любознательность, наблюдательность, прекрасное знание горного края, его природы.

Свои последние дни Н.М. Пржевальский провел в Каракольском военном лазарете. Во время болезни он говорил В.И. Роборовскому, что «если поправится, то останется в Караколе непременно отдыхать целый год, а нас будет посылать в разные стороны для исследования окрестностей Иссык-Куля». Таким образом, у него были большие планы о разносторонних естественно-исторических исследованиях Прииссыккуля и сопредельных областей с помощью местных жителей.

К сожалению, 1 ноября 1888 года Н.М. Пржевальский скончался, и его замыслы не сбылись. Однако они были реализованы его сподвижниками В.И. Роборовским, П.К. Козловым, М.В. Певцовым, маршруты которых проходили по Кыргызстану. В их трудах встречаются сведения о древностях Семиречья, беглые заметки об экономике края, некоторые штрихи, характеризующие образ жизни и нравы местного населения. Они привлекают внимание многообразием и тонкостью путевых наблюдений о жизни местных народов, о фауне и флоре края.

Особую помощь в сборе этнографических материалов, изучении рельефа, гидросети и топоосновы оказывали кыргызы-кочевники. Многие из них прини-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

мали участие во всех путешествиях и экспедициях, работавших в Кыргызстане и сопредельных странах в XIX–начале XX веков. Только по картотеке известного географа С. Умурзакова отмечены около 200 человек из числа местных жителей, оказавших содействие исследователям Тянь-Шаня.

Будучи коренными жителями Кыргызстана, изучая и осваивая его горы и долины в течение многих веков, кыргызы накопили огромный опыт, знания и навыки в познании природы горного края. Они хорошо знали территорию своей страны, а также сопредельные районы Кашгарии, Заилийского края, Ферганы, Текес, Памиро-Алая и другие, заселенные родственными племенами кыргызов.

Специфика скотоводческого хозяйства, поиски удобных путей для перекочевки на новые пастбища, постоянное общение с природой и борьба с ее стихийными силами заставляли местных жителей быть наблюдательными, хорошо изучить близлежащие долины и горы, их топографию, растительный покров, погодно-климатические условия и другие особенности географической среды. Кыргызские эсепчи и улама вели постоянные наблюдения за периодическими и ритмическими природными явлениями, могли предсказать изменение некоторых метеорологических элементов в тот или иной период, характер сезона, года и т.д. На основе геолого-экологического подхода кыргызы выработали строгую систему пользования пастбищами, которая учитывала экологические условия среды, время, сезонность созревания травостоя по высотным зонам, качество и продуктивность кормовых угодий, характер рельефа и погодно-климатических условий. Местные натуралисты – кыбачы, улама и анчы занимались изучением органического мира, фаунистическими и флористическими сборами. Они хорошо знали фауну края, особенно промысловых животных, их жизнь и повадки, ареалы распространения. Им были известны многие растения, их питательные и лекарственные свойства.

Накопленные веками эмпирические знания кыргызов оказали немалую услугу науке. Являясь проводниками и информаторами российских исследователей, они способствовали сохранению богатого историко-культурного наследия прошлого, коллекционированию и передаче в музеи и научно-культурные центры археологических памятников, предметов домашнего обихода и прикладного искусства.

Среди местных исследователей были известны имена Абдыбекова Садырбека, Аильчинова Садыка, Кылдаева Кудакельди, Карыева Сатылгана, Тынаева Маке и других, внесших значительный вклад в познание края.

Один из них – пржеvaleц Абдыбеков Садырбек был известным охотником, коллекционером, препаратором и натуралистом. Его имя хорошо известно специалистам-зоологам, изучающим животный мир горного края [7: 95–105]. Его фаунистические коллекции, особенно орнитологические, добытые и прекрасно обработанные им, украшают отечественные и зарубежные музеи, научные учреждения и учебные заведения Москвы, Санкт-Петербурга, Лондона, Мюнхена, Берлина и других научных центров мира.

Его сотрудничество с европейскими учеными началось в 1900 г. в качестве проводника венгерской экспедиции Д. Алмаши в Прибалхашье и Тянь-Шане. По совету Д. Алмаши он осваивает искусство препаратора и коллектора. С этого времени С. Абдыбеков вместе с учителем из Пржевальска А.А. Куценко изучает разные районы Тянь-Шаня для фаунистических сборов.

С 1909 г., после смерти А.А. Куценко, он сотрудничает с другим пржевальским учителем С.И. Абрамовым. Богатые коллекции, содержащие разные виды животных, в т.ч. живых, отправлялись в зарубежные музеи, зоопарки, фирмы, особенно Дрезденский энтомологический институт и зоопарк Гагенбека в Гамбурге.

В 1912–1914 годах С. Абдыбеков был проводником и препаратором в экспедициях известного исследователя природы Семиречья В.Н. Шнитникова. Он писал, что «Садырбек был настоящим натуралистом в душе, любившим природу и интересовавшимся ею совершенно так, как интересуются специалисты, ученые» [8: 230].

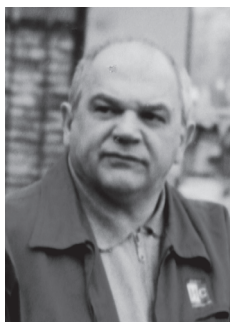
В период царского режима только отдельные местные участники удостоивались наград. К их числу относится проводник Джайсан из Пржевальска, удостоенный бронзовой медали РГО за участие в Хантенгрийской экспедиции 1886 г. А российский путешественник И. В. Игнатов назвал два сарыджазских ледника именами проводников экспедиции РГО Бектура и Тыная за особые услуги, оказанные ими во время исследования массива Хан-Тенгри в 1886 г.

Таким образом, местное население принимало активное участие в научном познании края. Ни одна научная экспедиция не обходилась без прямого и косвенного участия представителей кыргызского народа. Благодаря их бескорыстной помощи русские исследователи смогли собрать разнообразные материалы о Кыргызстане и сделать мировые открытия в различных отраслях науки.

Литература:

1. *Семенов-Тянь-Шанский*. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946.
2. *Грум-Гржимайло Г.Е.* П.П. Семенов-Тянь-Шанский как географ // П.П. Семенов-Тянь-Шанский его жизнь и деятельность: Сборник статей по поводу столетия со дня его рождения. Л., 1928.

3. *Битюков Г.С.* Великий путешественник и географ Н.М. Пржевальский. Фрунзе, 1962.
4. *Колесников А.А.* Фонд Н.М. Пржевальского в архиве Русского Географического общества //Н.М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана. Бишкек: КРСУ, 2004. С. 69–72.
5. Архив Русского Географического общества. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
6. *Виноградова Е.В.* Кыргызские проводники в экспедициях русских путешественников //Н.М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана: Документы. Материалы. Исследования. /Ред. А.А. Колесников, В.М. Плоских. Бишкек: КРСУ, 2004. С.178–182.
7. *Умурзаков С.* С четырех сторон горизонта. Фрунзе, 1983.
8. *Шнитников В.Н.* Из воспоминаний натуралиста. М., 1958.

А.А. Колесников

ЗАМЕТКИ ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА

Выдающийся русский ученый Семенов-Тянь-Шанский, неоднократно совершавший поездки по Азии в составе военных экспедиций, наряду с богатейшим научным материалом, оставил интересные записи и заметки военного характера. Так, в письме к военному министру Ванновскому от 7 декабря 1898 г. П.П. Семенов сообщал: «Знакомство с этой окраиной представляется для

нас, русских, особенно важным ввиду выдающегося значения для Китая, судьбы которого тесно связаны с этой окраиной и всегда зависели от тех отношений к народам Средней Азии, которые завязывались у Китая именно с этой окраиной... Через естественные ворота этих окраин, наконец, происходили весьма важные торговые сношения и через посредство этой окраины могут продвигаться в будущем все далее, на восток рынки для сбыта русских изделий, начинающих уже туда проникать. Таким образом, не только в научном, географическом, но и в историческом, и в стратегическом отношении, восточная окраина нагорной Азии заслуживает внимательнейшего изучения».

Говоря о русских военных в Азии, следует подробно остановиться на востоковедной деятельности Константина Петровича фон Кауфмана – первого ге-

нерал-губернатора Туркестанского края. Наделенный широкими полномочиями как в вопросах внутренней, так и внешней политики, он самостоятельно формировал концепцию развития отношений с местным населением края и с сопредельными странами. Необходимым условием для выработки такой политики являлось проведение широкомасштабных научных исследований географического, экономического и этнографического характера. Деятельность К.П. фон Кауфмана на посту генерал-губернатора в 1867–1882 гг., безусловно, заслуживает специального исследования. Мы остановимся лишь на основных мероприятиях по организации изучения Туркестана.

Одним из первых приказов фон Кауфмана было учреждение в 1868 г. Статистического комитета, целью которого был сбор «цифровых данных о состоянии края». В этом приказе говорилось: «Для приведения в порядок имеющихся и собрания новейших статистических сведений о вверенном мне крае учреждается при моем управлении в г. Ташкенте Статистический комитет. Комитету предоставляется право с предварительного доклада мне приглашать в свои заседания посторонних лиц, которые могут принести пользу занятиям Комитета. Начальники частей войск и управлений, как военных, так и военно-народных, обязываются доставлять Комитету все требуемые им сведения, а в случае разъездов членов Комитета оказывать им всевозможное содействие».

Вся статистическая работа выполнялась преимущественно офицерами штаба Туркестанского военного округа в интересах военного ведомства. Об этом свидетельствует письмо генерала Кауфмана в Главный штаб, где он сообщал: «Все собранные этим Комитетом сведения, могущие иметь какой-нибудь интерес, по обработке их будут немедленно доставляться в Главный штаб».

В Ташкенте выходил Статистический ежегодник комитета, где публиковались сведения по истории, географии, этнографии региона, здесь же сообщались результаты переписи населения и другие статистические данные. Подобные статистические комитеты были учреждены также в Семипалатинской и Акмолинской областях. Богатейший материал, содержащийся в статистических отчетах, позволял русской администрации корректировать свою политику в Азии.

Кауфман проводил колоссальную культурно-просветительскую работу. Офицерам, прибывшим служить под его началом, вменялось в обязанность изучать местные языки, знать особенности и обычаи «туземного населения», заниматься научным исследованием региона. По инициативе генерал-губернатора в Ташкенте было учреждено Среднеазиатское научное общество. Его целью определялось «разностороннее исследование края», что включало

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

в себя создание учебных материалов по таджикскому, туркменскому и узбекскому языкам, чтение публичных лекций на самые различные краеведческие темы, проведение востоковедных исследований. Типография штаба Туркестанского военного округа печатала учебники, исследования и краеведческую литературу.

Каждое военное собрание в уездных городах Туркестана имело при себе библиотеку, театральную труппу, целую сеть различных кружков и обществ. Библиотека туркестанского генерал-губернатора, например, насчитывала более 13 000 томов. До нашего времени дошел уникальный «Туркестанский сборник» – собрание журнальных и газетных статей российской прессы. Об интересе российской общественности к Туркестану свидетельствует то, что за 20 лет было составлено 416 томов этого сборника.

В 1873 г. по приказу генерал-губернатора был составлен фотографический альбом Туркестанского края, куда вошло 1 400 снимков по этнографии, археологии, истории и экономике. В 1880 г. последовало распоряжение Кауфмана об изготовлении альбома фотографий «по типам народностей, проживающим в Туркестане». Такой альбом был создан и передан в музей этнографии Академии наук.

Кауфман добивался приглашения в Туркестан известных деятелей российской науки и искусства. Так, по его просьбе военный министр Милютин ходатайствовал перед Александром II о командировании художника Верещагина на два года для подготовки «альбома картин из быта Туркестанского края». Просьба была удовлетворена, и итогом трехлетнего пребывания Верещагина в Туркестане стал знаменитый альбом художника, получивший широкое признание.

Неутомимая деятельность генерала К.П. Кауфмана по организации востоковедных исследований в крае и сбору уникальных материалов по Азии в копилку российской науки была по достоинству оценена научной общественностью. В 1873 г. генерал-губернатору было присвоено звание почетного члена Российской академии наук.

Таким образом, военные исследователи конца XIX–начала XX в. представляли собой высокообразованных востоковедов, внесших значительный вклад в изучение новых азиатских владений России. Военное ведомство дало российской науке целую плеяду путешественников, научные открытия которых получили мировое признание, сохраняющееся и по сей день.

Н.А. Омуралиев

СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ КАК СТАТИСТИК

Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (2 января 1827–26 февраля 1914) – русский географ, статистик, ботаник и энтомолог. Происхождение – из дворян Рязанской губернии России. Окончил Петербургский университет (1848). С 1849 г. – член Русского Географического общества, с 1873 г. – его вице-председатель и фактический руководитель. В 1856–1857 гг. совершил свое знаменитое путешествие на Тянь-Шань. Эта экспедиция, пожалуй, оказалась уникальной в истории географических открытий. Она продолжалась менее трех месяцев, но ее результаты прямо-таки поражают воображение. Уже на четвертый день похода путешественники увидели Хан-Тенгри. Долгое время эта вершина считалась высшей точкой Тянь-Шаня – 6995 м). Только в 1943 г. топографы установили, что вершина, отстоящая на 20 км от Хан-Тенгри, имеет высоту большую (7439 м). Ее назвали пиком Победы.

Современники ученого были потрясены обилием открытий, которые стали результатом экспедиции.

Сухие статистические данные говорят сами за себя. Обследованы 23 горных перевала, определены высоты 50 вершин; собрано 300 образцов горных пород, коллекции насекомых и моллюсков, 1000 экземпляров растений (многие из них были неизвестны науке). Подробно описаны растительные зоны; это описание позволило нарисовать столь яркую ботанико-географическую картину, что впоследствии оставалось вносить в нее лишь отдельные штрихи и дополнения. Кроме того, было получено два поперечных геологических разреза Тянь-Шаня, что помогло более глубокому изучению геологии Средней Азии. Удалось определить высоту снеговой линии Тянь-Шаня, установить существование ледников альпийского типа и, наконец, опровергнуть представление Гумбольдта о тяньшаньском вулканизме.

Впоследствии он был организатором многих экспедиций в Среднюю и Центральную Азию. Это его идеи вдохновили Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, И.В. Мушкетова, А.Н. Краснова, Л.С. Берга и многих других выдающихся исследователей Центральной Азии.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

После путешествия на Тянь-Шань П.П. Семенов в Петербурге представил в Географическое общество план новой экспедиции, которую он намеревался совершить в 1860–1861 гг. Однако вице-председатель общества Ф.П. Литке заявил ему, что для снаряжения экспедиции нет средств и «едва ли возможно будет получить разрешение на нее».

Вскоре довольно неожиданно для себя Семенов в феврале 1859 г. был назначен заведующим делами Редакционной комиссии по подготовке крестьянской реформы. В 1859–1860 гг. участвовал в качестве эксперта в работе этой комиссии.

Очень много сделал для развития статистики. В 1861 г., в 1864–1874 гг. возглавлял Центральный статистический комитет, в 1875–1897 гг. – председатель статистического совета МВД. С 1897 г. – член Государственного совета. Организатор I съезда статистиков России, ряда крупных статистических исследований, первой в стране всеобщей переписи населения (1897 г.), создатель схемы экономических районов Европейской России. По существу он становится основателем экономической географии России, как автор «Географическо-статистического словаря Российской империи» (1863–1885 гг.). Совместно с В.И. Ламанским руководил изданием «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1899–1913 гг.).

С 1889 г. Петр Петрович возглавляет и Русское энтомологическое общество. Увлекаясь энтомологией, собирает коллекцию жуков: к концу его жизни она насчитывала 700 тыс. экземпляров и была крупнейшей в мире.

В 1906 г., в год пятидесятилетия со дня его первого путешествия на Тянь-Шань, вышел царский указ о присоединении к имени Петра Петровича Семенова титула Тянь-Шанского. Кроме того, именем Семенова-Тянь-Шанского названы горы, хребты, ледники.

Чрезвычайная занятость, служебные обязанности отвлекали Семенова от обработки собранных на Тянь-Шане материалов. Только через полвека, в 1908 г., по старым дневникам Петр Петрович полностью описал свое, ставшее хрестоматийным, путешествие.

Изучая материалы путешествия, необходимо обратить внимание на то, что в начале своего пути, в августе 1856 г., П.П. Семенов не делал различий между киргизами и казахами. Описывая дорогу из Семипалатинска в город Копал (территория современного Казахстана), он отмечал, что путешественникам иногда приходилось брать лошадей для упряжки прямо «из степных табунов, принадлежавших кочевникам-киргизам».

В другом месте описывается случай, когда по его настоянию русские казаки перевозят из Алтая в город Верный (позднее Алма-Ата, Казахстан) пчелиные ульи, благодаря чему здесь начало понемногу развиваться пчеловодство. Как пишет Семенов, оно вызвало удивление киргизов, рассказывавших ему, что казаки ухитрились «привезти такую муху, которая делает сахар...».

Из Верного и началось его путешествие непосредственно в глубь Тянь-Шаня. Наслаждаясь «чудной панорамой» Тянь-Шаня, Семенов несколько раз перешел через различные хребты. Во время одного из маршрутов ему пришлось подниматься по долине реки Чу диким и мрачным Боомским ущельем. Ущелье вскоре сузилось, превратившись в своеобразный каменный коридор, где мчался бешеный поток горной реки.

То справа, то слева высокие каменные утесы отвесно спускались в реку; берега исчезали, и людям приходилось многократно переходить вброд бурное течение, поднимаясь по опасным тропинкам и обходя сверху обрывы. При этом необходимо было еще и следить за лошадьми, которых вели в поводу без груза, неся вьюки на руках.

Вечером небо закрыли мрачные тучи, а вскоре наступила и темная ночь. Только временами показывалась между облаками полная луна, слегка освещающая путникам дорогу. Как вспоминал впоследствии Семенов: «Ночь, проведенная мной в Буамском ущелье, была едва ли не самой тревожной в моей жизни. На мне лежала ответственность за жизнь почти сотни людей и за успех всего предприятия».

Маршрут пролегал по местам ожесточенных междоусобных войн различных киргизских племен. По стечению обстоятельств русские оказывались втянутыми в эти конфликты, выступая на стороне одних и, соответственно, являясь противниками других... Петру Петровичу приходилось принимать самое активное участие в боевых операциях, где он показал себя решительным и храбрым. Но, обладая немалыми дипломатическими способностями, ученый чаще разрешал противоречия мирным путем и даже выступал в качестве признанного местным населением авторитета, независимого судьи!..

С особым интересом он наблюдал за жизнью и бытом казахов, киргизов – коренных обитателей Тянь-Шаня. В своих отчетах Семенов подробно описывает свои посещения киргизских поселений, отдельные встречи с кочевниками и т.д. В конце путешествия П.П. Семенов четко различал кочевников не только по национальности: казах это или киргиз, но и по их родоплеменной принадлежности. Знания по этническому составу населения Центральной Азии, по-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

лученные во время этого путешествия, окажут впоследствии большое влияние на становление Кыргызстана как отдельного государства.

Кыргызы – один из древнейших народов Центральной Азии. Первое упоминание о кыргызах было отмечено в китайских летописях более 2000 лет назад. С тех пор государство кыргызов пережило взлеты и падения, многочисленные войны и нескончаемые голодные годы, болезни и засухи, бегство народа от жестоких захватчиков и длительные миграции в поисках лучшей доли и многие другие события, значительно повлиявшие на жизнь и численность народа.

Первые упоминания о более или менее точном количестве кыргызов содержатся в материалах Первой российской переписи населения 1897 г. и что очень важно – отдельно от казахов (долгое время в российской истории на казахов ошибочно распространялся этноним – кыргызы).

Как нам известно, Первую всероссийскую перепись населения организовывал именно П.П. Семенов-Тянь-Шанский и его опыт и знания этнического состава населения Центральной Азии сыграли свою роль в выделении кыргызов, как отдельной самостоятельной этнической группы.

Впоследствии данное обстоятельство было одним из ключевых при национально-территориальном размежевании в Центральной Азии. По нашему мнению, если бы в материалах Первой всероссийской переписи населения кыргызы не были бы выделены отдельной строкой как состоявшийся этнос, то после Великой Октябрьской Социалистической революции они не получили бы автономию и далее свою государственность. Эволюция современного государственного статуса Кыргызстана началась с 1924 г. как Кара-Киргизская автономная область Российской Федерации, с 1926 г. как Киргизская автономная республика в составе Российской Федерации, а с 1936 г. – как самостоятельная Киргизская Советская Социалистическая Республика.

С научной точки зрения, материалы первой переписи имеют огромное значение. Так, согласно переписи населения 28 января 1897 г., число жителей Российской Империи составляло 126 411 736 человек обоего пола. С учетом различных поправок, всего в империи насчитали 128 924 289 человек. Из этого числа в Среднеазиатских областях проживало 7 721 684 человека, в том числе в городах – 935 655 человек.

Наиболее многочисленные национальности в Российской Империи составляли русские – 55 670 тысяч человек (43,4%), украинцы – 22 380 тысяч человек (17,5%), поляки – 7 930 тысяч человек (6,2%), белорусы – 5 890 тысяч человек (4,6%), евреи – 5 060 тысяч человек (3,9%), казахи – 3 800 тысяч чело-

век (3,0%), финны – 2 660 тысяч человек (2,1%), татары – 2 230 тысяч человек (1,7%) и т.д.

Кроме казахов, вошедших в число наиболее многочисленных наций, упоминаются узбеки – 1 700 тысяч человек (1,3%), кыргызы – 600 тысяч человек (0,4 %), таджики – 350 тысяч человек (0,3%) [1: 76, 81, 88].

Эти данные помогают проследить динамику численности населения той или иной этнической принадлежности. В процессе работы над проблемой влияния горных территорий на жизнь тех или иных народов выявились интересные подробности. С 1897 г. общее количество кыргызов значительно увеличилось, но если проанализировать ситуацию в целом, то можно сделать вывод, что темпы роста численности кыргызов, проживающих в горной местности, значительно уступают таковым у народов, проживающих на равнинах, например, узбеков.

Проиллюстрируем это конкретными примерами.

Наиболее сопоставимыми для анализа динамики численности двух народов являются данные последней переписи населения СССР 1989 г. (приблизительно охватившей ту же территорию, что и российская перепись 1897 г.), где насчитывалось:

кыргызов: в Кыргызстане – 2 229 663, Таджикистане – 63 832, Узбекистане – 174 907, Казахстане и Туркменистане – нет упоминания среди самых многочисленных национальностей. Всего в республиках Средней Азии – 2 468 402 человека, рост по сравнению с 1897 г. приблизительно в 4,1 раза;

узбеков: в Узбекистане – 14 142 475 человек, в Кыргызстане – 550 096 человек, в Казахстане – 332 017 человек, в Таджикистане – 1 197 841 человек, в Туркмении – 313 333 человека. Всего в республиках Средней Азии – 16 535 762, рост по сравнению с 1897 г. приблизительно в 9,7 раза.

К настоящему времени численность этнических узбеков, по утверждениям официального Ташкента, превысила 20 млн. человек, в то время как численность этнических кыргызов составляет около 3,5 млн. человек.

Наблюдается почти двукратное превышение темпов роста численности населения за почти вековую историю. Конечно, за 100 лет в Центральной Азии произошли многие геополитические события, которые повлияли на изменение численности того или иного населения в большей или меньшей мере, например, жестокое подавление восстания в Центральной Азии царскими каратель-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

ными отрядами в 1916 г.; гражданская война после Октябрьской революции 1917 г., так называемый период «басмачества» в республиках Центральной Азии; голод 30-х годов, связанный с переходом на оседлость ранее кочевых народов; репрессии коммунистического режима конца 30-х гг; Вторая мировая война и многое другое.

На рост численности населения, кроме геополитических факторов, большое влияние оказывают и другие общественные явления, многие из которых сопоставимы с родственным (тюркоязычным) узбекским народом, такие, как репродуктивное поведение (кыргызы и узбеки, как правило, многодетные народы), традиции и обычаи (почитание старших и забота о младших в семьях обоих народов), вероисповедание (традиционное мусульманство) и так далее, что не противоречит друг другу, а значит, не могло повлиять на почти двукратное превышение темпов рождаемости двух народов.

Но существует и разница – в образе жизни, сфере приложения труда, по местности проживания. Узбеки – оседлый народ, кыргызы – в недавнем прошлом кочевники, переход на оседлый образ жизни прошел всего лишь в 30-х годах. Узбеки – в большей степени земледельцы, кыргызы – преимущественно животноводы. Узбеки всегда проживали в благодатных долинах, кыргызы же в поисках богатых пастбищ для своего скота поднимались на вершины гор. Кыргызы – кочевой народ, причем кочевники вертикального типа: зимой располагались в долинах гор, а с весны и до поздней осени кочевали высоко в горах.

Общеизвестно, что после перехода на оседлость численность кыргызов стала резко увеличиваться, ведь при кочевом образе жизни из 10 родившихся детей почти половина не выживала.

Определенная заслуга повышения роста численности кыргызов принадлежит сильной социальной политике советского периода. В то время детская смертность значительно снизилась и составляла несколько случаев на 1 тысячу благополучных детей. Без значительных затрат на медицинское обслуживание, социальное обеспечение матерей и детей невозможно было бы обеспечить рост численности населения. Со времени достижения независимости в 90-е гг. XX в. суверенный Кыргызстан так и не смог ни в достаточной мере финансировать медицинское обеспечение, ни оказывать достойную социальную помощь матерям и детям.

Необходимо отметить, что благополучие населения в советское время в большей степени поддерживалось ежегодными дотациями из Центра в размере 1 млрд. рублей (в то время составляли приблизительно

250–300 млн. долларов США). Часть этих денег обеспечивала финансирование социальной сферы.

После обретения суверенитета помощь прекратилась. Оставшись без поддержки со стороны других стран, народ Кыргызстана буквально «выжил» в чрезвычайно трудных условиях существования. Тяжелейшие горные природно-климатические условия для ежедневного труда человека создают дополнительные физические нагрузки, и они экономически более затратные, чем в условиях жизни равнинных стран.

В то же время, за 15 лет суверенного существования Кыргызстана внешний долг вырос примерно до двух млрд. долларов США, из которых лишь небольшая часть была потрачена на нужды простого народа.

Рождаемость в республике по сравнению с советским периодом резко снизилась, смертность возросла, увеличилась миграция из республики. В целях смены постоянного места жительства страну покидают многие представители различных национальностей. Однако наблюдается и другая тенденция: в последнее время численность выезжающих за рубеж кыргызов значительно превысила численность выезжающих граждан других национальностей. Выезжают кыргызы в другие страны, в основном, на заработки и большей частью без вызова работодателей, на свой «страх и риск», что официально трактуется в зарубежных странах как «нелегальная трудовая миграция».

Маятниковая трудовая миграция населения в Россию и Казахстан (равнинные страны) дошла, по оценкам некоторых экспертов, до 400–500 тысяч человек (не одновременно, а в течение года), причем каждый из них высылает своей семье на проживание 100–200 долларов в месяц. Во многих селах на юге Кыргызстана миграция достигает до 1 000–1 200 человек при общей численности населения села до 3 тысяч человек.

Тем не менее, сумма денежных переводов, которую посылают трудовые мигранты своим семьям, по утверждению высшего руководства Кыргызстана, доходит до 500 млн. долларов США в год. При годовом бюджете Кыргызстана в 480–490 млн. долл. США это практически второй бюджет страны.

Как известно, Кыргызстан в советское время получал в виде дотаций от союзного центра 250–300 млн. долларов США (1 миллиард рублей). Если учесть инфляцию, рост цен, увеличение численности населения республики, прошедших со времени СССР, то приблизительно столько и необходимо населению республики для выживания, для того, чтобы не умереть с голоду. Если в советское время Центр помогал дотациями приблизительно на эту сумму, то сейчас, в отсутствие регулярной помощи, население помогает само себе

путем тяжелого иммиграционного труда в России, Казахстане и других равнинных странах.

Но это уже другая история – новейшая история современного Кыргызстана, требующая своего исследования. Однако если не было бы упоминания и данных о численности кыргызов как отдельного самостоятельного народа с дореволюционного 1897 г., то не было бы и истории послереволюционного современного Кыргызстана, а была бы история кыргызского этноса, развивающегося в составе того или иного центральноазиатского государства. На наш взгляд, в этом отношении Кыргызстану необходимо воздать заслуженные почести и проявить верх уважения перед памятью выдающегося русского путешественника и статистика Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского.

Литература:

1. *Брокгауз-Эфрон*. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. 54, 55. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991.

У.Э. Боотбаев

НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОГО КЫРГЫЗСТАНА К РОССИИ

Еще в последней четверти XVIII столетия, по инициативе бия Атаке, от сарыбагышских кыргызов Чуйской долины в Санкт-Петербург к Екатерине II направляется посольство в поисках покровительства. В первой трети XIX в. перед непосредственной угрозой кокандской агрессии кыргызы вновь предпринимают неоднократные попытки заручиться покровительством России. Но Кокандское ханство оказалось более оперативным, и кыргызы вынуждены были временно подчиниться силе. Подчиниться, но не примириться с ханским гнетом. Серия восстаний, потрясших ханство, – свидетельство тому.

Письма предводителей кыргызских племен, переписка сибирских чиновников с императорским двором и министерствами по поводу просьбы кыргызов о принятии их в подданство России свидетельствует о том, что вопрос о вхож-

дении в состав России ряда северо-кыргызских племен вполне назрел. Особую настойчивость в этом проявлял глава бугинцев манап Боромбай Бекмуратов. Именно с Боромбая и его кочевий на Иссык-Куле начал свое знакомство с кыргызами и Тянь-Шанем П.П. Семенов-Тянь-Шанский [1].

Боромбай Бекмуратов (год рождения неизвестен, умер в 1858 г.) – верховный манап племени бугу – был дальновидным политиком. Он умело лавировал между Китаем и Кокандом. Цинские правители, желая привлечь его на свою сторону, присвоили Боромбаю высокий класс чиновничьего сословия Китайской империи. Но в тех конкретных исторических условиях, по его убеждению, только Россия была способна оказать действенную помощь кыргызам, обеспечить их безопасность от враждебных посягательств соседей и умиротворить раздираемых усобицами собственных родоправителей.

Еще в 1844 г. бугинский манап Боромбай в письме западносибирскому генерал-губернатору (1844 г.), стремясь обрести могущественного покровителя и избавителя от кровавых феодальных междоусобиц, просил прислать на Иссык-Куль военный отряд и построить город [2: 122–123]. Он писал, что у него в подчинении 10 тысяч юрт рода бугу, несколько тысяч юрт родов сарыбагыш, солто и других, которые находятся в междоусобной вражде. Утверждение в Кыргызстане российской власти, по мнению Боромбая, привело бы к общему спокойствию. Военное министерство и сибирские власти склонны были к тому, чтобы ускорить этот процесс, однако российский МИД, оглядываясь на Англию, осторожничал и сдерживал их.

С изменением политической ситуации в Средней Азии и Казахстане в начале 50-х годов XIX в. появились объективные возможности для удовлетворения давнишнего желания кыргызов принять подданство России. В сентябре 1853 г. иссыккульские кыргызы в очередной раз направляют письмо генерал-губернатору Западной Сибири. Инициатором этого обращения был Боромбай. Из Санкт-Петербурга было дано указание пригласить кыргызских представителей в Омск и удовлетворить их просьбу путем торжественного принесения кыргызами присяги русскому императору [2: 156–160].

В 1854 году генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд «во исполнение высочайшего повеления» пригласил кыргызских манапов Прииссык-куля прислать в Омск депутатов, снабженных полномочной доверенностью «для принятия присяги на верноподданство России» [2: 163–164].

Бугинские манапы избрали своим представителем для столь важного поручения манапа Качибека Шералина, который представлял более молодое по-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

коление манапов. Он бывал в России в 1814 и 1824 г., встречался с русскими людьми и мог реально оценить ситуацию. Его приверженность идее присоединения к России была не просто плодом тревожных политических размышлений, но и результатом личного общения с русскими. Как и Боромбай, Качибек Шералин считал, что только в составе России кыргызы смогут спокойно развиваться дальше. Качибек был близким родственником манапа Боромбая и не раз уже бывал в качестве посла в Омске, имел чин капитана русской армии и был отмечен золотой медалью. Он выехал в Россию в сентябре 1854 г., имея письменно подтвержденные полномочия принять присягу от имени всех кыргызов племени бугу.

Кыргызских посланников встречали торжественно. В Омске по этому поводу собрался сибирский генералитет во главе с генерал-губернатором Г.Х. Гасфордом, высшие чины управления Западной Сибирью, для участия в церемонии были приглашены почетные казахские султаны. 17 января 1855 г. в губернаторском дворце Качыбек Шералин, держа в руках Коран, принимает присягу на подданство России. Присутствующие скрепили присягу подписями, султаны и бии приложили печати и родовые тамги [2: 177–179].

Так был совершен акт большого политического значения, положено начало присоединению Кыргызстана к России. Естественно, принятие бугинцами российского подданства не могло сразу же сказаться на изменении жизни новых подданных империи. Еще довольно долго враги России и кыргызского народа, как внешние, так и внутренние, делали все возможное, чтобы разрушить скрепленный присягой союз: разжигали уوبيцы, плели интриги, организовывали открытый разбой, убийства сторонников русской ориентации. Но это уже не могло остановить так долго зревший процесс присоединения.

С учреждением в 1863 г. в Прииссыккулье постоянного русского военного гарнизона последние посягательства кокандцев и китайцев на земли кыргызов, а также междоусобицы прекратились [2: 272].

Документы однозначно свидетельствуют о том, что уже в 1855 г. русская администрация предпринимает активные меры по нормализации отношений между новыми российскими подданными – бугинцами и одним из крупнейших северо-кыргызских племен – сарыбагышами, а также между кыргызами и казахами; рассматривает возможности строительства укрепления на Иссык-Куле. Территория обитания бугинцев – Прииссыккулье – становится объектом изучения специальной военно-научной экспедиции. Начало этому процессу как раз и было положено экспедицией П.П. Семенова-Тян-Шанского. Документы

раскрывают совместную борьбу кыргызов и русских за очищение края от кокандских войск. Они дают яркое представление о расстановке политических сил, проявлениях не только прорусских, но и антирусских настроений и т.д.

Параллельно с вытеснением кокандцев шел активный и естественный процесс укрепления в крае русского влияния. Военные власти, используя опыт отношений с казахскими племенами, организуют управление новыми подданными с учетом местных условий.

Однако было бы неверным утверждать, что все население северного Кыргызстана изъявило желание добровольно принять подданство России. Да и само понятие «добровольно» можно принять лишь условно: ни один народ добровольно не наденет на себя ярмо. А колониальная и налоговая политика царизма вскоре доказала, что является, действительно, новым ярмом. Но иного выхода тогда у кыргызского народа не существовало. Это была вынужденная и своевременная мера: присоединение к России в той конкретной обстановке являлось вариантом более благоприятным по сравнению с другими. Единого мнения в отношении принятия российского подданства, поэтому не было и не могло быть. Некоторые манапы проявляли нерешительность, непоследовательность в отношениях с Россией. Отдельные из них занимали выжидательную, а иногда и враждебную позицию, оказывая сопротивление царским военным отрядам.

Но, как говорится, процесс пошел. В 1863 г. приняли российское подданство Тяньшаньские кыргызы, а в 1876 г. вынужден был покориться последний очаг повстанцев – алайские кыргызы.

Литература:

1. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946.
2. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): Сборник документов и материалов /Отв. ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек: Илим, 1998.

С.В. Плоских

П.П. СЕМЕНОВ – АРБИТР КЫРГЫЗОВ В МЕЖРОДОВЫХ СПОРАХ

В тот год, когда П.П. Семёнов прибыл на Тянь-Шань, ему было 30 лет. В государственную службу вступать и не думал, «заботясь только о научных интересах, в особенности, Внутренней Азии», – пишет он в своих мемуарах «Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах».

Однако силою исторических обстоятельств П.П. Семенов оказался в гуще не только научных интересов, но и социально-политических, можно сказать, судьбоносных событий, связанных с началом присоединения Кыргызстана к России.

В 1855 г., почти за год до прибытия П.П. Семёнова на Тянь-Шань, под сводами Омского губернаторского дворца Качыбек Шералин с Кораном в руках принёс присягу на верность России. Присутствующие на церемонии скрепили присягу подписями, султаны и бии приложили свои печати и родовые тамги. Верховный манап племени бугу Боромбай символически возводился в полковники русской армии.

Впоследствии Пётр Петрович неоднократно откликнулся на просьбы Боромбая помочь в урегулировании отношений между племенами бугу и сарыбагыш. До полного урегулирования всех старых и возникающих то и дело новых проблем пройдёт немало времени, и П.П. Семёнов окажется не только свидетелем, но и активным участником этих событий.

Произошла встреча Г.И. Гасфорта и с молодым учёным П.П. Семёновым. Принял Гасфорт ученого очень приветливо: приезд командированного в его край члена пользовавшегося тогда уже большим авторитетом Русского Географического общества был как раз в интересах генерал-губернатора, искавшего всякой поддержки в своих начинаниях со стороны независимых беспристрастных и сколько-нибудь авторитетных свидетелей его действий. Учёный выразил глубокое сочувствие Географического общества к деятельности Гасфорта в этом районе и сообщил ему, что общество поручило ему изучить как природу мирно завоеванного им края, так и успехи в нем русской колонизации... [1: 51].

Гасфорт высказал надежду на понимание Обществом его роли как носителя просвещения в Средней Азии, и что его мирное завоевание богато ода-

ренного природой края будет оценено впоследствии историей, а пока что ему приходится радоваться, что уважаемое всей Европой Русское Географическое общество обратило внимание на только что занятый край, и он приветствует молодого ученого, стремящегося к его изучению.

Гасфорт обещал содействовать ученому предписанием местным властям оказывать самое широкое воздействие его исследованиям и дать ему достаточный конвой для поездки в горы Заилийского края, а также посылать вслед топографов для съемки, по возможности, всех маршрутов экспедиции [1: 52].

Первые впечатления омрачались довольно серьезной, далеко не мирной обстановкой, царящей в крае. В частности, один из военных – Хоментовский – предупредил П.П. Семёнова о том, что на восточной оконечности Иссык-Куля он может не обнаружить местных жителей, потому что вследствие продолжительной и кровавой распри между двумя соседними племенами кыргызов – сарыбагышами и бугинцами – последние бежали с Иссык-Куля на восток, а первые еще не осмелились занять родовые бугинские земли, то есть восточную половину иссыккульского бассейна.

Можно было наткнуться на блуждающие отряды (баранту) той или другой стороны, но эту племенную распри кыргызов Хоментовский считал благоприятным обстоятельством для путешествия, ибо каждая из враждующих сторон, очевидно, будет искать сочувствия и поддержки русского ученого.

П.П. Семёнов сразу же принял деятельное участие в примирении враждующих сторон. Он приехал к Умбет-Алы, чтобы попробовать сделаться его тамыром, и передал ему подарки, за которые семейство Умбеталы отдало ему тремя прекрасными конями. «Таким образом Умбет-Алы, согласно киргизскому обычаю, сделался моим тамыром», – заметил П.П. Семёнов [1: 52].

Современному читателю остаётся удивляться, каким образом молодому ученому удалось стать тамыром, когда распри между обоими кыргызскими племенами, владевшими бассейном Иссык-Куля, были в полном разгаре. Номинальные подданные Китая – богинцы, вытесненные кокандскими подданными – сарыбагышами из всего бассейна Иссык-Куля, стремились вернуть себе принадлежащую им восточную половину иссыккульского бассейна, а потому решились вступить в переговоры о принятии их в русское подданство. Каждый род, в него вступавший, избавлялся тем самым от баранты со стороны родов, находившихся уже в русском подданстве, и мог победоносно бороться со следующим еще независимым родом, так как чувствовал себя под покровительством и защитой России.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

«Тогда, – отметил П.П. Семенов, – и следующий род, окруженный со всех сторон возможными врагами, вынужден был искать себе, в свою очередь, спасение в переходе в русское подданство» [1: 142]. Это ученый уяснил сразу и стремился благоразумно содействовать умиротворению враждующих между собой племен.

Российские военные, и не только Хоментовский, но и Перемышльский и другие со своим «простым здравым смыслом» понимали это положение кочевников и чувствовали неизбежность принятия ими русского подданства. В то же время они сознавали необходимость оказания им в какой бы то ни было форме помощи именно тогда, когда они обращались к русским. Русские обычно старались как-то «уладить» отношения между племенами, прекратить не только барымту, но и любые другие споры методом «народной дипломатии», что в свою очередь усиливало чувство доверия к русским у местных родоправителей.

Сами кыргызы всё чаще стали обращаться к русским с просьбой выступить в качестве арбитров в разрешении достаточно сложных и спорных проблем в их собственных взаимоотношениях.

В мемуарах «Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах» П.П. Семёнов достаточно подробно описывает один из эпизодов его участия в разрешении серьёзного спора по «обычному киргизскому праву». Как описывает П.П. Семёнов, спор разрешался судом биев (мировых судей) – по три от каждого племени, в присутствии старших султанов обоих племен и пристава Большой Орды [1: 147–148].

При этом бии, руководствуясь тем же обычным правом, должны были выбрать председателем или суперарбитром лицо, постороннее обоим племенам и совершенно беспристрастное.

Таким лицом бии единогласно признали П.П. Семёнова как человека, приехавшего издалека, но не принадлежащего к местной администрации, с репутацией «ученого человека», уже популярного между «киргизами Большой Орды».

Как пишет П.П. Семенов, он с радостью согласился принять активное участие в деле, которое сразу знакомило его не только с личностями, державшими в руках судьбу всей Орды, но с местным киргизским обычным правом, их мировоззрениями, уцелевшими в своей первоизданной чистоте.

Следует заметить, что во время путешествия П.П. Семёнов встретил здесь немало «старых героических и гомерических типов». Ученый, благодаря активному участию в таких судах, выяснил изменяющееся постепенно обще-

ственное положение биев в новых условиях. На съезде «пристав представил ему обоих султанов (султан атбанов – Тезек; султан дулатов – Али), а когда они вошли в юрту, то там приветствовали российского ученого избравшие его своим суперарбитром бии.

Личности биев интересовали П.П. Семенова в первую очередь тем, что в них ученый видел не наследственных сановников, а народных избранников. Впрочем, оказалось, что в половине XIX в. никто не выбирал, и никто не назначал биев. Это были просто люди, указанные общественным мнением, к которым все нуждающиеся в правосудии обращались по своей доброй воле за разбирательством своих споров, как к лицам опытным и составившим себе всеобщую известность своей справедливостью, своим умом и другими качествами, но в особенности тонким знанием обычного народного права.

«Между такими лицами, – пишет П.П. Семенов, – были и люди знатные, белой кости, нередко и люди черной кости, но, во всяком случае, люди, прославившиеся своими несомненными личными достоинствами» [1: 148].

Кочевья этих людей были всем известны, и чем большей славой они пользовались, тем более имели клиентов.

На данный съезд бии обеих сторон были вызваны правителями, которые в их выборе руководствовались исключительно общественным мнением.

П.П. Семёнов, разумеется, прежде чем отправиться на съезд, разобрался в существе спора, возникшего между двумя родами и требующего незамедлительного решения, тем более что сами спорящие хотели разрешить его мирно.

А спор, подлежащий рассмотрению съезда, состоял в следующем: дочь одного знатного кыргыза (казаха), по имени Бейсерке, из племени дулатов была просватана сыну не менее знатного представителя из племени атбанов. Родители жениха и он сам уже выплатили весь калым, и молодой человек получил право взять свою невесту в жены. Но каково было всеобщее удивление, когда по приезде жениха для знакомства, невеста почувствовала к нему большую антипатию и решительно заявила, что не хочет быть его женой, а на уговоры своих родителей отвечала, что её, конечно, могут взять силой, но что живой она ни в каком случае ему не достанется. Зная характер молодой девушки, родители не сомневались в том, что она не отступит от своего решения, *«которое было почти неслыханным нарушением обычного права»*.

Родители, в то же время очень жалели свою любимую дочь, и приняли её сторону, заявляя, что готовы на всякие жертвы для её выкупа и спасения, и что сами они теперь тоже отказываются от брачного договора.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Красота дочери Бейсерке, её самобытный ум и отвага привлекли на её сторону не только весь её род, но и все племя дулатов, и если бы жених принадлежал к этому племени, то дело могло бы уладиться, так как жениха и его родителей можно было бы уговорить отказаться от невесты за возврат калыма и крупное вознаграждение. Но так как жених принадлежал не к одному племени с невестой, то все племя атбанов сочло инцидент за народное оскорбление и подняло все свои старые многолетние счёты с дулатами, усиленные ещё и личной враждой между султанами обоих племен.

Насколько высоким рангом доверия и уважения был наделен П.П. Семёнов и его сопровождение, свидетельствует само начало съезда. Была выставлена очень обширная юрта, богато убранная бухарскими коврами. Перед ней гости были встречены старшими султанами обоих племен. Это были: с одной стороны, славившийся во всем Семиречье своим умом и отвагой султан атбанов Тезек, очень популярный во всей степи, а с другой – очень известный своим богатством и гостеприимством, несколько надменный старый султан дулатов Али.

«Судоговорение» вёл П.П. Семёнов. Оно началось с того, что знатный Бейсерке ввел в юрту в качестве подсудимой свою дочь, которая была вызвана на суд по требованию ведущего, то есть П.П. Семёнова. Дочь Бейсерке, стройная 19-летняя девушка, поразила всех присутствовавших своей красотой и необыкновенным благодушием.

Громко и энергично произнесла она свою «защитительную речь». Она объяснила, что вполне сознает права на неё жениха, его родителей и всего племени атбанов и что суд, вероятно, решит дело не в её пользу, но что она ни в коем случае живой не достанется своему мужу, а что получить её мертвой ни жениху, ни его родителям нет никакой выгоды.

После того, как девушка закончила свою «защитительную речь», П.П. Семёнов обратился к биям со своим предложением, немедленно переведенным на киргизский язык. Он заметил, что, разумеется, все дело должно быть судимо по народным законам, но заметил также, что по русским законам нельзя принудить девушку идти в замужество, без её на то согласия, а потому следовало бы искать из этого дела такой выход, который, «удовлетворяя киргизским законам, не имел бы последствием бесполезную смерть девушки, высказавшейся так решительно перед всеми».

Для доверительного, но справедливого разрешения столь сложной проблемы П.П. Семёнов предложил выполнить два важных условия, с которыми были согласны обе спорящие стороны:

- справедливое удовлетворение интересов жениха и его родителей;
- удовлетворение чести обоих племён.

Причем по поводу первого он заметил, что бии как мировые судьи, позаботятся, прежде всего, о примирении обеих сторон; по второму, – оба племени здесь прекрасно представлены и пользуются народным доверием биев и своими султанами. П.П. Семёнов выразил надежду, что съезд найдет возможность выйти из затруднения с полным удовлетворением чести обоих племен.

Для справедливого решения проблемы с обеих сторон были представлены, кроме биев, достаточно уважаемые и известные обоим племенам представители – знатоки обычного права.

Все участники съезда занимали специально определенные им места, согласно «статуса». В глубине юрты, против выхода, на самом почетном месте был разостлан богатый текинский ковер, на котором П.П. Семёнова посадили рядом с полковником Перемышльским, а за ними, на малозаметном месте поместился переводчик.

Направо от П.П. Семёнова занял место султан Тезек, а налево от Перемышльского – представитель другой стороны, не хотевший допустить насильственного похищения у его племени «прекрасной Елены».

Далее по обе стороны центральной группы расположились на отдельных ковриках величественные фигуры шести биев.

Итак, съезд начался, и бии принялись обсуждать дело по существу. Сначала всё происходило спокойно, но потом суд стал превращаться в открытую ссору.

Все три атбанских бия доказывали, что отказ невесты и поддержка её родителей являются неслыханным правонарушением, которое является оскорблением всего племени.

Сторону дулатов представлял Джайнак – дядя невесты, который заявил, что со стороны невесты и её родителей действительно имеет место правонарушение, но и со стороны жениха правонарушение произошло ещё раньше. Дело в том, что, по кыргызским обычаям, дочь знатного человека может быть только первой женой, и никогда родители белой кости не согласятся выдать свою дочь во вторые жены.

Родители невесты, заключая брачную сделку, не знали о другой жене. На самом деле вины жениха здесь не было: он должен был признать своей женой вдову своего брата, что было не только его правом, но и его обязанностью. И этот обычай тоже входил в обычное право.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Итак, жених, сам, не желая того, нарушил права и невесты, за которую уже уплатил калым, и её родителей.

После долгих споров и переговоров биям удалось уговорить жениха и его родителей отказаться от невесты, получив обратно калым, а сверх того ещё и кун (выкуп за принадлежащую уже им невесту) в размере, равном калыму.

Забываясь о сохранении чести атбанского племени, бий Мамай предложил выдать невесту жениху хотя бы на неделю, «а затем он по собственному произволу откажется от неё и отошлет к родителям».

П.П. Семёнов возразил: дочь Бейсерке была привезена на суд, то есть уже выражена покорность решению съезда. Но девушку белой кости делать временной наложницей ни в коем случае нельзя. Мало того, нельзя допустить, чтобы в племенном споре восстановление прав одного племени было бы сопряжено с ещё большим нарушением прав другого.

И тут хитроумный султан Тезек заявил, что он не считал себя вправе вмешиваться в суд биев, когда они обсуждали права жениха и невесты. Но когда пошла речь о «восстановлении дорогой ему чести всего племени, им управляемого, он считает себя обязанным высказать свое мнение». Для удовлетворения племенной чести он предложил отказать дяде невесты, присутствующему здесь Дикамбаю, в высватанной им в атбанском племени невесте, конечно, с возвратом и ему калыма, но без уплаты неустойки (куна) и с согласия самого Дикамбая. Дикамбай заявил, что, желая спасти свою племянницу и восстановить мир между двумя племенами, он соглашается на предложение биев» [1: 148–152].

Спор окончился как-то неожиданно. Решив проблемы, бии разъехались. Тезек отправился по аулам собирать своих атбанов для того, чтобы последовать за П.П. Семёновым в экспедицию на помощь старому Боромбаю. Участие П.П. Семёнова в споре по обычному кыргызскому праву во многом способствовало установлению добрососедских отношений племен казахов, и теперь он направлялся к кыргызам Иссык-Куля.

Русский интеллигент П.П. Семёнов – не только великий путешественник-учёный, географ, статистик, но и российский общественный деятель, выполнивший свою подвижническую роль в установлении добрых отношений между первыми русскими людьми и местными народами, населяющими Центральную Азию.

Литература:

1. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах: Мемуары. Т. 2. М., 1946.

Б. Л. Боотаева

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА РУССКИМИ УЧЕНЫМИ–ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Русские ученые и исследователи второй половины XIX–начала XX в. сыграли важную роль в первоначальном изучении Кыргызстана и в познании исторического прошлого киргизского народа.

«Значительный вклад внесли в это дело такие выдающиеся представители русской науки, как П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.М. Пржевальский, Н.А. Северцов, А.П. Федченко, И.В. Мушкетов, В.В. Радлов, В.В. Бартольд и другие. Благодаря их научным исследованиям, проникнутым глубоким гуманизмом, народы России, как и народы многих стран мира, получили яркое представление об истории и самобытной культуре киргизского народа» [1: 47–48].

Честь открытия для науки Северного Тянь-Шаня принадлежит Петру Петровичу Семенову (1827–1914) – отважному пионеру из целой плеяды известных отечественных путешественников, участвовавших в научных экспедициях в Среднюю Азию (все они организовывались Русским Географическим обществом (РГО)).

П.П. Семенов был первым русским ученым, который достиг озера Иссык-Куль и провел его научное обследование. В сентябре 1856 г. в сопровождении небольшого казачьего отряда, направленного из Верного, он совершил две научные экспедиции – сначала к восточной оконечности Иссык-Куля – Тюпскому заливу, а затем – на северо-западное побережье озера [2: 58–72].

Экспедиция 1856 г. обогатила отечественную и мировую географическую науку достоверными сведениями о Прииссыккулье. Летом 1857 г. П.П. Семенов вместе со своим спутником – томским художником П.М. Кошаровым, киргизами-проводниками и полусотней казаков предпринял новое путешествие – уже в глубь Тянь-Шаньских гор.

П.П. Семенов первым из европейских географов увидел горную гряду Хан-Тенгри, достижение которой являлось одной из его главных задач. Отсюда он вышел к восточному берегу Иссык-Куля, а затем проследовал на юго-запад вдоль хребта Терской Ала-Тоо. С перевала Джуукучак (Заука) перед ним открылись верховья Нарына – район, практически неизвестный тогда географи-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

ческой науке. Преодолев перевал, путешественники вышли к Нарыну, а затем добрались к подножию склонов исполинской горной гряды Хан-Тенгри и впервые обследовали их.

Спустившись на Сары-Джаз, П.П. Семенов открыл там огромные ледники, один из которых был впоследствии назван его именем, но не нашел здесь ни действующих, ни потухших вулканов, что произвело настоящий переворот в представлениях тогдашней европейской географии о строении и особенностях Тянь-Шаня.

12 сентября 1857 г. П.П. Семенов и П.М. Кошаров, сделавшие во время экспедиции многочисленные зарисовки посещенных ими местностей Киргизии и их коренных обитателей, благополучно возвратились в Верный с богатейшими ботаническими, зоологическими, энтомологическими, геологическими и другими коллекциями. Их материалы впервые отразили в систематизированном виде тяньшаньскую флору и фауну, многие виды которой были до этого не известны науке.

Большую роль в изучении Киргизии сыграл видный казахский ученый, путешественник и просветитель Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865). Впервые он посетил Киргизию в 1855 г., сопровождая в одной из поездок западносибирского генерал-губернатора. В мае-июле 1856 г., незадолго до путешествия П.П. Семенова, Ч.Ч. Валиханов принял участие в военно-научной экспедиции М. М. Хоментовского, имевшей целью укрепление связей исык-кульских киргизов с Россией и проведение военно-топографической съемки оз. Исык-Куль [3: 368–371].

Помимо новых многочисленных сведений о природе этого своеобразного края, в валихановском «Дневнике поездки на Исык-Куль» и в оставшихся неоконченными «Записках о киргизах» сообщается немало интереснейших деталей о жизни, быте, духовной культуре киргизов. [4: 368–371, 301–380] 20 мая 1850 г. он первым записал отрывок из «Манаса» – величайшего героического эпоса киргизского народа, что образно приравнивают к открытию неизвестной страны.

В 1857 г. Ч.Ч. Валиханову вновь довелось побывать в кочевьях исык-кульских киргизов перед своим путешествием в Кашгар (1858–1859 гг.). Во время этого путешествия он посетил такие неизвестные еще географам районы, как Заиссыккульские сырты, Ак-Сай, оз. Чатыр-Куль и среднее течение Нарына, подробно описав их природно-географические условия, флору и фауну. Путешественник оставил любопытные описания коренных жителей этого горного края, их жизни и быта, хозяйственных занятий, взаимоотношений с соседями,

а также историко-археологических памятников, внимательно осмотренных во время поездки.

В 1859 г. в г. Верном, сыгравшем значительную роль в научном исследовании Южного Семиречья, были снаряжены еще две военно-научные экспедиции в Киргизию, к западной и восточной оконечностям оз. Иссык-Куль. Одну из них – восточную, возглавил ученый-геодезист штабс-капитан А.Ф. Голубев (1832–1866) [5: 89–99], для которого П.П. Семенов разработал подробную инструкцию и наметил основные пункты маршрута. Путешественник провел геодезические съемки в этих пунктах, что позволило нанести на карту важные географические открытия П.П. Семенова. При этом А.Ф. Голубев производил барометрические и температурные измерения и вел общегеографические наблюдения по маршруту, а также отмечал характерные для кочевников-киргизов явления общественной и хозяйственной жизни, фиксировал древние памятники в районах Тюпа и Джергалана [6: 183–198; 7: 77–130].

Другому молодому ученому – штабс-капитану М.И. Венюкову (1832–1901) – было поручено общее руководство экспедицией, состоявшей из двух отрядов, направленных почти одновременно с отрядом А.Ф. Голубева в западную и восточную части оз. Иссык-Куль. [8: 5–26] Сам М.И. Венюков возглавил западный отряд, которому предстояло определить силы и укрепления кокандцев в Чуйской долине и западном Прииссыккулье, а также выяснить отношение их жителей к России. Перед экспедицией были поставлены и научные задачи: обратить особое внимание на топографию местностей, а также «собрать возможно подробные сведения о племенах, живущих в стране, соседней с р. Чу и озером Иссык-Куль: в чем заключается сходство между этими племенами и отличительный характер каждого из них, нет ли у них различия в религии, нравах и обычаях, живут ли они между собой в мире или вражде, что служит этому поводом и кто родоначальник в каждом племени» [9: 133–134]. М.И. Венюков не только успешно справился с возложенными на него поручениями, но и опубликовал ряд работ, характеризующих своеобразие природы Северного Тянь-Шаня и особенности жизни и быта его населения [10].

В 1864 г. северо-западные районы Киргизии посетил выдающийся ученый-путешественник Николай Алексеевич Северцов (1827–1885). Он исследовал районы кокандских крепостей в долинах Чу, Таласа и Чаткала, хребты Северного и Западного Тянь-Шаня. При этом он обнаружил ряд полезных ископаемых, изучил растительный и животный мир края, а в дальнейшем на основе собранных материалов составил первую геологическую карту северных склонов хребта Киргизский Ала-Тоо.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

В 1865–1868 гг. Северцов принял участие в Туркестанской экспедиции РГО, что позволило ему более подробно познакомиться с природой и населением Центрального Тянь-Шаня. Выйдя 14 сентября 1867 г. из Верного с 15 спутниками, он вскоре оказался на восточной оконечности Иссык-Куля, проследовал его южным берегом до р. Барскаун, а затем, круто повернув на север и перейдя хребет Терской Ала-Тоо, достиг Тянь-Шаньских сыртов.

Помимо выяснения геологического строения, характера оледенения этой части Тянь-Шаня и природных особенностей сыртов, путешественник сделал немало ценных наблюдений, относящихся к флоре и фауне края. Труды Н.А. Северцова принесли ученому широкую известность в научных кругах России и за рубежом.

В 1875 г. за плодотворные исследования Тянь-Шаня Н. А. Северцову на Парижском географическом конгрессе была присуждена медаль первого класса.

В 1879 г. Н.А. Северцов в последний раз посетил Семиречье, собирая дополнительные материалы для задуманного им, но так и оставшегося неоконченным из-за трагической смерти, обобщающего труда по географии Средней Азии. Самым же фундаментальным сочинением замечательного путешественника остается его «Путешествие по Туркестанскому краю...» [11], на страницах которого встречается немало ценных историко-этнографических сведений о жизни, хозяйственном укладе и быте киргизов, об интересах которых он проявлял искреннюю заботу.

Определенный вклад в географическое и естественно-научное изучение Тянь-Шаня внесли и участники военно-научных экспедиции 60–70-х годов XIX в. П.П. Проценко, В.А. Полторацкий, Я.Н. Краевский, А.В. Каульбарс, а также путешествовавшие в различные годы по Семиречью Ф.Р. Остен-Сакен, А.Э. Регель, А.А. Кушакевич, В.Н. Сорокин, И.В. Игнатьев, В.И. Липский, Л.С. Берг, С.Е. Дмитриев и целый ряд других исследователей.

Блестящее начало научному изучению юга Киргизии положил еще во времена существования Кокандского ханства Алексей Павлович Федченко (1844–1873) – талантливый натуралист и ученый-путешественник [12].

Все его путешествия, как отмечал впоследствии И.В. Мушкетов, «отличаются не обширностью маршрутов, а необыкновенной основательностью и поразительным разнообразием наблюдений, пройденные им пространства невелики, но добытые результаты настолько значительны, что сделали бы честь многолетней и многочисленной экспедиции» [13: 327]. И действительно, только в заключительном своем путешествии А.П. Федченко открыл Заалайский хребет и его наивысшую точку – ныне пик Ленина, собрал обширные

ботанические и зоологические коллекции, выяснил орографическое строение посещенных областей. Широкий диапазон научных интересов А.П. Федченко – от вопросов физической географии до этнографии среднеазиатского населения – отражен в его капитальном труде «Описание путешествия в Кокандское ханство». Эта книга представила огромный интерес для современников автора и не утратила своего историко-познавательного значения в наши дни.

С присоединением южно-киргизских земель к России создались благоприятные условия для продолжения исследований Восточного Приферганья и Памиро-Алайской горной системы.

В числе тех, кто продолжил начинания А.П. Федченко в этом регионе, были натуралист В.Ф. Ошанин, статистик Л.Ф. Костенко, зоолог Н.А. Северцов, акад. А.Ф. Миддендорф, геолог Д.Л. Иванов, путешественники

Г.Е. Грум-Гржимайло, Б.Л. Громбчевский и многие другие. При этом г. Ош служил большей частью базой, начальным, транзитным и конечным пунктом маршрутов исследователей, и, естественно, они посвятили ему и его жителям, оказывавшим посильное содействие науке, ряд интересных описаний.

Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), один из самых выдающихся путешественников XIX в., целенаправленным исследованием Семиречья не занимался, однако даже его кратковременное пребывание здесь проездом в Центральную Азию, а затем последующие недолгие посещения Чуйской долины и Прииссыккуля оставили заметный след в естественнонаучном изучении края. Об этом свидетельствуют полевые записи в экспедиционных дневниках о природе и населении северной части Киргизии, а также ценные ботанико-зоологические и другие материалы как самого Н. М. Пржевальского, так и его сподвижников по центрально-азиатским путешествиям, базой которых служил Каракол (ранее – Пржевальск).

Впечатляющие памятники Н.М. Пржевальскому в Ленинграде и у его могилы на берегу Иссык-Куля, где он завещал себя похоронить, всегда будут служить свидетельством признания его заслуг и вклада Русского Географического общества в целом в познание природы Средней и Центральной Азии.

Геологическое изучение Средней Азии значительно продвинуто трудами И. В. Мушкетова (1850–1902) и Г.Д. Романовского (1830–1906), заложивших основу для последующих геолого-стратиграфических и палеонтологических изысканий в Киргизстане. В 1875 г. горный инженер И.В. Мушкетов [14: 129–139] предпринял из Ташкента первое крупное путешествие по Туркестану. Только в пределах Киргизии его маршрут охватил районы Сусамыра, Сон-Куля, Кочкорки и Иссык-Куля.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

В дневниковых записях экспедиции нашли отражение не только геологические материалы, но и впечатления о встречах с коренными жителями края, их промысловых занятиях и т.п.

Почти одновременно с И.В. Мушкетовым, работавшим в основном на юге края, геолого-палеонтологические изыскания в Семиречье в 1878–1879 гг. вел петербургский профессор Г.Д. Романовский, данные которых легли в основу составленной им совместно с И.В. Мушкетовым геологической карты Средней Азии (1884 г.) – лучшей за весь дореволюционный период.

В 1887 г. состоялась заключительная поездка И.В. Мушкетова в Семиречье, связанная с изучением Верненского землетрясения. Одним из ее важных научно-практических результатов явилось создание по предложению И.В. Мушкетова ряда сейсмических станций в Средней Азии, в том числе в г. Оше.

Заметный след в изучении киргизского языка и богатого устного поэтического народного творчества киргизов оставил известный ученый-тюрколог В.В. Радлов (1839–1918), дважды посетивший Киргизию в 60-е годы XIX в. Во время первой поездки в Семиречье в 1802 г. он записал на Каркаре от неизвестного киргизского сказителя отрывок из «Манаса». Побывав, в дальнейшем, второй раз в Чуйской долине (1869 г.) и прожив около месяца среди киргизов в районе Токмака, В.В. Радлов значительно пополнил собранные материалы. «Богатая эпическая поэзия этого народа дала мне, – писал он в 1870 г., – довольно обильную жатву, не только важную для лингвистов, но и интересную для исследователя мифов и народной поэзии» [15: 99].

Важную роль в изучении исторического прошлого киргизского народа сыграли работы выдающегося представителя петербургской школы востоковедения акад. В.В. Бартольда (1839–1930). Интерес к истории Киргизстана он проявил еще в молодости во время первых посещений Киргизии в 1893–1894 гг. (Таласская и Чуйская долины, Прииссыккулье и Центральный Тянь-Шань) и в 1902г. (г. Ош). Активное участие в работах историко-археологической экспедиции в Семиречье в 90-х годах XIX в., возглавляемой В.В. Бартольдом, приняли художник-фотограф С.М. Дудин и Б.П. Ковалев, немало способствовавшие выявлению и обследованию памятников истории и культуры края. Огромный материал, собранный В. В. Бартольдом и его спутниками во время этой экспедиции, получил отражение в «Отчете» о ее результатах, содержавшем ранее малоизвестные, а подчас и вообще не известные науке многие важные факты из древней и средневековой истории Киргизии. Их систематизированная сводка легла в основу написанного В.В. Бартольдом «Очерка истории

Семиречья» (1898 г.). Впоследствии его многочисленные разыскания по истории киргизов и Киргизстана до вхождения края в состав Российской Империи были обобщены в специальном очерке «Киргизы» (1927 г.).

Среди художников второй половины XIX–начала XX в., посетивших Киргизию, особое место занимает один из крупнейших мастеров русской батальной живописи Л.В. Верещагин (1842–1905). После своих путешествий по Средней Азии в 1867–1870 гг. он представил на организованную им в Петербурге Туркестанскую выставку (1872 г.) произведения среднеазиатского цикла.

В художественном наследии В.В. Верещагина большое место занимают написанные им после путешествий по Киргизии в 1869–1870 гг. картины, рисунки и этюды, в которых получили отражение разнообразные ландшафты Киргизии («Берег озера Иссык-Куль», «Проход Барскаун» и др.), этнические типы ее коренного населения.

Немалый вклад в изучение Киргизстана и его населения внесли семиреченские и ферганские энтузиасты-краеведы, в том числе Н.Н. Пантусов и Н.А. Аристов (Верный), В.А. Каллаур (Аулие-Ата), Ф.В. Поярков и А.М. Фетисов (Пишпек), Я.И. Корольков (Пржевальск), В. П. Ровнягин (Токмак), Б.Л. Громбчевский (Ош) и др.

Так, Пантусов, Фетисов и Поярков вели археологические раскопки и разведки в Чуйской долине, районах Прииссыккулья и Внутреннего Тянь-Шаня; Каллаур занимался выявлением различных памятников древности в Таласе; Фетисов, известный преимущественно своими геоботаническими экскурсиями по Киргизии, общаясь с киргизами, записывал еще и народные легенды, так же как и Пржевальский, географ-климатолог Корольков и собиратель различных коллекций в окрестностях Ток-мака Ровнягин.

В 1908–1916 гг. в Киргизии и сопредельных с ней областях Средней Азии и Казахстана активно проводились естественно-исторические и статистико-экономические исследования, развернутые партиями Переселенческого управления, изыскателями Чуйской оросительной системы (ЧУПРа) и Семиреченской железной дороги. Среди руководителей и активных участников проводившихся в Киргизии исследований были П.П. Румянцев, В.Е. Недзвецкий, В.В. Заорская (статистики и экономисты), В.А. Федченко, В.В. Сапожников, М.М. Советкина (ботаники), С.С. Неуструев, Л.И. Прасолов, А.И. Бессонов (почвоведы), В.Н. Шнитников (зоолог), Д.В. Наливкин, Д.И. Мушкетов, К.Н. Аргентов (геологи), В.А. Васильев (инженер-гидротехник) и многие другие.

Хотя эти исследования были организованы в интересах царизма и российской буржуазии, тем не менее, они способствовали более глубокому познанию как Киргизии, так и Туркестанского края в целом.

Таким образом, исследования природы и населения Киргизии заметно продвинулись благодаря усилиям передовых русских ученых, а также активной деятельности местных краеведов и при немаловажном содействии знатоков горного края из числа коренных жителей. «Вместе с появлением русских на киргизской земле начали пробиваться тогда еще слабые ростки культуры и просвещения. Не царизм и его сатрапы, а передовые представители России несли эту культуру. Выдающиеся русские ученые-исследователи – Мушкетов, Северцов, Федченко, Семенов-Тянь-Шанский, Пржевальский – первые раскрыли и описали несметные богатства нашего края, – писали трудящиеся Киргизской ССР Советскому правительству в день празднования двадцатилетия республики 1 марта 1946 г., – история киргизов впервые стала известна миру на русском языке» [16].

Литература:

1. Дружба народов СССР – источник силы и могущества нашей великой Родины. К 100-летию добровольноного вхождения Киргизии в состав России: Материалы идеологического отдела ЦК Компартии Киргизии. Фрунзе, 1963.
2. Семенов П. П. Путешествие на Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1958.
3. Умурзаков С. Первая русская экспедиция на оз. Иссык-Куль. М.: ИВГО, 1963. Т. 95.
4. Валиханов Ч. Ч. Собрание соч. В пяти томах. Алма-Ата, 1961–1968. Т. 1.
5. Кублицкий Г. «И другие ...» //По материкам и океанам. М., 1957.
6. Голубев А. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции. ВРГО. Ч. XXVIII. Отд. 1, 1860.
7. Голубев А. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию – Заилийский край. ЗРГО, 1861.
8. Степанов А. А. Михаил Иванович Венюков //Венюков М. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952.
9. Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1973.
10. Кадыров Ш. В. Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX века. Фрунзе, 1961.
11. Северцов Н. А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенное по поручению Русского Географического общества доктором зоологии, членом

- Русского Географического и других ученых обществ Н. Северцовым. С-Пб., 1873.
12. *Леонов Н. П.* Алексей Павлович Федченко. М., 1972.
 13. *Мушкетов И. В.* Туркестан. С-Пб., 1915. Т.1.
 14. Очерки по истории изучения Средней и Центральной Азии в XIX–XX веках. М., 1956.
 15. *Радлов В. В.* Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. ИРГО, 1870. Т. 4. № 3.
 16. Советская Киргизия. 1946. 1 марта.

И. Ю. Бартенева

ИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ПРИИССЫККУЛЬЯ РУССКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ

Известный русский путешественник, последователь П.П. Семенова-Тян-Шанского Н.А. Северцов во время своего путешествия [1], в записях 1867 г. упомянул о встрече с первым крестьянином-ходоком, добравшимся до Иссык-Куля и жившим там уже 2 года, и работавшим на постройке Аксуйского укрепления. На Иссык-Куле присоединился к джуукинским кыргызам, устроил мельницу, приобрел лошадей, собрал первый урожай и стал промышлять извозом: возил хлеб, поставлял муку на Аксуйский пост, а с 1867 г. засеял кыргызские поля с платой за орошение из урожая. Встретил Северцов его у р. Джуука, сам он прибыл в Прииссыккулье в 1865 г. – год основания Аксуйского военного укрепления. Сопоставляя эти сведения с устными рассказами старожилов, полевыми записями участников экспедиции В.М. Плоских середины 70-х годов XX в., а также с фондовыми материалами Каракольского краеведческого музея, можно предполагать, что это был один из первых перовоселенцев Прииссыккулья – Петр Иванович Трофименцев.

Первое русское поселение Ак-Су в Прииссыккулье начиналось так: ранней весной 1865 г. в Аксуйское укрепление прибыл русский крестьянин лет сорока, высокий, русобородый, с кустистыми бровями над серыми пытливыми глазами.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

В поводу он привел саврасого коня, запряженного в роспуски. На них стояла оббитая листовым железом будка. В ней, как в избе, сидели Анна по прозвищу «Красуля», малолетний сын Семен и дочь Маша. Петр Трофименцев прибыл в Семиречье с обозом переселенцев из Самарской губернии. Сперва жил около крепости Верный, затем перебрался за Кунгей-Алатау. Прибыв в Ак-Суйское укрепление, он, мастер на все руки, быстро нашел себе применение. Сошелся с местными кочевниками, изучил кыргызский язык, поставил свою будку в стороне от укрепления – около домашней кузницы кыргыза Айтбая. К осени на быстрой речке Ак-Су Трофименцев поставил мельницу. В ту же осень он распахал 4 десятины земли, засеяв их пшеницей, с помощью новых друзей поставил к осени дом.

Трофименцев написал письма своим друзьям-землякам на родину, которые стали новыми поселенцами в крае. В 1871 г. там было уже 215 дворов переселенцев, которые строились над дорогой.

Вдоль берега реки густо росли облепиха, жимолость, барбарис, из-под ног вспархивали фазаны. Зимой к овчарням подходили волки, в стужу к скирдам – косули. В зимние вечера в хатах при каганцах крестьянки пряли пряжу, ткали холсты. Трофименцевы отлично красили полотна, за что их прозвали «красулями».

На стройку лес возили из ущелья, которое и сегодня называется «Красулино». Вокруг пролеска распахивали землю сохами, разделявали тяжелыми бородами, сеяли вручную пшеницу, ячмень, овес, подсолнух, сурепку.

В урочище Джиланды стояли три юрты кузнецов Айтбая, Кульбая и Агения. Айтбай был искусный мастер. Им переселенцы заказывали подковы, сошники, домашнюю утварь. Кузнецы были и хорошими камнетесами, делали сельчанам жернова, молотильные установки. По праздникам кузнецы и землелашцы ходили друг к другу в гости. Отношения первых переселенцев с местными иссык-кульскими жителями сразу сложились не только добрососедские, но и дружественные.

В 1889 г. через Ак-Су прошла экспедиция М.В. Певцова, направлявшегося в Восточный Туркестан после смерти Н.М. Пржевальского. К этому времени на р. Ак-Су появилось уже девять водяных мельниц. Село расстраивалось. К 1902 г. построили школу. Первые учителя прибыли из г. Верного: Аграфена Федоровна и Ольга Кирилловна. Первые ученики в холщовых сумках носили буквари и самодельные тетради. Не все из них окончили школу – приходилось помогать взрослым обрабатывать землю, пахать и сеять. Ко времени первой империалистической войны в селе появились зажиточные мужики. Общество

располоилось на богатых и бедных, но межнациональных или религиозных распрей и столкновений в XIX в. не было.

История с. Покровки (бывшее Сливкино) берет свое начало с 1863 г., когда на р. Чон-Кызыл-Су возник небольшой русский поселок, основанный переселенцем Сливкиным. В 1872 г. сюда приехали поселенцы Федотов Николай Иванович, Гребенщиков Василий Степанович, Свиридов Никита Федотович, Конкин Матвей Николаевич.

Дома строили вдоль дороги. Приусадебные участки были большие, родственники строились рядом. Улиц в селе было всего четыре, назывались они по-особому: Средняя, Сергачи, Кавказская, Покровская и т.д.

К 1875 г. насчитывалось уже 300 дворов. Осенью того же года в честь православного религиозного праздника Покрова село назвали Покровкой.

В 1885 г. в селе появилась первая школа – мужское одноклассное училище, преобразованное в двухклассное училище. Но учились в нем, в основном, дети зажиточных крестьян. Дети бедняков оставались неграмотными. А кто из богатых хотел учиться дальше, тот ехал в г. Каракол в мужское четырехклассное училище.

Жителей было немного, в основном они занимались сельским хозяйством [2]. Одним из первых на Иссык-Куле в 1865 г. в устье р. Тюп возникло с. Тюп.

Первые жители Тюпа – крестьяне-переселетцы были из Калужской губернии – Семен Кулагин и Михаил Тюрин. Именно они стали пионерами в установлении первых контактов и добрососедских отношений между русскими и кыргызами. По ним «дети гор» судили о России и русском народе. Бывшие крепостные, простые труженики работали и здесь в поте лица: заготавливали лес, носили камни, гравий, расчищали площадки под дома.

Семен Кулагин создавал, что для начала надо завоевать доверие местных жителей, и потому предупреждал односельчан: «Мы должны уважать кыргызов, ведь мы приехали не на время. Надо жить в мире, а насильно никому мил не будешь. Давайте, мужики, жить с ними дружно».

Время приближалось к зиме, это заставило торопиться с жильем. Вскоре стали появляться добротные отстроенные дома. Между «пришельцами» и местными жителями завязываются добрые отношения. Мужики побывали уже во многих окрестных аилах, часто гостили у кыргызов. А когда праздновали новоселье, приглашали в гости кыргызских соседей.

Семена Кулагина избрали старостой села. Здесь же на общем сходе решили назвать поселок Преображенским. Кыргызы же называли его «орусиянын кыштагы» – русское село.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

И у кыргызов проявлялась тяга к оседлой жизни и земледельческим занятиям. В 80-х гг. XIX в. около 40 юртовладельцев Пржевальского уезда обратились с прошением к уездному начальнику о разрешении жить оседло в с. Преображенском. Простые слова Семена Кулагина «будем жить вместе с кыргызами» отражали чувства простых крестьян-бедняков.

В 1881 г. в селе было 423 двора. Дома строили вдоль дороги, которая шла из Пржевальска в Пишпек. Поселенцы были из Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской и других губерний. Крестьяне занимались земледелием, рыбной ловлей, охотой. Поселение было небольшое. По этому почтовому тракту пробегали почтовые тройки, а их поселенцы приносили новости из городов Туркестанского края и Центральной России, но доходили все новости поздно [2].

Одним из первых поселенцев села Сазановка был Андрей Иванович Колесников. Шел 1869 г. Несколько семей на первых порах приютились в овраге, делая в стене землянки. А к зиме здесь появилось несколько избышек из дерна. Крестьяне-переселенцы были из Воронежской, Курской, Харьковской, Полтавской, Астраханской, Тобольской и Томской губерний, получили земельные наделы по 1 десятине на одну мужицкую душу и стали строить дома вдоль почтового тракта, соединявшего города Пишпек с Пржевальском.

В 1872 по этой дороге прошла первая колесная тройка, а с 1900 г. проложена первая почтовая линия. В 1909 г., в с. Сазановка (теперь Ананьево) было построено телеграфное отделение. Здесь располагалась волость, в селе были волостной старшина и сельский староста.

В 1913 г. в Сазановке насчитывалось 249 дворов с поселением 2 709 человек, приходская, русско-туземная школа, почтово-телеграфное отделение, волостной суд из четырех судей, врачебный участок под наблюдением врача, фельдшера, был и ветврач.

Кругом горы, места глухие, новости из центра сюда доходили поздно. Неделями шли газеты из Пишпека, керосина не было в досталь, обходились больше каганцами и свечами, электричество и радио казались сказкой.

Шли годы. Село разрасталось. Крестьяне занимались в основном земледелием, ловили рыбу.

С первых дней переселенцы нашли общий язык с местными бедняками-кыргызами, с каждым годом росла и крепла братская дружба. Русские крестьяне учили своих новых друзей обрабатывать землю, строить избы.

Как вспоминал старейший житель села Иван Кузьмич Северсин, в Сазановке была только одна лавка, а в селе – более четырехсот дворов, четы-

рехклассная приходская школа, в которую редко кто ходил – бедноте некогда было учиться. Почту привозили на лошадях.

В 1910 г. в Прииссыкулье произошло землетрясение, вызвавшее сильное разрушение Сазановки.

Встал вопрос о выборе нового места для села. Значительная часть сазановцев поднялась выше, к горам, а часть, по настоянию фельдшера Семенова, решила перебраться на возвышенность. Здесь и было организовано село, которое впоследствии получило название по имени инициатора Семенова. Первыми жителями были Семен Русин, Павел Марченко, Степан Уткин, Василий Попов, Илья Черемушкин и др. Единственным утешением стала церковь, построенная на средства семеновцев [3].

По воспоминаниям старожилов г. Чолпон-Аты, поселение здесь основано примерно в 1912 г., когда происходила нарезка участков земли переселенцами. Началась постройка домов. Тогда был нарезан участок в с. Бостери, где первым переселенцем был Баженов. По его фамилии и село было названо Баженовкой.

До нарезки участков земли и основания с. Чолпон-Ата здесь был каравансарай для остановки проезжих купцов и почты.

В 1905 г. в Чолпон-Ате была организована конно-почтовая станция. Содержал ее Киселев. Со станции почта отправлялась дальше. После смены почтовых троек проезжавшие получали ночлег и отдых.

Первые земельные наделы стали нарезать крестьянам в 1912 г., но поселение росло медленно. Первыми поселенцами были Киселев, Самсонов, Полтавский, Баженов, Татильченко, Карпов. Домики строили маленькие, саманные, под заливными крышами. Вокруг дома и на участке разводили сады [4].

Село Григорьевка было основано в 1910 г., когда обозы крестьян-переселенцев, гонимых нуждой из центральных губерний России, осели на северном побережье озера между селами Сазановкой и Темировкой. Приезжий урядник из Каракола попытался было силой заставить «пришельцев» переселиться в Сазановку. Крестьяне села не раз подавали прошение уездному начальнику о разрешении поселиться на облюбованных ими плодородных местах, но ответ был один – «запрещаю».

Ходоком в Петербург с нарочным в Сенат был избран Григорий Лычиков, вернулся он из долгого странствия с положительным ответом.

Новое село в его честь получило название Григорьевка. Трудно было начинать новую жизнь первопоселенцам на необжитых местах. Селились сначала,

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

кто в землянках, кто в шалашах. Тяжело было обзавестись даже небольшим хозяйством. За мерку пшеницы или пользование сохой приходилось отработывать у местных кулаков.

Но постепенно жизнь налаживалась, и вскоре село окрепло, приспособившись к новым условиям жизни [5].

... Почти два месяца Игнат Иванович Фотачев вместе с семьей (а у него уже было трое детей) и товарищами добирался до берегов Иссык-Куля. «Меня, – говорил он, – как только вступили на землю Прииссыккулья, очаровали своей первозданной красотой голубой Иссык-Куль в ожерелье величественных гор, прекрасная природа. Горные реки с чистой, как хрусталь, водой, радушное кыргызское гостепримство, теплое дружеское отношение и полное доверие к нам, русским переселенцам, приехавшим сюда из многих губерний Центральной России, искренне радовало нас. Понравилось нам и село, расположенное на крутом берегу бурной реки Ак-Суу, красиво вписавшейся в горный пейзаж» [6].

Вскоре на этом месте вырастет город Каракол, ставший областным центром Иссык-Кульского уезда. Так начиналось градостроительство на Иссык-Куле.

Литература:

1. *Северцов Н.А.* Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Императорского Русского Географического общества. С-Пб. 1873 2-е изд. М., 1947.
2. По материалам Каракольского краеведческого музея.
3. *Панин С.* Крутыми тропами //Иссык-Кульская правда. 1974. 9 октября.
4. По материалам музея истории конезавода № 54 и г. Чолпон-Ата.
5. *Король А.* Большие перемены //Иссык-Кульская правда. 1955. 1 января.
6. *Панин С.* На быстрине жизни //Иссык-Кульская правда. 1985. 4 января.

Г. Д. Данильченко

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ КИРГИЗОВ В МЕМУАРАХ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Вторая половина XIX в. характеризуется особым интересом к культурам разных народов. Бурными темпами развивается российское востоковедение. Особенный интерес у русских ученых вызывают страны, сопредельные с Россией. В 1854 г. под редакцией Н. Берга выходят «Песни разных народов», где в предисловии он высказывает мысль о естественном желании народов делиться с другими народами плодами собственной культуры. Обращение к культурам других народов получило в науке название «взаимодействие культур» или «межкультурная коммуникация».

Одним из каналов межкультурной коммуникации являются личные контакты представителей разных культур. Огромную роль в межкультурном взаимодействии играют контакты путешественников и ученых, изучающих другие страны. В межкультурных контактах русского и киргизского народов важное место принадлежит П.П. Семенову-Тян-Шанскому.

Исследуя Центральную Азию, русский ученый внимательно изучал культуру народов, населяющих этот край. К середине XIX в. образованная Европа еще мало, что знала о Центральной Азии. Отдельные смельчаки, попадавшие в эту местность, часто не добивались своей цели и погибали. Таковой оказалась и участь немецкого ученого Адольфа Шлагинвейта, современника Семенова, собравшего богатый материал о Центральной Азии, но погибшего в Кашгаре.

Одной из важнейших миссий Российского правительства в межкультурных контактах с народами Азии была миссия просвещения. В этом, по мнению Семенова-Тян-Шанского, был заинтересован и генерал-губернатор Западной Сибири Густав Христианович Гасфорд, в распоряжении которого также находились «степные области Сибирских киргизов и Семипалатинская с их в то время почти исключительно киргизским населением» [1: 46]. По инициативе Г.Х. Гасфорда происходило занятие русскими Заилийского Алатау и основание русского укрепления Верное. В 1856 г. в этом укреплении произошла, по свидетельству П.П. Семенова-Тян-Шанского, «первая встреча русских

с дикокаменными киргизами, очень неприязненная. Каракиргизы угнали табун русских лошадей, убив 12 охранявших их казаков, головы которых были найдены на пиках в тех местах, где они охраняли табун» [1: 51]. Для Гасфорда этот случай послужил доказательством необходимости просвещения населения и мирного присоединения края. Семенов-Тянь-Шанский считал, что Гасфорд сделал очень много для просвещения народов Центральной Азии: «его роль, как носителя просвещения в Средней Азии, может принести более пользы для России» [1: 52].

Всячески способствуя изучению занятого края, Гасфорд предписывает местным властям оказывать самое широкое содействие исследованиям Семенова-Тянь-Шанского. Путешествуя по Тянь-Шаню, ученый внимательно наблюдал за жизнью местного населения. Заслуживают внимания его отношения с чолоказаками. Ученый делает интересное предположение о том, что чолоказаками называют себя беглые каторжники, обосновавшиеся на этой земле и взявшие себе в жены киргизок. «Ощущая свою близость с русскими, они «постепенно отважились со мной говорить на родном своем языке, то есть по-русски», – пишет Семенов-Тянь-Шанский [1: 86]. Они сохранили навыки кладки печей, разведения садов, строительства жилищ, изготовления водки, усвоив новые культурные навыки народов, живущих в Средней Азии. Смешанные браки с киргизками делали их проживание не только более безопасным, но и законным, так как второе их поколение, произошедшее от этих браков, полностью усвоило нравы и привычки среднеазиатских народов. Чолоказаки встретили путешественника с радушным гостеприимством и вполне сознательно служили «новоприобретенной русской земле». Семенов-Тянь-Шанский расстался с ними, унося самые теплые и гуманные чувства.

Первая встреча с киргизами поразила ученого своим гостеприимством и открытостью. Киргизский султан Адамсарт проводил путешественника на вершину горы Аламан, а затем устроил ночлег в ауле, где их встретили дружелюбные и гостеприимные киргизы. Особенно активно содействовали исследованиям Семенова-Тянь-Шанского киргизы племени бугу, под началом манапа Бурамбая.

Через посланцев Бурамбая Семенову удается узнать об участии Адольфа Шлагинвейта, берлинского ученого-востоковеда, исследовавшего Кашгар. П.П. Семенов в своих «Мемуарах» приводит сведения, которые ему удалось раздобыть. Когда в Кашгар прибыл Шлагинвейт, там уже вместо китайцев властвовали мусульмане. Их тюре Валихан, отличавшийся большой жестокостью, зи-

мой 1855–1856 г. не поладил с ученым, посадил его в тюрьму, а потом приказал отрубить ему голову на площади Кашгара.

П.П. Семенов был потрясен гибелью отважного берлинского ученого и по возвращении в Омск после своего путешествия убедил генерал-губернатора снарядить для этой цели единственного европейски образованного киргиза-казаха поручика Валиханова в Кашгар: «Я просил его (губернатора – Г.Д.) командировать поручика Чокана Валиханова, переодетым в его национальный костюм, в Кашгар, для того, чтобы собрать обстоятельные сведения о гибели доктора Адольфа Шлагинвейта, одинаково интересующие как Русское и Берлинское Географические общества, так и вообще весь образованный мир, а также постараться собрать все, что могло уцелеть из собранных им материалов, дневников и т.д.» [1: 249].

Валиханов с успехом осуществил эту миссию, и значительно позже на месте казни Шлагинвейта Русское Географическое общество соорудило скромный памятник смелому ученому [1: 209].

Все эти факты свидетельствуют об опасностях предпринятого Семеновым путешествия. И нужно было обладать дипломатическими способностями, чтобы эта экспедиция закончилась успешно. Семенов прибегает к покровительству бугинского племени под руководством Бурамбая, но и киргизы используют европейский опыт и дипломатические способности ученого при решении спорных вопросов. В своих мемуарах П.П. Семенов описывает съезд двух племен: дулатов и атабанов, решающих спорный вопрос о судьбе девушки из племени дулатов, просватанной за юношу из племени атабанов. Девушка под угрозой самоубийства отказывается выйти замуж за молодого человека, уже заплатившего калым. В споре двух племен суперарбитром был избран Семенов-Тянь-Шанский. Бии с обеих сторон были назначены султанами, руководствовавшимися общественным мнением. Это были люди не только белой, но и черной кости, хорошо знающие обычное народное право.

Подробно описывая процесс, рассматриваемый съездом, П.П. Семенов предстает внимательным исследователем быта и традиций киргизского народа. Он уважительно относится к обычаям и законам киргизских племен, но принятое решение объясняет ссылкой на русские законы: «Я высказал, что, конечно, все дело должно быть судимо по киргизским законам, которые известны биям лучше, чем мне, но я не могу не напомнить, что по русским законам нельзя принудить девушку итти на замужество без ее на то согласия, а потому следовало бы искать из этого дела такого выхода, который, удовлетворяя

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

киргизским законом, не имел бы последствием бесполезную смерть девушки, высказавшейся так решительно перед всеми. При этом я признаю в этом деле два важных условия: первое – справедливое удовлетворение интересов жениха и его родителей, а второе – удовлетворение чести всего племени» [1: 149–150]. Семенову удается найти соломоново решение и примирить два племени, не нарушив при этом местных законов.

Заслужить уважение враждующих племен бугинцев и сарыбагышей Семенову помог и случай освобождения женщин племени бугу из сарыбагышского плена. Причем эта операция удалась Семенову только потому, что он проявил уважение к законам киргизского народа.

Умбет-Али, верховный манап сарыбагышей, отказался вернуть пленниц Бурамбаю, но подарил их русскому путешественнику, предоставив ему возможность распоряжаться их дальнейшей участью. Семенов отдал пленниц в семью Бурамбая, но попросил его «только помочь мне отдарить достойным образом Умбет-Али за его дар согласно их обычаю, так как пленницы были возвращены мной в их семьи без выкупа» [1: 208].

Таким образом, в своих мемуарах Семенов-Тян-Шанский, описывая отношения киргизских племен друг к другу и к иноземцам, показывает, какими сложными были пути к взаимопониманию и терпимости. Русский ученый-гуманист всеми своими силами способствовал укреплению мира и установлению контактов на основе человеколюбия и гуманизма. Во многом современные отношения напоминают те далекие времена 150-летней давности, но памятник Семенову-Тян-Шанскому, установленный в Кыргызстане, и нынешняя конференция свидетельствуют об уважении кыргызского народа к русскому ученому и позитивной оценке усилий Семенова-Тян-Шанского в установлении киргизско-русских взаимоотношений.

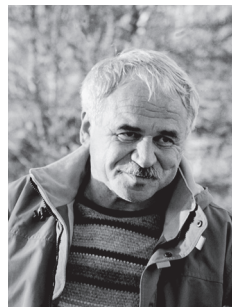
Литература:

1. *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946.

С.Д. Дудашвили

ПЕЩЕРА АМАНА, ИЛИ НОВАЯ ТАЙНА КУРМЕНТИНСКОЙ ГОРЫ

После исследования «Небесных гор» великим китайским путешественником Сюань Цзаном прошло одиннадцать столетий до того, как первый европейский ученый-исследователь проник в Центральный Тянь-Шань. Это был Петр Петрович Семенов – выдающийся русский географ, за свой научный подвиг получивший право именоваться Тянь-Шанским. Произошло это в 1856–1857 гг.

Передо мной – книга Петра Петровича «Путешествие в Тянь-Шань». С большим интересом я читаю строки, написанные более ста пятидесяти лет тому назад. Простое, но образное изложение событий воспроизводит картины тех далеких времен. Пытаюсь сравнить описываемые, увиденные великим путешественником места с настоящим. Эта работа увлекает меня все больше и больше.

Вот описание Боомского ущелья. Полтора века прошло, сколько воды утекло. Теперь все это выглядит по-другому. Дороги, мосты, машины и только Чу, как и прежде, зажатая теснинами хребта, мечется меж падающих в ее воды тянь-шаньских хребтов... А вот рассказ о сказочном городе Чигу, столице усуней, который, подобно Атлантиде, покоится ныне под прибрежными водами озера... Мы у восточной части Иссык-Куля – описание картин и действий понятны, образны и натуральны.

Так, постепенно двигаясь тропами Семенова Тянь-Шанского, я нашел много ответов на вопросы, которые не раз задавал себе. В частности, о таинственном несторианском монастыре, о тибетских наскальных рисунках, о происхождении окружающих гор. Тропа, проложенная 150 лет тому назад великим русским путешественником, привела меня на «Светлый мыс» к берегам залива Курменты. Меня как спелеолога интересовала какая-либо информация о пещерах в этом районе. Это единственный район во всем прииссыккулье, где горы сложены хорошо растворимыми известняками.

Согласно существующей и широко известной легенде о знаменитом кладе, он был спрятан именно здесь, в пещере, и состоял из двух частей – золотой и серебряной. Клад был столь велик, что для перевозки сокровищ потребо-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

валось 60 верблюдов. Сокровища принадлежали племени калмаков, проживавших здесь в XV в. Эта была казна города Сары-Фюбе, развалины которого до сих пор видны на Сухом хребте неподалеку от села Михайловское. Ценности были помещены на дно пещеры в специальной упаковке, перекрыты каменными плитами с надписями, плиты засыпаны землей, слоем примерно в два метра, место захоронения клада было затоплено водой горной реки, где образовалось небольшое озеро.

К сожалению, Петр Петрович об этом ничего не говорит, хотя путь его пролегал рядом со скалой, где по преданиям находилась пещера с кладом.

В начале XX в. вопрос о курментинском кладе от легенд переходит в практическую плоскость. В действие вступают вполне реальные лица и события. Подробно хронология раскопок курментинского клада описана В. Мокрыниным и В. Плоских в научно-популярной книге «Клады в Кыргызстане: мифы и реальность», изданной в 1992 г. [1].

В 1926 г. на реке Курменты, на ее левом берегу в урочище Беткарагай начинает работать группа кладоискателей. Руководит отрядом из 14 человек некий И.А. Усенко, обладатель таинственной карты с месторасположением клада. Спустив озерцо, кладоискатели стали пробивать шурф под скалу известняка. На глубине шести метров ими были найдены два старинных молотка, по форме напоминающие кирки. Один был медный, другой золотой, еще через некоторое время шурф искателей уперся в каменную плиту с неизвестными письменами. Пока «археологи» думали, как пробраться сквозь каменную плиту, обильный дождь спровоцировал мощный обвал и десятки кубов речных отложений, съехавших по руслу реки, надолго похоронили надежду кладоискателей на успех.

Единственный факт, который заслуживает внимания в этой истории, это золотой молоток, который в 1930 г. был сдан в контору «Золотоснаб» г. Пржевальска (ныне – г. Каракол) одним из участников команды кладоискателей.

Следующая попытка добраться до заветного клада предпринимается в 1952 г. На этот раз главными вдохновителями поисков клада являются начальник управления милиции Иссык-Кульской области Э.А. Алиев и заместитель министра госбезопасности Д.М. Малабаев. По этому вопросу было принято постановление: поиски производить за счет государства.

Производство раскопок путем проходки наклонного шурфа было поручено Киргизскому геологическому управлению.

Инициативной группе были переданы заключенные с взводом солдат охраны, место огородили колючей проволокой, построили смотровые вышки. По-

лучился этакий маленький ГУЛАГ. Раскопки показали, что на глубине 20 метров в сторону коренных пород открывается пещерообразное углубление шириной 2,5 и высотой 1,5 метра, которое полого опускается вниз. При внимательном осмотре оказалось, что оно плотно забито мелкими обломками известняка, перемешанного с речными отложениями.

Спустя много лет, в 1989 г. стали известны некоторые подробности этих раскопок. В результате дальнейших работ была обнаружена камера, образовавшаяся в результате карстовых процессов. Камера была пуста, попытки обнаружить еще одну камеру, которая могла бы служить местом нахождения сокровищ, ни к чему не привели. Учитывая тот факт, что поиском клада занималась известная, в определенном смысле, организация, о подлинной правде и судьбе Курментинского клада мы еще долго не узнаем. Тем не менее, есть сведения, что три года спустя, весной 1955 г., в районе Курменты появлялся военный отряд. Работали день и ночь, поиски вели под строжайшей охраной. Есть сведения, что к месту раскопок несколько раз подъезжали машины, в них что-то загружали, что-то увозили, но что, и куда, неизвестно.

Еще одна попытка завладеть Курментинскими сокровищами была предпринята уже в Новой истории Кыргызстана. В 1998 г. в Бишкеке появляется некий американец русского происхождения Сергей Мельникофф, руководитель информационного холдинга IPV news. Добившись расположения высшего руководства страны, он получает благословение на удачу от самого Аскара Акаева. О результатах этих раскопок тоже мало что известно. Каких-то официальных данных по результатам работ обнародовано не было. Сам Мельникофф на одном из Интернет-сайтов сообщает, что ему удалось раскопать клад у курментинской скалы и беспрепятственно увезти в Америку, что больше похоже на фантазию.

Возможно, что были и другие неизвестные тайные попытки завладеть сокровищами Курментинской пещеры, о которых, скорее всего, мы не узнаем никогда.

И вот новая попытка. Пожалуй, самая грандиозная по замыслу и объему проделанной работы. «Отцом» новой акции по поиску Курментинского клада на сей раз явился простой житель Иссык-Кульской области Аман Эгамбердиев.

«В один прекрасный день, а точнее, ночь, – как он сам рассказывает, – явился вдруг мне видение: являются ко мне духи в человеческом обличи. И говорят, что мы, духи, охраняющие много веков клад предков, решили, что пора его вернуть людям. И именно ты, Аман, должен стать этим человеком, только тебе мы можем доверить завещанные нам сокровища. Потому как именно ты можешь

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

распорядиться ими так, как желали те, кто владел ими прежде. Правда, работа эта не будет легкой, но ты победишь, если сделаешь все, как надо». Таким или примерно таким был этот разговор. «С тех пор эта идея завладела мной всецело, – говорит Аман. Я продал дом и все, что можно было еще продать. Получилось два миллиона сомов. Можно было начинать работы».

Мы познакомились с Аманом и его командой в июне, когда он разбил свой полевой лагерь у курментинской скалы.

Как и все предыдущие попытки, раскопки клада начались с отвода реки в другое русло. Затем с помощью мощного экскаватора Аман планировал раскопать у основания каменной стены глубокий котлован. В сентябре, когда мы приехали сюда снова, местность трудно было узнать. В отличие от предыдущих искателей, пытавшихся войти в замураванную пещеру с помощью шурфа, проект Амана иной, выгодно отличающийся от прежних. Углубившись метров на пятнадцать, широкая траншея не только обнажила всю каменную стену, но и вскрыла следы прошлых попыток кладоискателей. Попадались крепи, кости животных (возможно, жертвенных). Но клада, к сожалению, он так и не нашел.

- Был ли вообще клад под курментинской скалой? Может, и был, а может, и нет, а может, уже нет, но был. Ответов много. Лично мое мнение: и да, и нет.

Но то, что пещера под скалой имела возможность существовать, могу утверждать однозначно. Входов было несколько. Все они, в силу геологических процессов, были погребены в недавнем прошлом (по геологическим меркам) под слоем наносных речных отложений. Теперь, после раскопок Амана, они открылись у основания древней речной террасы.

Узкие лазы уходили в глубь Курментинской скалы. Скорее всего, пещеры эти к кладу никакого отношения не имели. Входы в них достаточно узкие, и пройти можно только ползком. Обследуем одну из них. После тесного перехода щель расширяется и тут же, оборвавшись уступом, устремляется, извиваясь, вертикально вниз. Через несколько метров она принимает боковой приток, по которому бежит достаточно большой поток воды, продолжающий питаться дренажными водами отведенной реки.

В условиях, когда пещера была под наносами реки ниже уровня воды, можно предположить, что полость была полностью затоплена водой.

Пробраться по извилистой щели нам удалось лишь на несколько метров. Слишком узок проход, слишком остры выточенные водой известняковые лезвия. Поток рушится водопадом в глубины полости. Увидеть что-либо внизу было сложно, так как обзор мешал выступающий уступ. Звук от брошенного

камня терялся в шуме водопада. Можно было пролезть через прижим вертикальной трещины, однако это было чрезвычайно опасно. Необходимо было несколько расширить трещину, сбив острые углы и обязательно использовать гидрокостюм, который бы защитил от воды и холода.

Мы решили оставить все «на потом», когда приедем более подготовленными. Аман расстроен. Эта была его последняя надежда осуществить мечту. Если предположить все же, что пещера, в которой был спрятан клад, существовала и находится еще глубже под речными наносами, теоретически существует возможность, что пещера Амана как-то может вывести в камеру с кладом. Как только спелеологам удастся спуститься по узкой расщелине вслед за водопадом, дело о курментинском кладе будет закрыто навсегда. Пока же шанс, хоть и ничтожный, все же остается. Жаль, конечно, но повода для сожаления, думаю, нет.

Перед нами памятник истории, если так можно выразиться, в полном разрезе. Очень скоро это место станет популярным объектом для туристов и экскурсантов – легенда о кладе, история раскопок, красивая местность, открывающая чарующие панорамы Иссык-Куля. Все это очень привлекательно для туристов. Остается и интрига – пещера, открытая Аманом. Шансы, что она выведет в настоящую большую карстовую полость, представляются высоко реальными. Мы нашли очень много фактов, подтверждающих эту версию.

Факт первый, и самый главный – массив сложен хорошо растворимыми известняками, воды для растворения и промывания пещеры здесь всегда было предостаточно, это не только осадки, но и русло самой реки, затекающей в пещеру, так что процесс образования пещеры здесь не прекращался никогда и был непрерывным; трещиноватость, благодаря которой шло размывание полости, и другие условия для образования пещер здесь также налицо. Ряд фактов, подтверждающих нашу версию о значительном продолжении пещеры, мы обнаружили и за пределами самой пещеры.

На вершине горы уже много лет работает карьер, который добывает известняк для Курментинского цементного завода. Говорят, что несколько лет назад при снятии очередного яруса горной породы была вскрыта пещера. Однако ее тут же засыпали от греха подальше. Ниже Курментинской скалы располагалось живописное и обширное озеро, но после того, как Аман отвел реку, озеро через несколько дней пересохло, что говорит о взаимосвязи озера с пещерной системой курментинского массива. Кроме того, надежду на продолжение пещеры вселяет факт наличия ручья, текущего в пещеру и по пещере.

Поразмыслив над всем этим, мы вылезли из тесного коридора сырой пещеры.

Высоко за кромкой вырытого котлована высились макушки тянь-шаньских елей. За ними в бесконечной синеве небес я видел, как из тончайших нитей тумана время сплетало узорчатые закатные облака. Мы выбрались со дна котловины и прошли за уступ. Прямо под нами в гигантской котловине застыл, потеряв яркость красок, Иссык-Куль. Отражавшиеся в нем еще минуту назад белые пики небесных гор превратились в извилистую линию теней. Завороженный, я смотрел на это необычное зрелище несколько мгновений. Неожиданно, откуда-то из-за спины, я ощутил теплую волну света. Обернувшись, я замер: Курментинский утес, выступающий над долиной, нестерпимо ярко «горел» в вечерних красках заката. Еще мгновение, и день закончился.

Закончилась и история курментинского клада. Но закончилась ли? Остался вопрос. Скорее всего, закончилась. Однако Курментинская скала продолжает хранить тайну. Тайну пещеры Амана.

Литература:

1. *В. Мокрынин, В. Плоских.* Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. Бишкек, 1992.

Е. В. Виноградова

ВЫСОКОГОРНЫЙ САРЫ-ДЖАЗ

Одним из труднодоступных районов горного Кыргызстана является Сары-Джаз, это центр Тянь-Шаня с мощным горным узлом Хан-Тенгри (6 695 м) Другое название горы, «кровавая». Розовый мрамор Хан-Тенгри, зажигаясь под заходящим солнцем, имитирует цвет человеческой крови. Подобный световой эффект заставлял первобытного человека падать ниц перед горой. Кроме Хан-Тенгри здесь располагаются высочайшая вершина – пик Победы (7439 м.), а так же крупнейший массив оледенения – гигантский ледник Иньльчек (длина 57 км). Абсолютные высоты, расчлененный рельеф, резко континентальный климат,

отсутствие путей сообщения затрудняют развитие Сары-Джазского края, проведение геологических и археологических работ. Хотя некоторые сведения об этом районе уже имелись у древних китайцев, византийских миссионеров, купцов, паломников, и в трудах русского географа Семёнова-Тян-Шанского, тем не менее, знания эти из-за труднодоступности региона были весьма скудными. Однако, древние рудознатцы вели здесь поиски и разведку руды, содержащей олово, а также и других полезных ископаемых. Об этом свидетельствуют обнаруженные при геологической разведке месторождений Лесистое, Трудовое, Ат-Джайлоо, Учкошкон следы древних горных выработок, каменные орудия, применявшиеся для добычи руды, светильники, кучи шлака. [1: 104].

Наличие большого количества могильников и следы деятельности рудокопов говорят о том, что регион являлся в древности густо заселенным местом, где был сосредоточен горнодобывающий промысел. В пещере Ак-Чункур, в верховьях р. Сары-Джаз, обнаружены рисунки древнего человека. По мнению геологов и археологов, орудием первобытного человека был камень, а в дальнейшем случай помог открыть металл.

С первой добычей самородной меди и золота древний человек справлялся, по-видимому, легко, так как эти металлы встречаются в этом регионе мелкими россыпями. «Подобные скопления самородной меди вместе с окисленными рудами в древние времена, очевидно, являлись одними из первых объектов добычи» [2: 160]. Обработывая металл, человек не мог не обратить внимание на одно удивительное свойство этих металлов – ковкость. Это свойство пластической деформации. Свойство ковкости их проявляется также и в том, что их зернышки на наковальне с помощью молоточка могут быть расплющены в тонкие пластинки [2: 102]. На территории Кыргызстана геологами был обнаружен минерал касситерит (касситерос – по-гречески «олово»). Синоним: оловянный камень. Касситерит фактически является единственным промышленно важным минералом олова.) [2: 396] и, видимо, он был добавлен древними людьми в расплавленную медь, что и позволило получить новый материал, названный бронзой.

Воды реки Сары-Джаз размыли следы древних промыслов, но известно, что ко времени открытия бронзы существовала торговля оловом, и оно становится востребованным товаром. Оно перевозится в места, где имеется медная руда.

В районе Сары-Джаза, на южном и северном склоне хребта Иныльчек, Учкошконе и Ат-Джайлоо были найдены следы горных выработок. Олово добывалось открытыми выработками – шурфами и канавами, а также археологи

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

обнаружили и подземные горные выработки, свидетельствующие о достаточно хорошо развитом горном промысле того времени.

Ярко выраженным примером может служить выработка на северном склоне хребта Иныльчек (сай Лесистый), о нем сообщил геолог С.С. Малышев. «При проходке первой штольни в 1966 г. на участке Лесистом по течению реки и в 12 м. от поверхности была вскрыта древняя выработка шириной около 5 м. Осмотреть тогда ее не удалось: выработанное пространство было завалено пустой породой. В 40 км. к югу от штольни, в целях вскрытия южного фланга рудной зоны, был пробит шурф с рассечек. В северной стенке шурфа, на глубине 10м. показалось небольшое отверстие, принятое вначале за нору сурка. Продвигаясь по узкому извилистому лазу, геологи все время ощущали давление пород на спину и грудь.

Как показало обследование, длина выработки 30 м, ширина – от 1 до 3 м, высота в отдельных местах достигала 4 м. После завала выработка продолжается далее к северу. Нижняя часть выработки пространства заложена пустыми породами, глубину его установить не удалось. Верхняя часть выработки шла вдоль пологого контакта гранитов и ограничивалась мраморами и сланцами силура, где и выклинивалась руда» [1: 104].

Добыча велась каменными инструментами различной формы и размеров, которые были, видимо, предназначены для разных видов работ. Это и каменный молот с деревянной ручкой, перевязанный сыромятным ремнем, и различного размера клинья, плоски для фитилевых светильников, остатки деревянных крепей. Некоторые инструменты были найдены в небольших углублениях по ходу выработки, которые были предположительно сделаны для хранения инструментов. Сохранность этих инструментов объясняется сухостью воздуха. Для инструментов использовался камень плотной горной породы темно-серого цвета, мелкозернистый габбро-диабаз.

По южному склону хребта Иныльчек было обнаружено другое месторождение. При разработке его была обнаружена древняя выработка в отвесной стене на высоте 10 метров. Здесь добывали оловянную руду, в которой была примесь меди, свинца и цинка. Место, где плавляли руду и получали металл, не обнаружено. Обработку вели каменными орудиями. В древней штольне были найдены деревянные держатели, каменные молотки из крепкой породы (габброид), сыромятные ремни, которыми привязывали камни к держателям [1: 107]. Разработка велась, видимо, в то время, когда ледник подступал к самому краю штольни. В настоящее время ледник отступил далеко в горы. У подножья отвесной стены обнаружены выходы рудных тел, представленные

кристаллами касситерита, турмалина с вкраплениями сульфидов мышьяка и меди, нетронутые разработкой.

Кроме крупных рудопоявлений, древние рудопромысловые разработки добывали мелкие вкрапления и прожилки медной руды. Возможно, медь была редко встречающимся металлом. В районе Боомского ущелья геологом Ю.К. Алексеевым обнаружена древняя горная выработка окисленных медных руд. В районе урочища Капчигай обнаружены выработки свинцовых руд.

В 1932 и 1939 годах геологи В.А. Васильев и Н.А. Голубин обнаружили в Майли-Сае нефтяные колодцы и ямы. «Судя по преданиям, здесь еще со времен Александра Македонского добывали нефть – «горное масло». Сохранился даже «колодец Александра Македонского». Были отмечены и штольнеобразные выработки озокерита, сохранилось около 17 завалившихся штолен длиной около 200м» [1: 110].

В Ала-Букинском и Базар-Курганском районах еще со времен Кокандского ханства известны древние рудники, в которых были найдены остатки деревянных крепей, светильник эллипсоидной формы с вытянутым носиком, покрытый глазурью. Шлак, обнаруженный в долине реки Кара-Ункур свидетельствует о том, что здесь производилась плавка руды древним человеком.

Добычу свинцовых руд изучал геолог И.П. Морозов. Он обследовал месторождение Кан в Ошской области в 1938 году. Было обнаружено более 30 карьерообразных выработок. В выработках был найден кетмень, который, по определению известного знатока истории горного дела в Туркестане археолога М.Е. Массона, относился к кокандскому времени.

В 1932 году были найдены и другие следы старых штольнеобразных выработок древних плавков на свинец и ямы с заготовленной рудой. Обнаружил их А.О. Кайзер, руководитель Кок Суйской поисково-разведочной партии.

В Баткенском районе Ошской области геологами И.К. Дюгаевым и Э.А. Язбутисом был обследован рудник Кан и Гут, что означает в переводе «Рудник погибели», который являлся местом добычи свинца и серебра.

Изучением этого рудника занимался М.Е. Массон. Он выпустил специальную книгу. Еще в 1930-годах здесь были зафиксированы длинные (свыше 1 км) ходы древних выработок, глубиной более 120 м. Выработки имели густую сеть извилистых пещерообразных ходов, душных и грязных. Археологи обнаружили в них полусгнившие, местами даже хорошо сохранившиеся крепи и лестницы [3].

В руднике были найдены 23 ферганских монеты XVIII–XIX в. Глядя на эти монеты, М.Е. Массон заключил, что разработки велись с древнейших времен. «В 1850 году пещеру посетил кокандский курбаши с несколькими

рабочими. Имеются данные, что в кокандский период в Кан и Гут добывали свинец для охотничьих нужд и местные кыргызы. В народе и сейчас еще живы предания о жестокости ханских стражников: они заточали в пещеру осужденных на казнь. Здесь они добывали серебро. Многие из них гибли, а если возвращались с пустыми руками, их убивали. А отсюда и название – «Рудник погибели» [4: 231–232]

Литература:

1. *Дуйшеев Б.* Память Тянь-Шаня. Фрунзе. «Мектеп», 1986.
2. *Бетехтин А. Г.* Минералогия. Госиздат. Москва, 1950.
3. *Массон М.Е.* Рудник погибели (Из истории первых лет деятельности Туркестанского кружка любителей археологии). Фрунзе, 1971.
4. *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1978.

В.В. Плоских

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И УЧЕНЫЕ О ЗАТОНУВШИХ ПАМЯТНИКАХ ИССЫК-КУЛЯ

Озеро Иссык-Куль впервые было обозначено на раннесредневековых китайских картах VII – VIII вв.. Затем в книге «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»). Махмуд аль – Кашгари (уроженец Барсхана)

озеро поместил на своей «Круглой карте мира» в самом ее центре.

В 1375 г. оз. Иссык-Куль появляется на каталанской карте Крескеса, сына Авраама. Эти сведения впервые ввел в научный оборот русский ученый П.П. Семенов [1: 186–187] после посещения в начале 1850-х годов Венеции, где и ознакомился с картой.

Правда, наиболее ранние публикации расспросных сведений об археологических находках из оз. Иссык-Куль были получены в Русском Географическом обществе (РГО), вероятно, от безымянных информаторов-киргизов еще в конце 40-х годов XIX в. [2:143, 149].

Пионер научного изучения Иссык-Куля, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, широко привлекал сообщения киргизов, а то и строил лишь на одной их информа-

ции свои предположения о подводных археологических объектах Иссык-Куля, не имея возможности осмотреть их *de visu*, чтобы проверить слухи об исчезнувших под водой строениях.

К их знаниям исторических достопримечательностей края нередко прибегали и другие путешественники, краеведы, в их числе – энтузиаст археолого-этнографического и антропологического изучения Кыргызстана Ф.В. Поярков [3: 61]. О местонахождении открытых им археологических памятников Прииссыккулья (каменных изваяний, кайраков, надписей и т.п.). К сожалению, в литературе, содержащей сведения о находках и памятниках археологии на Иссык-Куле, встречаются лишь беглые упоминания об информаторах этих сведений, так и оставшихся в большинстве случаев неизвестными для науки знатоками древностей.

Отрадным исключением в этом отношении является труд М.В. Певцова, продолжившего после смерти Н.М. Пржевальского путешествия в глубь Центральной Азии. Перед смертью Пржевальский высказался, что, если врачи не разрешат ему продолжить путешествия, то он в течение года займется исследованием Прииссыккулья, в том числе манящих затонувших памятников. К сожалению, этой мечте не суждено было сбыться.

По завещанию Н.М. Пржевальский был похоронен на берегу озера. Его преемник, М.В. Певцов, постарался выполнить всю программу своего именитого предшественника, указал он и на тайны подводных городищ. Путешественник отмечает проявление большого интереса у местных жителей к подводным археологическим развалинам в урочище Койсары, к востоку от г. Каракол. Со дна озера они доставали обломки глиняной посуды, медные котлы и монеты, хорошо сохранившиеся человеческие черепа и толстые кости. «От одного из опрошенных мною кыргыз по имени Джеламана, весьма любознательного и правдивого, – читаем в сочинении М.В. Певцова, – я получил в подарок две медные очень древние монеты, найденные в развалинах» [4:48]. Здесь назван только один из информаторов, но сведения приводились со слов многих опрошенных.

Нередко их сообщения служили первотолчком к разысканию новых археологических объектов. «По рассказам местных жителей, – писал В.В. Бартольд в своем труде о поездке в Семиречье в 1893–1894 годах, – киргизы в горах, к северу от Турайгыра нашли медный котел с ручками и золотое блюдечко...». Предпринятые автором поиски их так и не увенчались успехом, но ученый услышал киргизское поверье, что в этих горах зарыт какой-то клад, над которым по ночам горят свечи, пугающие лошадей и верблюдов [5: 51; 6: 68]. Естествен-

но, что научного определения различным древностям киргизы дать не могли и по поводу их происхождения приводили лишь устные предания, пытаясь связать их с событиями своего исторического прошлого.

Широко известные легенды о происхождении оз. Иссык-Куль и развалинах на дне его не раз освещались в трудах различных исследователей и краеведов: Ч.Ч. Валиханова, А.Ф. Голубева, В.В. Бартольда, Я.И. Королькова, Ф.В. Пояркова, Л.С. Берга и др. [7: 311; 8: 194; 9: 11; 10: 46; 11: 8; 12]. Их суть сводится к тому, что прежде на месте озера была обширная равнина с многолюдными и богатыми городами. На главной площади одного из городов находился колодец, который закрывали на ночь золотой крышкой. Однажды влюбленная девушка (или три странника) забыла это сделать, и вода, поднимаясь в колодце, хлынула на спящий город. В одну ночь на его месте образовалось озеро Иссык-Куль. Другой вариант этой легенды связан с жестоким ханом Джанбеком – Ослиной головой. Город, якобы, был затоплен водою из этого колодца по мольбе визиря, ослабившего хана с ослиными ушами.

Несмотря на явную фантастичность, эти легенды так или иначе, восходят к древним насельникам Иссык-Куля. Это – отзвук былых катастроф на иссык-кульских берегах, и попытка поэтически-сказочно объяснить происхождение подводных развалин и археологических находок.

В киргизских легендах и преданиях, связанных с иссык-кульскими древностями, нельзя не увидеть стремления народа определенным образом осмыслить события своей древней истории и доступно объяснить происхождение памятников, столь многосторонне представленных в Иссык-Кульской котловине.

Но подлинно научное и экспедиционное исследование памятников древней цивилизации Иссык-Куля началось лишь в XX столетии. Это – вторичное их открытие, если можно так выразиться, начинается с середины 20-х годов нашего века (работы П.П. Иванова, М.В. Воеводского, М.П. Грязнова, А.Н. Берштама, Б.М. Зима, А. Кибирова, Л.П. Зяблина, Л.Р. Кызласова, Д.Ф. Винника и др.). Особенно широко изучаются и раскапываются древности в окрестностях озера и под водой в послевоенный период. Историографический обзор исследований по археологии Прииссыккуля приводится в небольшой, но весьма содержательной статье П.П. Иванова, который обобщил итоги исследований всех своих предшественников (до конца 20-х годов XX века) [13: 109–116]; там же дана подробная библиография русской дореволюционной литературы по археологии Иссык-Кульской котловины [13: 117–123].

Позже озеро Иссык-Куль стало закрытой территорией для иностранцев (из-за военных объектов), а собственных средств на дорогостоящие подвод-

ные раскопки памятников не было. С большим трудом республиканская Академия наук в конце 1950-х годов приобрела акваланги, и археолог Д.Ф. Винник начал рекогносцировочные, разведочные работы по фиксации подводных памятников на Иссык-Куле. Затем, в 1980-х годах эстафета перешла к доктору исторических наук В.М. Плоских и кандидату исторических наук В.П. Мокрынину. В 1985–1989 гг. кыргызские археологи, совместно с аквалангистами из Московского института стали и сплавов во главе с С.С. Прапором, провели небольшие работы на Иссык-Куле, сосредоточив основное внимание на полуобнажившемся городище Сары-Булун в Тюпском заливе. По итогам была высказана гипотеза об отождествлении этого городища с исторической столицей большого племенного образования Усунь (на рубеже веков до новой и новой эры). Последующие работы все более и более подтверждали эту гипотезу.

Результаты исследования были обобщены в трех публикациях В.П. Мокрынина и В.М. Плоских с участием И.Т. Айтматова и А.О. Конурбаева. Издается на русском и английском языке буклет «Катастрофы Иссык-Куля», снимаются два фильма о подводных археологических исследованиях Иссык-Куля (реж А. Видугирис и К. Акматалиев) и один рекламный клип (реж. Е. Котлов).

В последние годы опубликованы коллективная монография с цветными иллюстрациями археологических находок [14], цветной буклет-путеводитель по историко-археологическим памятникам Иссык-Куля и серия научных статей В.М. Плоских об экспедиционных археологических исследованиях Иссык-Куля [15; 16: 78–97; 17: 56–65; 18: 52–58; 19].

Летом 2003–2007 гг. была совершена комплексная международная археологическая экспедиция на Иссык-Куль. Кроме ученых Кыргызско-Российского Славянского университета и Национальной академии наук, в экспедиции приняли участие аквалангисты конфедерации подводной деятельности России под руководством профессора С.С. Прапора, с участием кандидата исторических наук С. Лукашевой и кандидата технических наук Н. Лукашова.

В археологической разведке в августе 2007 г. широко были использованы базировавшиеся на Иссык-Куле катера, что существенно повысило эффективность работ. Экспедицией были выявлены и зафиксированы на подводных историко-археологических объектах новые сако-усуньские и древнетюркские памятники: курганы, каменные изваяния, поселения, городища. Составлена схема предметов материальной культуры, поднятых со дна затонувшего городища в заливе Кара-Ой.

В результате исследований прошлых лет, в которых автор принимал непосредственное участие, под водой было зафиксировано более десяти-двенадцати памятников, составлены планы двух затонувших городищ, зафиксированы размытые донными течениями курганы. Они – как бы немые свидетели двух цивилизаций: древнекочевой (I тыс. до н.э.) и средневековой земледельческой. Наиболее ярким примером является открытие учеными на дне Тюпского залива древней столицы усуньского государства, известного по китайским источникам города Чигу (II–I вв. до н.э.).

Поиски отмеченного еще в Каталанском Атласе 1375 г. христианского монастыря на Иссык-Куле, кажется, привели к успеху. Выдвинута обоснованная научная гипотеза о нахождении его в северо-восточном заливе озера.

Одним из самых знаменитых по письменным источникам и твердо локализованным на южном берегу Иссык-Куля является средневековое городище, *столица одного из карахандских уделов – Барсхан.*

На побережье современного с. Барсхан были обнаружены бронзовые бляшки с изображением хищных кошачьих морд (барса или тигра), относящиеся по времени к сакскому периоду, т.е. борьбы среднеазиатских савков с воинами Александра Македонского. Аналогичные, синхронные по времени бляшки найдены казахскими археологами в 1969 г. при раскопках сакского кургана Иссык (что расположен между озером Иссык-Куль и городом Алматы). Только иссыкские бляшки были золотыми, сохранившись в обширной коллекции неразграбленного кургана, а барскаунские – бронзовые, с бракованными отходами, что позволяет говорить об их местном производстве.

Спектральный анализ бронзовых котлов со дна Иссык-Куля, проведенный в лаборатории Кыргызско-Российского Славянского университета, в совокупности с другими показателями, *свидетельствуют о местном производстве предметов из бронзы* (котлы, жертвенники, акинаки, зеркала, посуда и т.д.).

Находки подтверждают распространение металлургии и бронзового литья среди кочевников I тыс. до н.э., говорят о наличии торгово-ремесленных центров, к которым были привязаны скотоводы, ведущие кочевой или полукочевой образ хозяйствования и жизни.

В связи с последними археологическими находками ученые ставят вопрос о существовании на Иссык-Куле городов-поселений античного времени, с развитым металлургическим ремеслом и земледелием, со своей духовной культурой и верованиями.

В то же время приходится с горечью отметить: идет не только разрушение, но и буквально разграбление предметов материальной культуры.

Во-первых, грабительскими налетами лица, не имеющие никакого отношения к науке, без «открытых листов», производят сбор предметов, раскопки курганов и поселений, и все вывозят либо в антикварные магазины, либо в частные коллекции за рубеж.

Закон КР об охране памятников никем не соблюдается и не контролируется.

Во-вторых, все большее распространение получает дайвинг (подводное плавание в аквалангах) и, связанное с ним, собирание на дне всех предметов, древних затонувших памятников. А под водой в очень хорошей археологической сохранности находятся керамические сосуды, металлические (бронзовые) предметы, даже остатки дерева.

В то же время, именно подводная экзотика влечет аквалангистов, и подводные трофеи вошли в моду. Местные власти, пароходства, капитаны прогулочных катеров и яхт не только не препятствуют разграблению подводных памятников, а сами зачастую их организуют или служат проводниками. Примеров тому из практики полевых сезонов предостаточно.

Выводы:

1. Следует провести широкую пояснительную работу среди местных властей о Законе по охране памятников и подкрепить его соответствующим распоряжением.
2. Вновь обратиться к завершению реального Свода памятников истории и культуры Прииссыккулья, который в 1980-х годах составлялся в НАН КР, и на местах установить охранные щиты у памятников государственного научного значения.
3. Активнее взяться за подготовку документов к списку Всемирного наследия ЮНЕСКО, чтобы Иссык-Куль вошел в этот каталог.
4. Не разрешать без «открытого листа» никакие археологические работы (в том числе и, особенно, с металлоискателями), категорически пресекать поиски и раскопки «черных» археологов и взять под контроль работу краеведов. Иссык-Куль нуждается в государственной помощи, и усилиями одних энтузиастов памятники древней цивилизации не спасти.
5. Наконец, организовать комплексные научные археологические работы под водой с помощью квалифицированных специалистов разного профиля и издать красочно оформленные буклеты с уникальными материалами древней культуры кыргызского народа.

Литература:

1. *П.П. Семенов-Тянь-Шанский*. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М., 1946.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

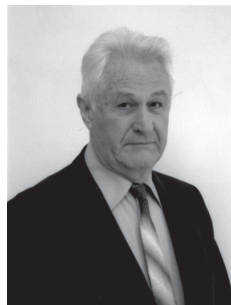
2. Сведения о дикокаменных киргизах // Зап. РГО. Кн. 5. С-Пб., 1851.
3. *Ф.В. Поярков*. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и берегам озера Иссык-Куля. Памятная книжка Семиреченского областного стат. Комитета на 1898 год. Т. 2. Верный, 1899.
4. *М.В. Певцов*. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1890-м годах. СПб., 1895.
5. *В.В. Бартольд*. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894гг. Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. VIII серия. Т.1. Вып. IV. С-Пб. 1897.
6. *В.В. Бартольд*. Собр. Соч. Т. IV. М.: Наука, 1966.
7. *Ч.Ч. Валиханов*. Записки о киргизах. // Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1961.
8. *А.Ф. Голубев*. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции // Вести РГО. Отд. I. Ч. 28, 1860.
9. *Б.Я. Корольков*. Предания иссык-кульских киргиз о разлившемся озере // Восточное обозрение. № 6. 1860.
10. *В.В. Бартольд*. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Соч., Т. 4. М. 1966.
11. *Л.С. Берг* Озеро Иссык-Куль. // Избр. труды. Т. 3. М. 1960.
12. *Ю. Новацкий*. О чем пел старик Джандарбай // Туркестанские ведомости. 1912. № 18.
13. *П.П. Иванов*. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. // Труды Ин-та истории АН Киргиз. ССР. Вып. 3. Фрунзе. 1956.
14. *Д. Джунушалив, А. Какеев, В. Плоских*. Этапы хронологии кыргызской государственности. Бишкек, 2003.
15. Иссык-Куль: великие камни и легенды древнего озера / Сост. *А. Конурбаев, В. Плоских*. Бишкек, 2003.
16. *В.М. Плоских*. Проблемы древней цивилизации Иссык-Куля // Материалы междунар. науч. конф. «Единое образовательное пространство XXI века». Бишкек, 2003.
17. *В.М. Плоских*. К новым открытиям Иссык-Кульской экспедиции // Проблемы истории государства и культуры. По материалам междунар. науч. конф., посвященной 10-летию КРСУ. Бишкек, 2004.
18. *В.М. Плоских*. Новые материалы археологической экспедиции на Иссык-Куль // Диалог цивилизаций: взаимодействие культур, народов и государств в зоне Великого Шелкового пути. № 2(5). Бишкек, 2004.
19. *В.М. Плоских*. «Атлантида» Центральной Азии – тайна Великого Шелкового пути. Бишкек, 2004.

В. Мельников

У ПАМЯТНИКА Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКОМУ

У оконечности вод иссыкульских,
Где подступает высокий Тянь-Шань,
Стоит Каракол и с биением пульса
Сверяет истории ткань.
Отсюда вел караваны Пржевальский
В безжизненные края,
Никем не изведанные мало-мальски,
Где нет ни жилья, ни воды из ручья.
Здесь волей своею он похоронен,
И прах увенчан гранитной скалой.
В парке деревьев высокие кроны
Машут приветственно пышной листвою.
С крутого обрыва – все нараспашку,
Такой открывается вид!
Северный берег как на растяжке
Над синей водою висит.
А прямо смотреть – иссыкульские дали,
Небо и водная гладь,
Крепко обнялись и вместе упали –
Взглядом одним не объять.
Душа его здесь на лазурном просторе
Чайкою вольной летит.
Сон его вечный у горного моря
Бесстрашный орел на скале сторожит.
Вокруг тишина, уединенье,
Печален безлюдный музей.
Боже, не дай привести в запустенье
Все, что копилось до нынешних дней.

Пронесется мимо лихие машины,
Сюда недосуг завернуть.
А многие ль знают великого сына,
Подвиг его, героический путь?
Что им до какого-то человека,
Есть поважнее дела.
Видно, у ценностей века
Впрямь измельчала шкала.
Но ладно... Минутное огорченье
Взор не замутит мой,
Событий великих теченье
Уносит на берег другой.
Туда, где из чрева Боома,
Сквозь балыкчинский створ,
Подумать только, – Семенов
Выходит с конем на простор.
Складки походной одежды
Сковал тяньшаньский гранит,
И даль прозревают вежды,
И путь его к другу лежит.
Дорогой, милый сердцу Пржевальский,
Сколько замыслов общих и дум!
От смоленских лесов и кряжей уральских
К горам Поднебесным стремился твой взор.
О, Иссык-Куль, голубое око,
Не блекнет твоя краса,
И над тобою не одиноко
Великих ушедших звучат голоса.

Е. Е. Озмитель

КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИССЫК-КУЛЬСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Мужской монастырь на берегу Тюпского залива озера Иссык-Куль (ныне несуществующий) создавался по замыслу архиепископа Александра (Кульчицкого), который возглавлял на рубеже 70–80-х гг. Туркестанскую епархию. Согласно преданию, архиепископ Александр, выбирая местность для монастыря, учел мнение П.П. Семенова-Тян-Шанского, предполагавшего, что именно здесь, в районе р. Курменты, надо искать средневековый монастырь братьев-армян, обозначенный на Каталанской карте. Для православного архиерея это сообщение не было просто научной гипотезой, оно подкрепляло его собственный выбор в пользу Светлого Мыса как неслучайное совпадение – такие «духовные знаки» очень важны для верующих. Место, действительно, было выбрано удачное во всех смыслах, недаром здесь издревле существовали поселения. В то же самое время, оно не было заселено киргизскими кочевниками, так как прорезанные многочисленными заливами берега были благоприятны для земледелия и огородничества, а не для скотоводства.

В 1881 г. монастырь освятили в честь Святой Троицы. Будущей обители была отведена «экономия»: 530 десятин 1100 сажень плодородной земли, и выделено 20 тысяч рублей из запасных средств Православного миссионерского общества. К монастырю было приписано село Озерно-Фольбаумовское, крестьяне которого обязаны были помогать монастырю, для работ по монастырскому хозяйству нанимались также местные киргизские жители, а иногда и силой привлекались к уборке урожая начальником Пржевальского края полковником Ивановым [1: 2–7]. Очевидно, что государство, обеспечивая монастырь, возлагало на него некоторые надежды или, лучше сказать, обязательства. Монастырю сразу был присвоен статус миссионерского.

Миссионерские монастыри в XIX в. были делом новым. Это не значит, что монахи нигде до этого не занимались обращением в христианство местных жителей, это значит, что никто из создателей православных обителей так цель их существования не определял. Только во второй половине XIX в. в России появилось около 20 миссионерских монастырей, в основном в Заволжье, При-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

уралье, в Западной и Восточной Сибири. Все эти монастыри возникли в XVII в. обычным порядком, их монахи приложили много усилий для обращения в православие язычников и мусульман и как бы заслужили для своих обитателей право называться «миссионерскими». Некоторые монастыри в к. XIX в. возникали сразу как миссионерские – для новообращенных черемисов, алтайцев, татар для того, чтобы предупредить их возвращение в язычество и ислам.

Мы видим, что ни к одному из этих типов Иссык-Кульский монастырь не принадлежал. Не было еще в Прииссыккулье подвижников-монахов, посвятивших свою жизнь проповеди Евангелия, не было новообращенных коренных жителей. Миссионерская задача была определена перед монастырем априори, как перед неким государственным идеологическим учреждением. Монастырь, несмотря на это, заниматься обращением в православие не стал. В связи с этим, в научной литературе – распространилось критическое отношение к деятельности этого монастыря [2: 45; 3: 156–175]. Казалось бы, исследователи абсолютно правы: проанализировав задачи, которые ставились перед монастырем при его создании и существовании (миссионерский, просветительский), рассмотрев результаты деятельности (проповедников не готовили, в православие не обращали, с местным языческим населением отношения были разными, а иногда, как в 1916 г., и резко конфликтными), можно сделать и такие выводы.

Однако, если вникнуть в понятие «миссионерство», отметить некоторые исторически сложившиеся особенности миссионерства на Руси и глубже разобраться в последствиях жизни и деятельности иссыккульских монахов, мы можем прийти и к другим выводам.

В узком смысле слова, миссия – это проповедь одного религиозного учения среди людей другой веры. Но в Древней Руси миссионерской деятельности в таком виде, в каком мы ее привыкли представлять, не существовало. Русское православие, обратившее в христианство несколько десятков народов, не обладало достаточной богословской базой для споров о вере, русское правительство на протяжении почти всей истории, до XIX века, целенаправленной политики по обращению в православие не вело и, соответственно, не выделяло необходимых для этого средств. Евангелие в России было проповедано в основном не столько специально подготовленными миссионерами и проповедниками, церковной литературой, сколько самой культурой, которая сформировалась под влиянием православия. Богословскую подготовку нередко заменял личный пример – аскетический, особенно монашеский, и мученический подвиг. Только в XIX в. некоторые деятели Русской Православной Церкви стали

пытаться вывести миссионерство на профессиональный уровень. В 1865 г. появилось Православное Миссионерское Общество, задачей которого стало содействие миссиям и их труженикам, а также общая координация миссионерских усилий церкви. Почти сразу стало ясно, что даже грамотно проведенная работа по обращению язычников и мусульман в христианство не будет иметь прочного и долгого результата, если не сопровождать ее просветительской деятельностью, не приобщать к христианской, а значит к русской, в данном случае, культуре. Именно из этих соображений в конце XIX века в России началось развитие внутрицерковного движения за объединение миссионерской деятельности с просветительной и школьно-образовательной работой среди широких масс простого народа на миссионерских территориях.

Хорошо сформулировал цель миссии Российского государства в Туркестане выдающийся богослов и миссионер Н. Остроумов: «Как бы кто не смотрел на это движение русских в Средней Азии, какие бы цели в этом не видел, никто не может отрешиться от мысли, что русские – христиане, и что движение их в страны азиатские есть движение христианства в странах мусульманских. Завоеывая эти страны, мы не насилуем религии туземцев, но, тем не менее, ставим рядом с исламом христианство. Нет при этом открытой, активной борьбы ислама с христианством на почве чисто религиозной, но борьба эта, несомненно, совершается на почве общекультурной» [4: 46].

Епископ Александр, основатель Иссык-Кульского монастыря, человек очень образованный, отчетливо представлял все трудности, связанные с миссионерской деятельностью в своей епархии. В 1857 г. после окончания Санкт-Петербургской Духовной академии он стал членом 14-й Китайской Духовной Миссии, прослужив в Китае семь лет. Он – автор нескольких исследований по религиозным верованиям Китая, любитель археологии, истории и геологии, интересовался всеми научными исследованиями Средней Азии. Предстоятелем Туркестанской епархии владыка Александр был назначен в 1878 г. и сразу стал интересоваться постановкой миссионерской деятельности в Туркестане. Он прилагал немало усилий для правильной организации миссионерства в то время, когда господствовал взгляд о преждевременности и опасности такой деятельности. Это служило даже поводом для критики его современниками: «Эти преосвященные (епископы Александры и Григорий – Е.О.) находили, что Туркестанские иноверцы представляют удобную почву для сеяния Слова Божия и для успеха дела нужны лишь умелые сеятели. Таких сеятелей преосвященный Александр рассчитывал подготовить к их делу в основанном им Иссык-Кульском монастыре, который, по мысли основателя, должен был со-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

стоять из образованных монахов, могущих быть проповедниками христовой веры и надежными руководителями новокрещенных в христианской жизни» [5: 591]. Со всем здесь можно согласиться, кроме слова «лишь» – никогда епископ Александр не возлагал надежды миссии только на целенаправленную деятельность подготовленных проповедников. Тот же самый источник, ссылаясь на слова самого епископа, свидетельствует: «преосвященный Александр пишет, что «для ознакомления с христианством, для суждения о высоте и святости его учения у наших иноверцев имеется один только способ, одно средство – это видеть нашу жизнь и по нашей деятельности судить об исповедуемой нами религии. Но, к несчастью, продолжает преосвященный, окружающие нас иноверцы не настолько к нам приближены, чтобы видеть лучшие безупречные и чисто христианские стороны нашей жизни»¹ [5: 593; 6].

Архиепископ Александр считал, что основное назначение монастыря должно заключаться в приобщении местного населения к российской цивилизации. В его планы входила издательская и научная деятельность: создание типографии, музея древностей и библиотеки, для которых он предполагал преподнести в дар монастырю около 2 000 своих собственных книг и коллекцию археологических предметов [3: 156]. Владыка Александр предполагал, что монастырское благоустройство может стать проводником улучшенных способов земледелия и других сельскохозяйственных начинаний среди переселенцев и местных жителей, стать для них очагом просвещения и культуры. Кроме этого, и переселенцы, уровень образования которых был невысоким, нуждались в правильном духовном просвещении. Для этих крестьян, уже крещенных, но не обученных правильному христианскому учению, миссионерское назначение монастыря должно было обернуться другой стороной. Такую миссию, в отличие от внешней, обращенной на нехристиан, называют внутренней. Она обращена к «своим», цель ее – предотвращать отход от православия.

Посмотрим, как складывалась судьба этих начинаний [6; 7: 696; 8: 183–185]. В течение 80-х гг. в монастыре почти не было монахов – каждый год появлялось по несколько человек, но никто не задерживался надолго. Епископ Неофит обратился через Православное миссионерское общество и церковную прессу к монахам России и нашел для обители руководителя – из Свято-Михайловской Афонской Закубанской пустыни приехал игумен Михаил с семью монахами. Одно время монастырем управлял иеромонах Иона из Троице-

¹ История монастыря составлена на основании нескольких источников.

Сергиевой лавры. Устройству монастыря помогали прихожане и священники соседних сел. Жители Сазоновки (нынешнее Ананьево) и Преображенского (Тюп) жертвовали деньги на колокола, на строительство храмов.

Монастырь, хотя и малонаселенный, стал благоустраиваться: появилась церковь во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии, жилой корпус для братии, хозяйственные постройки: кухня, конюшня, сарай, – все из сырцового кирпича. Но монахи в монастыре не задерживались. Настоятель Иона вернулся в родной подмосковный монастырь, еще несколько человек в 80-х годах покинули Семиречье. Землетрясение 1889 г. разрушило все постройки монастыря, церковь была разрушена, причем престол, жертвенник, священные сосуды и иконостас остались невредимыми, потому что стены алтаря, где находились все эти святыни, упали наружу. Монахи чудом успели покинуть помещения, но, не выдержав испытания, вместе с игуменом Михаилом уехали в Россию. В обители осталось всего три монаха из местных жителей.

Восстановление монастыря возглавил епископ Неофит. Туркестанская администрация выделила стройматериалы, Священный Синод – 2 тыс. рублей, Миссионерское общество – 6 тыс. рублей, о. Иоанн Крондштатский пожертвовал 5 тыс. рублей, собирали свои копейки «на храм» и крестьяне, и казаки. Был восстановлен деревянный храм Одигитрии, построен новый, кирпичный, храм в честь Святой Троицы, возведены корпуса для монахов, различные мастерские. Еще в 1898 г. при монастыре была открыта школа грамоты для местных и русских детей, теперь она была реконструирована, построено прекрасное здание для библиотеки.

После землетрясения монастырь был заселен монахами из Валаамского монастыря. Кроме службы в храмах Святого Духа и Одигитрии, они преподавали в школе, занимались сельскохозяйственными работами, пчеловодством, рыбной ловлей, садоводством. Кроме того, монастырь служил для туркестанской духовной консистории местом исправления провинившихся членов клира, а также и местом отдыха для священников и их семейств, местом постоянного паломничества для мирян. В начале XX века в монастырь прибыло несколько монахов из Глинской пустыни. Благодаря этому на Иссык-Куле прижился устав и многие традиции этой прославленной обители.

Митрополит Владимир, перечисляя итоги монастырской деятельности, дает ей положительную оценку: «Перед революцией в Иссык-Кульском монастыре подвизалось около восьмидесяти человек братии. При обители существовал приют, в котором воспитывались 36 мальчиков-сирот... Обитель уже не нуждалась в пожертвованиях со стороны, а сама осуществляла бла-

готворительную деятельность, вела обширное хозяйство. Монастырь имел собственную мельницу, лесопилку, кузницу, портняжную мастерскую, скотный двор с тремястами голов скота, богатые рыбные ловли, две пасеки с 225 ульями, за год дававшими до трехсот пудов меда. Кроме того, братия выращивала урожай пшеницы, ржи и овощей на угодьях в две с половиной тысячи гектаров» [8: 185–186].

Вся эта деятельность не может, конечно, сравниться по масштабам с деятельностью монастырей в исконно русских землях. Но для местных переселенцев монастырь, даже такой небольшой, был очень важен. Вот как обычно проходило празднование Тихвинской иконы Божией Матери на Иссык-Куле. «Накануне прибыл благочинный церковей Пржевальского округа о. Овсянкин, священник о. Юзефович, диаконы соседних церковей, псаломщики с церковными хорами... Богомольцев было до 1000 человек. Большинству богомольцев был дан монастырский ужин, в самый праздник обед, а вечером чай. К литургии прибыли новые толпы молящихся, храм не мог вместить всех... О. Овсянкин сказал слово: «...Пройдет и нынешнее лихолетье, и Россия выйдет победоносно из всех искушений и бед. Как ни жестоки и ни коварны нынешние враги, какие бы козни дьявольские ни придумывали, ничего не сделают они ни в церкви нашей, ни отечеству. Благочестие наше спасет нас, если оно будет таково, каково было благочестие наших предков...» По окончании литургии и молебна гостям в покоях настоятеля был предложен чай, а в трапезе вместе со братиею скромный обед по чину и уставу Глинской пустыни, с предварительным крестным ходом из церкви и с возношением панагии (т.е. большой просфоры – Е.О.) в конце обеда» [9: 569].

Для иссыккульских крестьян и казаков, оторванных от родной культуры, монастырь стал островком Руси. И он мог дать все необходимое для правильного, истинно русского культурного развития: помощь в повседневных духовных и материальных проблемах, радость в праздники, духовное просвещение, уроки благочестивой жизни и патриотизма.

Прежде чем оценивать деятельность иссыккульских монахов, решая, какую ей вынести оценку – отрицательную, как большинство исследователей, которых мы цитировали выше, или положительную, надо вспомнить о специфических особенностях именно православных монастырей. Задачей православного монашества являлся всегда молитвенный подвиг, исполнение монашеских обетов, т. е., в первую очередь, личное спасение, а не благотворительность или что-нибудь иное, что ставилось обычно во главу угла в католических монашеских организациях. Экономическое процветание монастырей оправдывает

в глазах секуляризованного мира само существование монашества как института, но не может являться безусловным свидетельством его духовного, а значит, и культурного, значения. Осознавая чрезвычайную сложность этого шага для обычного человека, сделаем все-таки попытку взглянуть на Иссык-Кульское монашество с точки зрения его духовного подвига.

Свято-Троицкий монастырь основывался «сверху», желанием епархиальных властей и «пожалованиями» от государства, а не «снизу», трудами монахов-подвижников. Наш монастырь, конечно, относился к первому типу. Возможно, он некоторое время не мог обустроиться именно потому, что не было в нем духовного наставника, настоящего руководителя монашеской жизни, не назначенного от властей настоятеля, а избранного иноками за подвижническую жизнь. Может быть, поэтому монахи самовольно оставляли обитель, «пугались» трудностей, землетрясений. Вообще на рубеже XIX–XX вв. монашество, так же как и православная вера в России, переживали кризис – это было время двух революций, и многие, в том числе и верующие, и монахи, увлекались социалистическими идеями.

В такое сложное время возникал на пустом месте и действовал вдали от старинных центров русской духовности Иссык-Кульский монастырь. Тем не менее, к 1916 г. в Свято-Троицкой обители были созданы все условия для монашеской жизни и, главное, появились духовные наставники, появились тайные молельни вокруг монастыря, где селились старцы даже и не из монахов, а из крестьян, скиты на Медео, в Аксайском ущелье. Разгром Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря во время восстания 1916 г. свидетельствует не о «неуспешности» этой обители, а, напротив, о том, что она со своим предназначением справилась, и здесь оказалось большое число монахов, готовых к высшему христианскому подвигу – мученичеству за веру. Несколько монахов были казнены или репрессированы советской властью. Много монахов Иссык-Кульского монастыря стали святыми. Имена некоторых неизвестны, но и более десятка известных имен иноков и послушников свидетельствуют о том, что в Свято-Троицком монастыре были созданы условия для духовного преуспевания. Монастырь, несмотря на недолгую жизнь и полное уничтожение, прославился в нашей республике именно благодаря этому монашескому подвигу. Паломничество на Курменты и в действующий скит в Кызыл-Джаре, почитание монастырской Тихвинской иконы Божией Матери, Иссык-Кульских новомучеников и исповедников играют и поныне большую роль в жизни православных верующих Кыргызстана.

Кроме этого, монастырь действительно стал тем местом, где русская культура, русская цивилизация приближалась к местному киргизскому населению. Материальное и методическое оснащение монастырской сельскохозяйственной школы – наглядные пособия, семенной фонд, маточный сад, амбар и мельница, пасека – стали той базой, на которой был создан уже при советской власти сельскохозяйственный техникум. Это учебное заведение было одним из лучших в крае, большое число политических и научных деятелей Киргизии вышло из его стен, получив основательное не только сельскохозяйственное, но и общекультурное образование. Таким образом, можно смело говорить о большом просветительском значении Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря для культуры Кыргызстана.

Литература:

1. ЦГА КР. Ф. 75. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–7.
2. *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX–начало XX вв.). Елец: ЕГПИ, 1996.
3. *Каретникова О.Р.* Благотворительная и общественно-просветительская деятельность служителей православной церкви в Туркестане // К истории христианства в Средней Азии. (XIX–XX вв.). Ташкент, 1998.
4. *Остроумов Н.П.* Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством // Православные богословы об исламе. М., 2006.
5. *Брызгалов И.* К вопросу об открытии в Туркестанской епархии среднего духовно-учебного заведения // Туркестанские епархиальные ведомости. 1908 г. № 18.
6. *Булгаковский Д.* Иссыккульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. С-Пб., 1896.
7. Православные Русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне. С-Пб.: Воскресение, 1994.
8. *Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М., 2002.
9. Празднование Тихвинской иконы Божией Матери в Иссыккульском монастыре 26 июля 1908 года // Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 16.

С.В. Кожемякин

ТРАЙБАЛИЗМ В КЫРГЫЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ: истоки и современность

В своих воспоминаниях, посвященных путешествию на Тянь-Шань, известный путешественник П.П. Семёнов-Тян-Шанский одним из первых упомянул о такой стороне жизни тогдашнего кыргызского общества, как нередкая межплеменная рознь. А описание поля битвы между бугинцами и сарыбагышами является одним из самых ярких в мемуарах путешественника: «Когда многочисленный богинский род с большими потерями взобрался на плоскогорье Заукинского перевала, преследуемый, можно сказать, по пятам сарыбагышами, то он, убедившись в невозможности исполнить свое первоначальное намерение уюкочевать на Нарын, решил повернуть в сторону к востоку по тропинкам, ведущим на Сары-Джас и Кок-Джар, и пробраться на Каркару к кочевьям своего верховного манана Бурамбая, от которого мятежный род так легкомысленно отделился. Но на этом повороте богинцы, ослабленные своими потерями на трудном своем подъеме, были с двух сторон настигнуты отрядами сарыбагышей: Умбеталы, гнавшегося за ним по пятам, и Тюрегельды, обошедшего их со стороны верховьев Нарына. На поляне, на которую мы вышли с подножья ближайшей к окраине вершины плоскогорья, решила участь богинцев после последнего отчаянного боя. Все, что было еще в силах двигаться из их табунов и стад, было отбито сарыбагышами и быстро угнано ими на верховья Нарына, а все, что не могло двигаться, пало в изнеможении на поле битвы, усеяв его своими трупами... День уже склонялся к вечеру, когда мы, обогнув знакомую нам вершину, с ее подножья вышли на «мертвое поле», засыпанное замерзшими трупами, между которыми были и человеческие. Впечатление, произведенное на меня этим полем, было несравненно сильнее, чем впечатление «морга» на Сан-Бернарде. Только тут я глубоко прочувствовал поэтическое обращение великого поэта Пушкина к подобной поляне со словами: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» [1: 177].

Действительно, межродовые усобицы являлись настоящим бичом кыргызов. При этом кокандские ханы не только не прекращали внутренних, межплеменных войн, а, наоборот, обычно поддерживали их и даже нередко сталкивали между собой кыргызские племена, чтобы ослабить их

и держать в полной покорности. Междоусобицы приводили не только к ослаблению кыргызских племен, к упадку и разорению их хозяйств, но иногда и к массовому истреблению одних племен другими, как, например, в войне между племенами бугу и сарыбагыш в середине 1850-х годов.

Присоединение Кыргызстана к Российской Империи в числе одного из положительных последствий имело введение нового административного устройства. Это положило конец междоусобицам и постоянным вооруженным столкновениям кыргызов с их соседями – казахами, народами Западного Китая и т.д. Был сделан серьезный шаг вперед к преодолению обособленности племен, к стиранию племенных и родовых различий [2: 351–352].

Однако, несмотря на прекращение наиболее кровавых проявлений родоплеменной разобщенности, последняя, тем не менее, продолжала сохраняться. Существует она и в наши дни, чаще всего именуясь трайбализмом. В данной статье мы постараемся показать истоки данного явления и проанализировать особенности его существования в современном Кыргызстане.

На протяжении столетий кыргызское общество являлось сугубо традиционным. Для этого типа общества характерно совершенно другое, нежели для общества современного, рыночного, отношение к феномену власти. Род, племя, даже государство строятся здесь по образу и подобию семьи. Люди связаны множеством отношений взаимозависимости. И отношения эти представляют собой несвободную и эквивалентную куплю-продажу, или обмен равными стоимостями. Рынок регулирует лишь небольшую часть общественных отношений. Зато весьма велико значение таких отношений, как служение, выполнение долга, забота и принуждение. Короче говоря, неписанные законы, основанные на этике и межличностных связях, а не абстрактные и стандартные нормы права. По аналогичному механизму выстроены и отношения власть-общество. Имея в качестве образца идеал семьи, традиционное общество порождает патерналистскую (от латинского слова *pater* – «отец») форму власти. Отношения власти и общества в этом случае иерархичны и основываются на авторитете правителя как отца. Да и сам миропорядок, в том числе политический, – это не результат «общественного договора», как в западных государствах и не проистекает из составленной группой лиц Конституции, а освящен свыше, сакрализован. Он как бы является повторением высшего, небесного порядка. Источником легитимности традиционного общества является набор идеалов и ценностей, признаваемых за общепринятые и не подвергаемых проверке через выборы (идеократическое общество) [3: 411–413].

Однако полностью идеализировать традиционное общество, конечно, не стоит. Классическое традиционное общество (то, каким оно было до XX века) просто не в состоянии ответить на многие современные вызовы. Поэтому строить будущее Кыргызстана по дореволюционным лекалам (как призывают некоторые политики), по меньшей мере, недальновидно. Дело в том, что *трайбализм* и является одной из характерных черт классического традиционного общества. Основывается он на следующих «столпах». Во-первых, традиционному обществу присущи идеалы единства, солидарности и коллективизма. Общество и личность здесь нераздельно связаны и создают друг друга (соборность). Человек с традиционным типом сознания лишь частично выделяет себя из социальной группы, где происходит его жизнь. Это различие себя и группы нисколько не нарушает ее единства, а, наоборот, поддерживает и развивает его. Человек чувствует свое тождество с группой, не мыслит существования отдельно от нее, он преисполнен общими интересами, не выпячивает и как бы не ценит свое «я» [4: 128].

Общинные, племенные, кастовые отношения выступают одновременно и как форма внутренней солидарности, и как часть иерархической системы господства и подчинения. Значительное место в системе эксплуатации несут различные формы межличностного господства – от прямого порабощения до установления жесткой иерархии социального престижа. Эксплуатация в традиционном обществе функционирует не в подлинном виде, а принимает облик системы «взаимных обязанностей», в которой вождь, глава рода проявляет «отеческую заботу» или оказывает нижестоящим крайне необходимые или мнимые услуги (одадживает зерно, помогает в трудные минуты, молится). Эти заслуги отплачиваются не только трудом, но моральной признательностью, которая накрепко связывает человека с патриархом [5: 25–26].

Вместе с тем солидарность и коллективизм существовали строго в рамках той или иной группы (община, клан, каста). Отношение к представителям другой группы было либо равнодушным, либо враждебным. Таким образом, можно говорить о *локальной солидарности* (выделено нами – С. К.) и сепаратности первичных групп, в которых четко различаются понятия «свой» и «чужой» [6: 48].

Именно иерархичность, межличностные связи, объединяющие главу рода с остальными его членами, с одной стороны, и локальная солидарность, – с другой, как раз и являются базисом явления, которое принято называть *трайбализмом*. В условиях патриархально-родовых отношений *трайбализм* выступает как его органическая часть, помогающая решать многие проблемы

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

совместного существования общества. Однако в ситуации, в которой сегодня находится Кыргызстан, трайбализм является тормозом развития и опасным анахронизмом. Причем анахронизмом, во многом искусственно возвращенным к жизни в последние два десятилетия. И вот почему.

Опыт строительства собственной государственности у кыргызов пришелся на советскую эпоху. Опыт, надо сказать, уникальный. Конечно, полностью самостоятельным, независимым государством Кыргызстан не был. Так уж сложились исторические условия. Но кыргызское общество сумело значительно продвинуться по пути прогресса. Одной из главных причин этого было то, что советская форма власти не ломала привычное, веками сложившееся понимание того, какова должна быть власть и по каким критериям должна она строиться. Например, Советы создавались (создавались бессознательно, на основании рожденного традицией «чувства власти») по принципу общинных сходов. Правящая партия имела совершенно иной тип, чем конкурирующие на политическом рынке партии западного общества. По сути, КПСС была постоянно действующим собором, представляющим все социальные группы, национальности и территории. Партия выступала хранителем того самого уже упоминавшегося набора идеалов, в который в данном случае входили построение светлого будущего, братство и равенство людей. А ритуал голосований? Это был типично традиционный механизм, где главное – не победа в конкурентной борьбе, а идеалы согласия и единства. До голосования идут и споры, и дискуссии. Именно там принимается решение, приемлемое для всех. А само голосование – это лишь ритуал, символизирующий суть общества: тотальную конкуренцию в одном случае и стремление к единению в другом [З: 41–415].

Но в то же самое время советская эпоха, сохранив то лучшее, что выработало общество на протяжении веков, отбросило все, мешающее прогрессу и построению сильного государства. Например, родоплеменное деление и местничество. Конечно, отклики и пережитки его существовали на протяжении всех семидесяти советских лет, но с ними боролись, их не признавали.

Ситуация изменилась с началом перестройки. Пресловутый «парад суверенитетов» возродил к жизни, казалось, забытые патриархальные обычаи. Трайбализм из преследуемого и изживаемого явления превратился в едва ли не главную основу политического ландшафта, в реальность, проникающую в любую щель нашей жизни. Мы стали свидетелями чудовищного эксперимента. Дело в том, что разбуженная (иногда насильно) архаика соединилась с усиленно перенимаемыми западными образцами. Чем и породила отвратительную смесь.

Испив этого зелья, страна оказалась перед серьезной угрозой надолго завязнуть в болоте отсталости и (на сей раз искусственного) традиционализма.

Какова же формула этого зелья? Первое – патриархальные родовые пережитки. Эта составляющая, так сказать, нижнего, народного уровня. Она может быть довольно безобидной и даже полезной. Например, в виде Совета аксакалов, решающего проблемы села, солидарной взаимопомощи при постройке арыка и так далее. Но безобидной, только если стоящая над ней власть, то есть государственная, ограничивает естественный анархизм этого низового самоуправления и в общих интересах заботиться о благе страны. То есть соединение общего с частным. Только такой подход не ограничивает самостоятельности народа в решении его частных, конкретных проблем, и в то же время гарантирует развитие страны в едином для блага всего народа русле. Так, по сути, и жили все государства традиционного мира – от древнего Китая до Советского Союза. Мы же стали свидетелями обратного. Родовая демократия айлов соединилась с чуждой, опасной для нас практикой Запада, где политика представляет собой стихию рынка – с теми же механизмами и правилами. Лишь продавец и товар иные, чем в сфере экономики [7].

На самом Западе такой подход естественен, выработан в результате *его собственного* развития и не имеет тех отрицательных последствий, какие рождает у нас. Просто традиционной, низовой основы общества ни в Европе, ни в США давно уже нет. Она уничтожена несколько веков назад. В итоге человек там оказался оторван от корней, а общество превратилось в простую совокупность индивидов. Проблемы трайбализма на Западе не существует в принципе. В Кыргызстане же принятие чужих правил игры выпустило из бутылки опасного джинна. В чем нас убеждают уже пятнадцать лет и что усиленно внедряют в практику? Что политика и есть рынок. Что политические партии и лидеры выступают как продавцы политических товаров (более или менее привлекательных программ, лозунгов), стремящиеся найти для этих товаров массового покупателя (то есть избирателя). Используется для этого та же массовая реклама. Поэтому гораздо важнее красочнее преподнести упаковку, на которую, а не на качество товара, и клюет обыватель. Одним словом, чистый рынок, тотальная конкуренция. Главное – не обеспечить качество товара для потребителя, а выгоднее его продать и получить побольше прибыли. Здесь очень отчетливо виден разрыв с вековыми идеалами нашего общества, согласно которым не величина затраченных на раскрутку политика средств является мерилom его ценности, а честность, стремление бороться за народ и правду.

Даже на, казалось бы, благополучном Западе многие эксперты озвучивают опасения, что реальность «политического рынка» уничтожает целостность общества, ставя на его место неупорядоченную мозаику интересов, лишенных какого бы то ни было общего знаменателя. А что тогда говорить о Кыргызстане, в котором эти новые веяния накладываются на не изжитую патриархальную традицию? Под угрозой находится существование государства как единого целого. Перед нами маячит вполне ощутимая опасность распада на роды и регионы, каждый из которых будет лоббировать собственные, узкие интересы. Как пишет Александр Панарин: «В этом случае возникает рассогласованность общественных интересов и поведения, несовместимая с самим понятием политической системы. Здесь общественное производство коллективных социальных благ вообще прекращается, чему сопутствует паралич общественных связей и растущая взаимная отчужденность различных групп общества. Речь идет о возвращении из состояния политической цивилизации в состояние политического варварства и даже дикости» [8: 89].

Каков же выход? Придется ли смириться с трайбализмом как с неотъемлемым атрибутом общественных отношений? На наш взгляд, нет. В эпоху глобальных вызовов мириться с существованием подобного пережитка смерти подобно. Как обществу во многом еще традиционному, Кыргызстану нужна достаточно жесткая вертикаль власти и укрепление позиций государства. Но власть эта должна быть беспристрастной по отношению к местечковым интересам и, главное, отринуть применимость рыночных формул в политике, встать «над схваткой». Взять от традиционной культуры все ценное – коллективизм, солидарность, социальное равенство, – и отбросить отжившее, вредное. Только так возможно избавиться от трайбализма, только так возможно избежать повторения кровавых столкновений, полтора столетия назад описанных П.П. Семеновым-Тянь-Шанским.

Литература:

1. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946.
2. *Джамгерчинов Б.* Присоединение Киргизии к России. М., 1959.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Кн. 1. М., 2002.
4. *Миронов Б.Н.* Историк и социология. Л., 1984.
5. *Ерасов Б.С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982.
6. *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.

7. *Кожемякин С.В.* Трайбализм – уродливое дитя демократии? // Белый пароход. 2007. 28 марта. № 17 (92).
8. *Панарин А.С.* Правда железного занавеса. М., 2006.

В.М. Плоских

К ПРОБЛЕМЕ О ХРИСТИАНСКОМ МОНАСТЫРЕ И МОЦАХ АПОСТОЛА МАТФЕЯ НА ИССЫК-КУЛЕ

Основным мотивом обращения к теме явились незавершенные П.П. Семеновым поиски средневекового христианского монастыря на Иссyk-Куле.

Мы отталкивались от письменных источников (Каталанский атлас 1375 г.), вдохновлялись твердой уверенностью теологов (Митрополит Среднеазиатский Владимир), опирались на все расширяющийся круг археологических артефактов – открытий экспедиции. По нашему предположению, после четырех лет работы, мы нашли место армянского средневекового монастыря (хотя это ещё научная гипотеза).

Согласно историческим преданиям, о которых упоминал П.П. Семенов, именно в монастырской обители на Иссyk-Куле хранились святыи моцци Апостола и евангелиста Матфея, одного из ближайших учеников Христа, составителя первого из четырех евангельских повествований о пришествии Спасителя в мир.

Полтысячелетия никого не интересовали ни озеро, ни монастырь, ни моцци Святого Апостола Матфея. Пока в середине XIX в. русский путешественник П.П. Семенов не увидел атлас в Венеции и не явился на Иссyk-Куль, чтобы найти обозначенный монастырь и моцци. Вот что он сам пишет об этом: *«В бытность мою в Венеции, в начале 1850-х годов на знаменитой Каталанской карте, там сохранившейся, я видел впервые изображение озера Иссyk-Куль, а на северной стороне его изображен монастырь несторианских христиан, бежавших, как известно, из стран ближнего Востока (Сирии и т.д.) в глубь Азии и основавших в XII веке свой монастырь на берегу Иссyk-Куля. Очевидно, что если этот монастырь находился на Кунгее, то основавшие*

его монахи могли выбрать для того себе место на берегу одной из мало-численных бухт Кунгея, защищенной от волнений озера и богатой рыбой. Под эти условия вполне подходит Курментинская бухта, но, к сожалению, я не нашел ни на ее берегу, ни в береговых наносах соседнего берега никаких предметов, оправдывающих мое предположение» [1: 186–187].

Время, да и, возможно, волны Иссык-Куля поглотили древний храм. И никто еще спустя полтора столетия не искал старинную христианскую обитель до тех пор, пока наша историко-археологическая экспедиция Кыргызско-Российского Славянского университета совместно с московскими аквалангистами Конфедерации подводной деятельности России не приступила к ее поиску на берегу и на дне озера Иссык-Куль.

Наш интерес подогрело мнение Митрополита Среднеазиатского Владимира:

«На Киргизской земле нашло посмертное упокоение нетленное тело святого Апостола и евангелиста Матфея, умершего в Сирии. Как известно, мученическую кончину за Христа он принял в Сирии. Оттуда, по-видимому, еще во II или III веке бежавшими от древнеримских гонений христианами честные мощи Апостола были унесены в край, славившийся широкой веротерпимостью. Эта святыня хранилась в монастыре, расположенном на берегу озера Иссык-Куль. Весь христианский мир знал о её местоположении» [2: 22].

Поскольку косвенные свидетельства говорили, что монастырь ушел под воду, мы пригласили к сотрудничеству с нами группу профессиональных аквалангистов во главе с профессором С.С. Прапором из Российской конфедерации подводной деятельности. В 2004 г. в нашу экспедицию по поручению монастырских старцев приезжали иеромонах Матфей (Г.А. Самкулов) из Свято-Никола-Шартомского монастыря и теолог-философ, доктор наук Саврей В.Я. из Института мировой культуры МГУ с целью определить реальность поисков и с духовным благословением.

Во время экспедиции мы тщательно отбирали на берегу и на дне всю керамику, связанную с христианской символикой, не говоря уже о поднятых целых средневековых сосудах. Они представлены разными формами и орнаментом. Собрано немало керамики со дна озера с ярко выраженными христианскими крестиками в виде орнамента.

Сенсационным явилось поднятие со дна большого фрагмента глиняного хума. На нем была четко прочерчена шестиконечная звезда в форме «Маген Давид» («щит Давида»), внутри нее спиралевидные («космические») завитуш-

ки, такие знаки называются гексаграмма. Как символ, гексаграмма использовалась и в раннем христианстве. В христианском искусстве «Звезда Давида» употребляется как символ Ветхого Завета, например, при изображении ветхозаветных патриархов, ветхозаветной Троицы.

В нашем конкретном случае, изображение шестигранника на боковине керамического сосуда со дна озера Иссык-Куль может восприниматься как орнаментальный символ раннего христианства. Хотя, не исключено, он обозначал принадлежность мастера к еврейской местной общине, либо сосуд был привезен как товар по трассе Великого Шелкового пути.

Еще один подобный керамический сосуд хорошей сохранности, с процарапанной шестигранной звездой также был найден на дне озера и в настоящее время хранится в частной коллекции в Бишкеке.

Из-под воды нами были подняты сильно окислившиеся (почти разложившиеся) фрагменты бронзовых зеркал, бронзовые нашивки традиционного тюркского пояса (на одной даже видна арабская надпись в прочтении востоковеда В.Н. Настича: «*барака(т)*» – «*благословение*»). Уникальным представляется сильно окислившийся и покрытый толстым слоем ракушечника и солевых отложений бронзовый сосуд (кумган) карахандидского времени, и другая средневековая керамика, поднятая с глубины 5 м. На некоторых фрагментах – христианские крестики в виде орнамента.

Подтверждением присутствия на территории нынешнего Кыргызстана общины или небольшой группы армянских братьев-христиан является давно и хорошо известная находка надгробия в Чуйской долине. На каменном надгробии изображен украшенный крест, содержащий сокращенную надпись на армянском языке: «*Иисус Христос, Господь Бог*». Вокруг креста (в овале) написано по-армянски: «*Настоятель Иоанн армянский епископ. По армянскому летоисчислению в 772 (т.е. в 1323 г. н.э.) написан этот памятник*». На краю надгробия находится сирийская надпись: «*Это могила Йоханана, армянского епископа*»¹ [3: 344–349].

Направление армянского епископа в Среднюю Азию в начале XIV века не удивительно. Армяне были в рядах монгольской армии. Они торговали в китайских городах. Удивляться приходится лишь тому, что этот епископ вообще путешествовал в начале XIV века через беспокойную Чуйскую долину. Объяснить это может только действительное существование армянского хрис-

¹ Памятник впервые опубликован и расшифрован известным востоковедом Н.Я. Марром.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

тианского монастыря – серьезная причина, которая могла побудить епископа приехать на Тянь-Шань.

Апогеем нашего разведочного полевого сезона 2005 г. явилось убеждение в том, что мы, наконец-то нашли столь ожидаемый мифический монастырь. На берегу Светлого мыса (местность Ак-Булун) третий год экспедицией велись скромные (из-за отсутствия средств) раскопочные работы на Курментинском городище. Соответственно, скромными были и находки. Фрагменты керамики и один целый сосуд, структура стен, планировка городища лишь подтверждали ранее выдвинутую датировку памятника – VIII–XIV вв. н.э.

Недалеке, метрах в 500 к востоку от городища на полуострове «Заячий» к.и.н. А.М. Камышевым и руководителем разведочной группы Василием Плоских обнаружен лаз в катакомбы естественного холма. Внутри холма лаз разветвлялся по нескольким направлениям, которые завершались небольшими комнатками-кельями.

Перед нами воочию предстал древний, типично монастырский катакомбный храм с четко обозначенными монастырскими кельями – пристанищами отшельников-монахов, кельями, типичными для горных монастырей. Если вышеназванное городище включало в себя монастырь за укрепленными стенами, то пещеры могли быть тайным хранилищем реликвий, святынь и, возможно, сокровищ, тем более, что при высоком уровне стояния вод озера полуостров превращался в остров и обнаружить пещеры было практически невозможно.

Весь этот христианский комплекс – пещерный катакомбный храм, средневековое городище Курменты («Светлый Мыс»), остатки первого переселенческого Свято-Троицкого мужского монастыря, сосредоточенный в одном месте требует безотлагательного всестороннего изучения. В первую очередь, археологического, как на суше, так и под водой. Затем реставрации и консервации с целью воссоздания уникального историко-туристического объекта. Он привлечет не только научных специалистов, но и огромное количество паломников христианского мира, да и просто туристов.

Появляется все больше надежды, что ученые в недалеком будущем смогут вернуть человечеству еще одну утраченную святыню – мощи святого Апостола и Евангелиста Матфея. Если гипотетические предположения по поводу нахождения мощей апостола Матфея обретут археологическое подтверждение артефактами, то весь христианский мир обратит взоры к нашей стране. Исык-Куль, да и сам Кыргызстан превратятся в христианскую Мекку.

Впереди новые экспедиции, новые историко-археологические исследования на берегу и на дне озера, новые открытия, в которых я уверен.

Литература:

1. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах. М., 1946.
2. *Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир.* Земля потомков патриарха Тюрка. М.: Издательство Московской Патриархии, 2002.
3. Записки Восточного Отделения Императорского русского Археологического общества. Вып. III-IV, С-Пб., 1897.

В. Бевза

СВЯТАЯ ПАМЯТЬ

Там сегодня народ кыргызстанский
И великой России послы,
Где поставлен Семенов-Тянь-Шанский
И парят в поднебесье орлы.
Здесь историк, писатель, этнограф,
Здесь юннат и седой аксакал
Вспомнят все, как великий географ
С экспедицией здесь побывал.
Описал наши горы, долины,
Рассказал про архара, арчу,
Про народ кочевой, вкус конины,
И откуда бежит речка Чу.
Обитают здесь барс и косуля,
Много трав, есть цветы и плоды,
Описал он красу Иссык-Куля
И целебные свойства воды.
Собрался здесь народ кыргызстанский
Дань отдать экспедиции той
И сказать, что Семенов-Тянь-Шанский
Человек для науки святой.

2007 г.

Г.Д. Джунушалиева

УСОБИЦЫ КЫРГЫЗСКИХ ПЛЕМЕН КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

(по мемуарам

П.П. Семенова-Тян-Шанского)

О междоусобной борьбе кыргызских племен бугу и сарыбагыш, кажется на первый взгляд, написано достаточно. В большей степени о ней писалось как об одном из проявлений трайбализма кыргызов. Целью же данной статьи является попытка рассмотреть племенную распрю с точки зрения социально-психологического анализа конфликта. Понятнейшая схема анализа конфликта включает в себя несколько основных понятий: участники конфликта, условия протекания конфликта, образы конфликтной ситуации, возможные действия участников конфликта, результаты конфликтных действий.

В своем труде П.П. Семенов-Тян-Шанский пишет: «... вследствие продолжительной и кровавой распри между двумя соседними племенами каракиргизов – сарыбагышами (подданными Кокандского ханства) и богинцами (подданными Китая), последние бежали с Иссык-Куля на восток, а первые еще не осмелились занять родовых богинских земель, то-есть восточной половины иссыккульского бассейна». *Участники конфликта*, мотивы и цель усобицы достаточно четко прочитываются в приведенной выше цитате. Племя сарыбагыш стремилось вытеснить племя бугу из бассейна Иссык-Куля. Кроме того, в конфликте принимала участие и третья сторона. Ею был малый род саяков под управлением манапа Алымбека. Численность рода не превышала 500 семей и в политическом плане не имела большого веса, но, тем не менее, этот род сыграл решающую роль в усобице между племенами правого крыла кыргызов. Таким образом, тип конфликта можно определить по схеме «группа-группа».

Условия протекания конфликта. Историческая ситуация была такова: Российская Империя уже ввела в свой состав всю «киргизскую степь»; Китай пытается освоить присоединенные земли Восточного Туркестана, но номинально племя бугу считается его подданными; остается еще одна активная политическая сила – Коканд, пытающийся сохранить свои позиции на севере Кыргызстана. Племя сарыбагыш, как выразитель интересов Кокандского ханства, но не забывающее о своих интересах, также активно действует, правда,

на свой особый манер, специфичный для кыргызов и казахов – барымта. Сарыбагыши предпринимают дерзкие набеги на казахов Большого Жуза и русские торговые караваны, чем влекут на себя ответные карательные рейды отряда Хоментовского.

Образы конфликтной ситуации. Особенности условий протекания конфликта и социокультурные штампы реагирования на социальное напряжение его участников определяют конфликтное поведение сторон. Опосредующим звеном выступают образы конфликтной ситуации, имеющиеся у сторон.

События, приведшие к кровопролитной усобице, складывались следующим образом: на праздник, отмечаемый племенем сарыбагыш, были приглашены другие племена, в числе которых были и бугинцы. Во время игры в национальную игру «ордо» бугинец Чыймыл обыграл сарыбагышей. Ормонхан очень болезненно отреагировал на проигрыш и ответственность за него переложил на плечи манапа Алымбека, чья вина заключалась лишь в тесных дружеских отношениях с сыном манапа Боромбая Омуром (который приходился ко всему еще и зятем Ормон-хану). Ормон-хан требует назад винтовку, подаренную им самим Алымбеку двумя десятилетиями ранее. В запальчивости Алымбек произносит неосторожные слова в адрес одной из жен Ормон-хана и, испугавшись последствий, откочевывает к бугинцам. Боромбай принимает Алымбека и его род, проводит церемонию усыновления. Последнее обстоятельство особенно задело Ормон-хана. На требование возврата беглецов Боромбай ответил отказом. Отказ и явился поводом к кровопролитию.

Исходя из того, как складывался ряд событий, можно предположить, что реальность не могла стать детерминантой конфликтного поведения сторон. Но тем не менее можно выделить этапы того, как формируются идеальные картины конфликта у его участников. Еще одним существенным обстоятельством для понимания причин межплеменной усобицы, которое необходимо принять во внимание с точки зрения социально-психологического анализа конфликтов, является система ценностей традиционного общества, ведущего кочевой образ жизни. Интересам и потребностям племени, вопросам чести племени всегда отдавался приоритет, даже если при их решении могли пострадать семейные отношения или ближайшие родственники.

В реальности конфликтные действия перемежаются с их результатами. Таким образом, и конфликтные действия и их результаты являются составными элементами конфликта.

Последствия конфликтных действий усобицы органично вплетены в сам конфликт. Участники с самого начала имели некоторый образ возможного раз-

вития событий и в соответствии с этим выстраивали свое дальнейшее поведение. Поскольку бугинцы понесли серьезные потери в ходе военных действий и потому не могли далее в том же режиме продолжать сопротивление, то было принято решение ввести третью политическую силу – Россию. В результате чего в 1855 г. первое кыргызское племя бугу добровольно приняло подданство Российской Империи.

Фактически последствия банальной племенной междоусобицы, на первый взгляд, послужил источником дальнейшего социального развития кыргызских племен. С этого момента судьба кыргызов была неразрывно связана с Россией в течение ста тридцати шести лет. И после обретения независимости Кыргызстан продолжает в своей внешней политике ориентироваться на Россию.

Л.Г. Ставская

МУЗЕЙ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО НА ИССЫК-КУЛЕ

«Судьба редко балует человечество, посылая ему то в том, то в другом уголке земли таких людей, которые силою своего духа объединяют вокруг себя тесные ряды бойцов за науку, культуру и просвещение. У нас таким редким человеком и был Петр Петрович Семенов»

А.А. Достоевский
(племянник Ф.М.Достоевского)

Открытие Америки стало символом Великих географических открытий. Об истории открытия Тянь-Шаня знает гораздо меньше людей. И, тем не менее, для человечества это равнозначные события. Тянь-Шань, Хан-Тенгри, Иссyk-Куль – мир будет неполон без них. А всего лишь полтора столетия назад это была «терра инкогнита» – неизвестная земля. Люди в долинах Тянь-Шаня жили с древности, создавая в этом благодатном крае цивилизации с развитой культурой, но памятники древности молчали, а письменные источники были недоступны. Никого из европейских путешественников в ней не было, сведения

о ней были очень скудные, во многом предположительные. Выдающиеся географы XIX века Карл Риттер и Александр Гумбольдт полагали, что Тянь-Шань страна потухших, а может быть и «живых» вулканов и, следовательно, горы вулканического происхождения. А. Гумбольдт говорил, что «только тогда умрет спокойно, когда ему привезут несколько обломков скал Тянь-Шаня». Свою мечту увидеть и понять эти высочайшие в мире горы он передал как завещание Петру Петровичу Семенову.

П.П. Семенов был отважным путешественником, теоретиком и пропагандистом географии, а также великолепным ученым-организатором, в течение ряда десятилетий возглавлявшим Русское Географическое общество и статистическую службу в России. Он известен и как ботаник, зоолог, и как экономист и статист, и как знаток живописи. Им была воспитана целая плеяда знаменитых русских путешественников, организованы экспедиции Кропоткина, Черского, Пржевальского, Потанина, Певцова, Миклухо-Маклая и многих других исследователей.

«Люди воспитываются не проповедями и не нравочениями, а примерами. Жизнь же Петра Петровича и есть блестящий пример того, какую огромную пользу приносит человек непрерывным трудом своим, умением использовать каждую свою способность и твердой волей достигать поставленные задачи», – отмечал Ю.М. Шокальский в речи на торжественном заседании Географического общества, посвященном 100-летию со дня рождения П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Интерес П.П. Семенова к странам Азии пришел во время перевода и дополнения «Землеведения Азии» К. Риттера. (Семенову было поручено систематизировать научную библиотеку Географического общества). После выхода первого тома «Землеведения Азии», Семенов подает просьбу о снаряжении экспедиции на Алтай и некоторые районы Средней Азии по сбору дополнительного материала для второго тома. Ответ Географического общества был положительный, и, кроме того, РГО постановило не стеснять Семенова никакой программой, хотя были сомнения относительно возможностей проникновения так далеко в глубь азиатского материка. В начале 1856г. Семенов выехал из Петербурга. Впоследствии П.П. Семенов писал: «Манил меня в особенности самый центральный из азиатских горных хребтов – Тянь-Шань, на который еще не ступала нога европейского путешественника, и который был известен только по скудным китайским источникам».

Экспедиция началась с Омска летом 1856 года. Два года экспедиции были необычайно насыщенными: ученый объехал Алтай, степи Северного и Вос-

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

точного Казахстана, горы Джунгарского Алатау, посетил Верный и еще до наступления зимы успел совершить первую экспедицию на Иссык-Куль. Первые же открытия были новым словом в науке:

1. Озеро Иссык-Куль не имеет стока, не питает реку Чу.
2. Река Чу образуется из рек, берущих начало из ледников и вечных снегов Тяньшанских хребтов и, подходя к озеру, река делает крутой поворот и врезается в Боомское ущелье вдоль северной окраины Иссык-Кульской котловины.
3. Осмотрены Кунгей Ала-Тоо и Терской Ала-Тоо.

Экспедиция была продолжена в 1857 году, когда Семенов поднялся к истокам Нарына, вышел к бассейну Тарима, исследовал северные склоны Кунгея и Заилийского Алатау.

Исследования П.П. Семенова произвели настоящий переворот во взглядах на эту огромную горную систему. Он впервые дал действительную картину внутренней части Азиатского материка. П.П. Семенов доказал, что никаких следов вулканической деятельности на Тянь-Шане нет. Он обследовал 23 горных перевала, определил высоту 50 вершин, собрал 300 образцов горных пород, более 1 000 видов растений, в том числе много неизвестных науке форм, собрал прекрасные коллекции насекомых и ископаемых моллюсков, а также большой этнографический материал. В 1946 году вышла книга «Путешествие в Тянь-Шань».

Семенову-Тян-Шанскому принадлежит основная заслуга в географических исследованиях Тянь-Шаня и его открытие для науки в целом. Его путешествие было первым. За ним последовали Северцов, Мушкетов и др.

Заслуги Семенова в изучении Тянь-Шаня были высоко оценены всей мировой наукой. Он был избран почетным или действительным членом многих географических обществ, некоторые отметили его труд медалями. В 1906 году ему была присвоена почетная фамилия Тянь-Шанский.

Во время своего путешествия в Тянь-Шань Семенов встретил Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова, которые благодаря ему стали знаменитыми путешественниками-исследователями. Все лучшие научные предприятия Географического общества, самые знаменитые экспедиции были совершены в то время, когда обществом руководил П.П. Семенов. Это и исследования Азии Г.Н. Потаниным, Н.М. Пржевальским, Г.Е. Грум-Гржимайло, М.В. Певцовым, В.И. Роборовским и др.

В 1982 году на Иссык-Куле при выходе и Боомского ущелья, там, где когда-то проходил маршрут экспедиции, был установлен памятник П.П. Семенову.

ву Тянь-Шанскому. Исследователь очарован открывшейся ему картиной озера в окружении снежных гор-великанов. Он подставляет лицо встречному ветру и готов идти к новым открытиям. Так и остались они навсегда вместе – путешественник и открытая им горная страна – Тянь-Шань.

Но вот только сейчас путешественник для многих кыргызстанцев и туристов стал безымянным и молчаливым. А ведь здесь у подножия памятника начинается озеро Иссык-Куль, берут начало Кунгей Ала-Тоо и Терскей Ала-Тоо, хребты, за которыми лежит Тянь-Шань – чудесные творения природы, увидеть которые и узнать стремятся тысячи людей со всех уголков земли. Но, к сожалению, Тянь-Шань для них снова «терра инкогнита», т.к. круг доступных источников оказывается очень ограниченным. Научная литература – в библиотеках. Историко-краеведческий музей-заповедник г. Чолпон-Ате рассказывает об историческом прошлом края, но совершенно нет сведений о геологической истории Тянь-Шаня и Иссык-Куля, неоткуда узнать об уникальной растительности и животном мире Притяньшанья. Заполнить этот вакуум информации должен краеведческий музей, экспозиции которого и ответят на эти вопросы, а также расскажут об истории открытия и изучения Тянь-Шаня. И музей по праву будет носить имя П.П. Семенова-Тянь-Шанского. В целом Музей Семенова-Тянь-Шанского в Балыкчи, историко-краеведческий музей-заповедник в Чолпон-Ате и музей Н.М. Пржевальского в г. Караколе создадут единый многопрофильный музейный комплекс Иссык-Куля, что, безусловно, будет способствовать дальнейшему изучению края и эстафета, переданная нам из XIX века П.П. Семеновым и целой плеядой замечательных исследователей Тянь-Шаня будет продолжена.

Р. Ш. Зайнулин

ВЕНГЕРСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

«Страну ваших детей должны вы любить: эта любовь да будет вашим новым аристократизмом, – страну, еще не открытую, лежащую в самых далеких морях! И пусть ищут и ищут ее ваши корабли!»

Ницше

Существует целый ряд различных предположений относительно происхождения венгров. Самое основательное предположение – тюркский элемент.

У венгров никогда не пропадал интерес к своим восточным корням, и в XVIII в. началась серия основательных исследований. Поиск своей родословной, исторических корней привел в 1819 г. известного ученого Шандора Кереси Чома к Тибету и Индии. Его исследования продолжили Арми Вамбери, самый последовательный сторонник тюркского происхождения венгров, востоковеды Уйфалви, графы Сечени и Алмаши, Хунфалви и другие. Их исследования представляют большой интерес не только для венгров, но и других народов Востока, в том числе для кыргызов и казахов. В пользу единых корней тюркских народов и венгров говорит и тот факт, что множество венгерских слов схожи с тюркскими словами. Например: аня – анна (мать), киш бөбе – бөбек (дитё), фесик – бесік (колыбель) и т.д. Есть слова, которые на венгерском и казахском и кыргызском произносятся совершенно одинаково: алма – алма, балта – балта.

На рубеже 19 и 20 вв. исследования среди кыргызов стали важной частью научного поиска оставшихся на востоке венгров древней прародины. Культура и общество кыргызов интересовали венгерских ученых по двум причинам. Такие исследования, прежде всего, могли бы выявить новые материалы для определения хронологического порядка и географической локализации слияния оставшихся на востоке венгров, а также для культурологического определения слившихся с венграми кунов. С одной стороны, согласно легенде, венгры с левобережья Волги (на них в 1235 г. набрел монах Юлиан, который искал следы оставшихся в Сибири венгров) по всей вероятности после татаро-монгольского нашествия слились с соседствующими кипчаками – тюрко-язычным башкирским народом и казанскими татарами. С другой стороны, кипчаки-куманы (по-

ловцы – кипок), гонимые войсками Чингисхана и пришедшие в бассейн Карпат как предвестники татарского нашествия, благодаря венгерскому королю Бела Четвертому осели на территории Венгерского Королевства.

Также следует сказать о большом вкладе венгерских ученых в изучение центрально-азиатских этносов. Дёрдь Алмаши, например, пишет о роли венгерских путешественников на Востоке: «Мой народ тоже отпрыск востока, и корни его прежде всего следует искать на среднеазиатской родине тюркских народов. Венгерские былины гласят о племени, с которым нас связывает кровное родство, и которое – оставшись на земле предков – сохранило нетронутыми язык, обычаи венгров; на протяжении долгих столетий венгерские путешественники мечтали о том, что эта древняя прародина, этот оставшийся родственный народ найдется и можно будет заново связать давно разорванные узы. Уже одно то, что история азиатских открытий пестрит именами венгерских путешественников, совершавших свои экспедиции во времена, совсем не благоприятствовавшие таким идеальным устремлениям, может служить подтверждением именно этой мечты: найти потерянный родственный народ».

Алмаши следующим образом оценивает деятельность своих предшественников, исследователей Востока: «Шандор Кёрёши Чома, Йернеи, Дука, Оноди, Берзенцеи, Регули – все они так или иначе были проникнуты духом древних традиций, так что их самоотверженные поиски естественно заканчивались разочарованием: оказывалось, что ходили они по фальшивым следам. И пусть своей цели они так и не достигли, и родственный народ им найти не удалось, их устремления не были тщетными. Те ценные сведения, которые они привезли с собой и которые, собственно, и разрушили их надежды, сегодня составляют львиную долю наших важнейших познаний о Центральной Азии».

Исследования кыргызов, основанные на личных наблюдениях, являются традиционной областью венгерской ориенталистики. Уйфалви достаточно подробно описывает Ферганскую долину и город Ош. Дёрдь Алмаши был первым исследователем, который несколько раз возвращался к любимым им кыргызам и проводил среди них достаточно много времени. Алмаши изложил свои наблюдения в большой монографии. Дюлю Принца влекло к неизведанным вершинам Тянь-Шаня и Памира стремление к географическим открытиям и решению географических вопросов. Аурел Штейн, несмотря на то, что он лишь проехал по кыргызской земле, через Ферганскую долину и Памир, обогатил описания предшественников ценными наблюдениями. Сибирские и среднеазиатские контакты, узы важны для венгров по нынешний день.

Мир постоянно меняется, преобразуется в соответствии с требованиями времени. Достижения венгерских исследовательских школ передаются новым поколениям, новые познания – из-за специфически венгерской формулировки вопросов – могут опираться на уже познанное. Непрерывное внимание к прошлому создает живую связь между ним, настоящим и будущим.

С.А. Щербакова

**М.И. ВЕНЮКОВ
О КАРТОГРАФИРОВАНИИ ИССЫК-КУЛЯ
И ГРАНИЦЕ С КИТАЕМ**

Михаил Иванович Венюков (1832–1901 гг.) – выдающийся ученый–географ и путешественник, революционный демократ и публицист, посвятивший всю свою жизнь преимущественно изучению Азии. Круг его интересов наряду с Приамурьем, Приморьем и другими регионами России распространялся также и на территорию Средней Азии – Заилийского края, оз. Иссык–Куль, верховьев р. Чу (1859–1860 гг.).

Тема азиатских границ империи была одной из главных в творчестве М.И. Венюкова. О российском движении на Восток Венюков рассуждал с точки зрения «естественной истории человека», утверждая историческое право русского народа на такое движение, которое заключает в себе акт восстановления или распространения арийской расы в странах, «которые долгое время были под владычеством народов тюркского и монгольского корня».

С 1820-х годов, с реформ М.М. Сперанского, начинается очередной этап наступательного движения на юг, который характерен «завоеванием» уже ранее присоединенной казахской степи, когда фиктивное подданство казахов было решено превратить в действительное. Хотя, как утверждал Венюков, у России был исторический шанс остановиться на северной окраине голодной и безлюдной степи, но судьба влекла ее дальше «с какою-то роковою неотразимостью». Старший казахский жуз присягнул на подданство России, русские войска двинулись дальше к нижнему течению Сыр-Дарьи. Теперь империи пришлось иметь дело уже не только с кочевниками, но и с оседлым населе-

нием Средней Азии. «Это был второй роковой шаг», после которого уже не было поворота назад, что означало бы потерять влияние на азиатов, «которое можно поддерживать только непрерывными успехами»; «Тут начало системы, которая привела нас за Балхаш, к Или, к Алатау и наконец в Небесные горы и в Туркестан», – заключал Венюков. Впрочем, и сам он оказывался заложником широко бытовавшего убеждения, заявляя, «что раз ступив на какую-нибудь почву с оружием в руках, мы не можем уже отказаться от нее без явного ущерба своему нравственному влиянию даже на собственных подданных – азиатцев». Говоря о продвижении Российской Империи на юг и отвечая на вопрос: «Зачем нам Бухара, зачем Туркмения, зачем Бадакшан? Мы и без того зашли в Средней Азии дальше, чем нужно?», Венюков объяснял, что нас влекут туда «законы больших исторических движений», которые также «непреложны, как законы мира физического». По словам Венюкова, безрезультатны «все усилия разных администраторов и дипломатов положить предел русскому движению» к естественным границам. География будет сильнее доводов политиков, пока российская граница в Средней Азии «остаётся на воздухе».

Вопрос естественных границ Российской Империи на юге был связан также со взаимоотношениями с Циньким Китаем, который в то время был крайне нестабилен в плане бунтов и восстаний. Анализируя российско-китайские отношения, Венюков не ограничивается историей дипломатических контактов, а выстраивает новую евразийскую геополитическую конструкцию. Замысел ее заключался в следующей трактовке мировой исторической роли этих двух соседних империй. С высшей точки зрения Россия и Китай географически связаны противостоянием общим противникам: англичанам и мусульманам-кочевникам, и если «какому-нибудь из них удастся одолеть одну из двух соседних азиатских империй, другая в непродолжительном затем времени изнеможет сама собой». Ради нашей же безопасности «нам необходимо задуть всякий революционный пожар» в Китайской империи, разжигаемый варварским кочевым населением. При ослаблении Китая на Россию падет «тяжкая обязанность держать в порядке этот варварский мир». В этом заключена «несчастливая доля» России, «историческое тягло», наложенное на нас со времен нашествия Батыя, а затем и свержения татаро-монгольского ига и дальнейшей борьбы за наследство Золотой орды. Между этими событиями существуют «роковые связи», неизбежно влекущие нас все дальше в глубь Азии. Отливная волна сменилась приливной, и нам нужен «прочный берег», на котором бы Россия сошлась с другим цивилизованным народом. В противном случае появится какой-нибудь новый Тамерлан, «который опустошил бы и Азию, и Европу».

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

М.И. Венюков как путешественник и географ в свое время исследовал озеро Иссык-Куль и собрал сведения о его гидрографической связи с рекой Чу.

Результаты исследований озера в плане геологии и гидротехники, состава воды, подводного рельефа озера, береговой зоны и ее изменений, исследования природы края, этнографические исследования Прииссыккуля, археологические работы и исторические исследования внесли неоценимый вклад в изучение историко–культурного наследия Кыргызстана, природных, географических, геологических, водных и других ресурсов Иссык-Кульской котловины.

*Иван
Фукалов*

КАРЛ РИТТЕР – НАУЧНЫЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Карл Риттер – величайший географ нового времени. Отец Риттера долго не хотел, чтобы его сын посвятил свою жизнь географии, но молодой Карл старательно и упорно учился и, в конце концов, сумел закончить Берлинский университет со специальностью «Землеведение». В 1798 – 1814 гг. совершил несколько путешествий по Швейцарии, Савойе, Франции и Италии.

В 1820 г. стал профессором Берлинского университета и вскоре был избран членом Академии наук; был также директором (по части преподавания) кадетского корпуса. Главный труд Риттера, оставшийся неоконченным: «Die Erdkunde im Verh ält niss zur Natur und zur Geschichte des Menschen oder allgemeine vergleichende Geographie» («Исследования природы и ее строения под названием география», Берлин, 1817–1818). Во втором издании он был им переработан по значительно расширенному плану: 1-й том (2 изд. Берлин, 1822) всецело посвящен Африке, рассматриваемой как обособленное целое, следующие 9 томов, распадающиеся на 19 частей (Берлин, 1832–1859), представляют собой описание Азии, и то не доведенное до конца. Часть его переведена на русский язык под заглавием: «Землеведение Азии К. Риттера. География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею» (С-Пб., 1867–1879); продолжение к этому изданию, под тем же заглавием (С-Пб., 1894–1895), содержит новейшие сведения о Саянском нагорье, о Байкальских горах и Байкальском озере. Оно составлено по поручению Русского Географического общества П.П. Семеновым, И.Д. Черским и Г.Г. фон Петцем. Другие труды Риттера: «Europa, ein geogra phisch-historisch-statistisches Gem ä lde» («Европа, ее географическое, историческое, статистическое строение». Франкфурт, 1804–1807), «Vorhalle europ ä ischer Vö lkerge schichten von Herodot» («Европа и ее исследования по Геродоту». Берлин, 1820), «Die Stupas oder die architektonischen Denkmale an der indobaktrischen Kö nigsstrasse und die Kolosse von Vamiyan» («Ахтохтоны индобактрийцы и их пути переселения». Берлин, 1838). Очерки Риттера по вопросам географии, появившиеся в изданиях Ака-

демии, собраны под заглавием: «Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung d. Erdkunde» (Берлин, 1852; переводились на русский язык Фроловым во II томе его «Магазина землеведения»). Для пояснения своей «Erdkunde» Риттер, в сотрудничестве с Этцелем (Etzel), составил атлас, который продолжали Гримм, Мальман и Даниэль.

После смерти Риттера изданы Даниэлем и переведены на русский язык Я. Вейнбергом (М., 1864) его лекции: «Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen» («Землеведение и минералогия». Берлин, 1861; 2 изд., 1880), «Allgemeine Erdkunde» («Минералогия». Берлин, 1862) и «Europa». Берлин, 1863). Ваппеус обнаружил его переписку с минералогом Гаусманом (Лейпциг, 1879).

На родине Риттера, в Кведлинбурге, ему поставлен памятник. В честь его в Берлине и Лейпциге учреждены «Karl Ritter-Stiftungen», имеющие задачей развитие географических знаний. Биография Риттера написана G. Kramer (2 изд., Галле, 1875; по рукописям Риттера) и W. L. Gage (на английском языке, Л., 1867). Риттер – автор таких афоризмов как:

«Природа во всем действует постепенно, и больше тайно, чем открыто. Отношения и влияния везде глубже и проще, чем кажутся при своем разнообразии, простираются удивительно далеко и чреватые последствиями».

«Географические науки имеют предметом пространства на земной поверхности».

Карл Риттер обосновал идею иерархического деления карты мира на континентальную (сухопутную) и морскую (водную) части, а границу между ними провел в виде большого полукруга через Перу в Южной Америке и через южную часть Азии. Также он основал теорию географического детерминизма.

Географический детерминизм (от лат. Determino – определяю), социологическая концепция, пытающаяся объяснить явления общественной жизни особенностями природных условий и географическим положением страны или района. Представители видят в географической среде или её отдельных элементах определяющую силу развития человеческого общества. На эту теорию впоследствии смогут опереться такие великие ученые как Семенов, Гумбольдт, Гумилев. Риттер – автор многочисленных теорий, которые сподвигли множество исследователей на поиски и открытие тайн планеты Земля.

Многие из теорий Риттера оказались верны: наличие паковых льдов в Арктике, вулканическое происхождение островов Исландии и Индонезии, разломы на шельфе между Америкой и Азией – предшественники современ-

ной тектологии – науки о тектоническом происхождении Земли. Некоторые оказались неверны: например, о вулканизме Тянь-Шаня, которая впоследствии была опровергнута П.П. Семеновым. Ведь тогда считалось, что практически все горные массивы на Земле образовались вследствие вулканизма еще с палеозойской эры.

Риттер так и не сумел посетить Тянь-Шань, но благословлял на экспедицию Семенова, понимая, что лишь исследования помогут определить сущность Тянь-Шаня.

Он знал цену экспедиции, и может по праву считаться научным предшественником П.П. Семенова-Тян-Шанского.

*Нурия
Алышбаева*

**П.М. КОШАРОВ – ХУДОЖНИК
ЭКСПЕДИЦИИ
П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО**

П.М. Кошаров родился в 1824 г. в семье дворового человека князей Голицыных, в селе Ивановском Владимирской губернии Покровского уезда. В пятнадцать лет он получает «вольную» и поступает в следующем году в Академию художеств. А.В. Адрианов указывает, что сначала Кошаров получил образование в Институте Гражданских Инженеров, где приобрел звание архитектора, а уж потом продолжил обучение в Академии художеств. После краткого вводного курса художник был переведен в натурный класс к К.П. Брюллову. Из-за недостатка материальных средств Кошаров в 1846 г. обратился в департамент народного просвещения с просьбой направить его учителем в Симферопольскую гимназию. Помимо преподавания художник совершенствует свои навыки, посещает мастерскую И.К. Айвазовского. В 1850 году он возвращается в Петербург, занимается перспективной живописью у М.Н. Воробьева, а в следующем году уезжает в Томск учителем рисования.

В начале 1857 г. П.М. Кошаров получает приглашение путешественника-географа П.П. Семёнова принять участие в его экспедиции по Тянь-Шаню в качестве художника. Ученый придавал большое значение художественной зарисовке ландшафтов. Их встреча состоялась в Семипалатинске. На протяжении всей экспедиции по Тянь-Шаню Кошаров был рядом с Семеновым и разделял, как писал позднее знаменитый путешественник, «с редким самоотвержением все трудности, лишения и опасности пути...». «В снятии видов он был неутомим, тем более что дикая величественная, чаще всего наводящая ужас, природа этого центра Азии не могла не пробудить полной энергии в душе всякого, кто только способен сочувствовать красотам природы». Во время экспедиции по Тянь-Шаню художником была создана, по выражению Семенова, «отборная коллекция самых замечательных ландшафтов», а также целая коллекция рисунков домашней утвари и одежды киргизов, много киргизских типов.

Рисунки, из которых составлен альбом П.М. Кошарова, сделанные им около ста лет тому назад, представляют большую научную ценность в качестве документального источника для познания исчезнувших форм киргизского (а отчасти и казахского) материального производства. Тщательность и точность, с какими автор альбома стремился воспроизвести различные стороны жизни киргизского и казахского населения, усиливаются благодаря тому, что свои рисунки он сопровождает хотя и краткими, но чрезвычайно важными пояснениями, которые сами по себе имеют серьезное познавательное значение.

Умер художник в Томске 26 сентября 1902 г. Имя его приобрело известность не только в Томске, но и на просторах всей Сибири. В истории сибирского пейзажа второй половины XIX в. Павел Кошаров занимает своё, пусть скромное, но неповторимое место.

***Анастасия
Парасухина***

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ИССЫК-КУЛЬ Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА (1855 г.)

Заметный след в изучении историко-культурного прошлого кыргызского народа оставил Чокан Чингисович Валиханов. Штабс-ротмистр, выдающийся военный востоковед, казахский просветитель-демократ, путешественник, этнограф, историк и публицист, действительный член Императорского Российского Географического общества (ИРГО).

Он родился в Кокчетавской области Казахстана, в семье внука хана Аблая, принявшего русское подданство еще в 1740 г. В годы учения в Омском кадетском корпусе (1847–1853) Валиханов проявил глубокий интерес к истории и культуре народов Средней Азии. По окончании корпуса в составе экспедиции побывал на территории современного Кыргызстана, в китайском городе Кульдже, в Кашгарии.

Первая русская экспедиция по исследованию территории Кыргызстана носила военно-научный характер. Она преследовала, прежде всего, военно-политические цели: укрепление позиций России в Прииссыккулье, противодействие захватническим устремлениям Кокандского ханства и правителей Цинской империи, примирение враждующих киргизских племен бугу и сарыбагыш. Одновременно экспедиция намеревалась произвести топографические съемки, естественно-научные и историко-этнографические наблюдения.

Экспедиционный отряд выступил из Верного 10 мая. Его возглавил пристав Алатауского округа полковник М.М. Хоментовский. В состав отряда входили: руководитель съемочно-геодезических работ при штабе Отдельного Сибирского корпуса Г.К. Сильвергельм, молодой казахский ученый, поручик Ч.Ч. Валиханов, начальник топографической партии Яновский, переводчик И. Бардашев, топографы А. Вараксин, А. Коновалов.

Проследовав вдоль северного подножья хребта Заилийский Алатау и обогнув восточную оконечность хребта Кунгей Ала-Тоо по перевалу Санташ, экспедиция 29 мая достигла озера Иссык-Куль у устья реки Тюп. В течение июня экспедиционный отряд проводил наблюдения, вел сбор материалов по флоре

и фауне, о гидрометеорологических и экономических условиях, истории, культуре, жизни и быте местного населения.

Особое значение имели исследования Ч. Валиханова. Ему хотелось побывать в кыргызских аилах, поближе узнать их жизнь, изучить язык, быт, записать легенды и т.д. И поэтому, отделившись от отряда, оставшегося на Кунгее, Чокан отправился в Терскей, в аил Боромбая Бекмуратова, верховного манапа племени бугу. Чокан знакомится с жизнью и бытом бугинцев, первыми среди кыргызов принявших в 1855 г. русское подданство. Беседуя с Боромбаем, он выясняет структуру родоплеменного деления, роль манапства в жизни общества, делает карандашные зарисовки этнографических сюжетов, рисует портрет самого Боромбая.

В 1855 г. в долине реки Тюп Валиханов записывает от кыргызского ырчи (певца) отрывок из эпоса «Манас» – великого историко-эпического памятника устно-поэтического творчества кыргызов. Он записал впервые по-кыргызски и в переводе на русский язык один из его центральных эпизодов – «Смерть Кукетей-хана и его поминки», – имеющий определенное значение для уяснения некоторых моментов кыргызского этногенеза. Исследования Ч. Валиханова открыли для науки героический эпос «Манас» и положили начало разработке проблем манасоведения.

Кроме того, в эту поездку он записал исторические предания кыргызов, относящиеся ко времени их борьбы с ойратскими феодалами и помогающие идентифицировать отдельные места и исторические события тех времен. В его дневнике немало заметок по исторической топонимике, о надгробных сооружениях кыргызов и их религиозных воззрениях.

С первой поездкой на Иссык-Куль у Валиханова связано и начало работы «Дневник поездки на Иссык-Куль» – большой очерк, живое описание природных явлений, быта и обычаев местного населения, памятников материальной культуры Восточного Прииссыккулья и части Заилийского края, данное в виде ежедневных наблюдений в пути его следования. Еще большую ценность представляли «Записки о киргизах». В них содержатся ценные сведения об истории и исторических преданиях кыргызов, материалы по их расселению, экономике и общественному быту, обычаям и языку, а также родословные таблицы. Другая из ранних работ Ч. Валиханова – «Киргизское родословие» – отражает интерес ученого к истории родного народа и выяснению его этнической близости и давних связей с киргизами. В ней, как и в ранее написанных «Исторических преданиях о батырах XVIII в.» (1855–1856 гг.) и «Песне об Аблае» (1855 г.), сообщаются сведения из истории киргизско-казахских взаимоотноше-

ний в XVIII в. Материалы Иссык-Кульской экспедиции вошли в другие труды Валиханова, в т.ч. в «Очерки Джунгарии» (1861 г.).

История и культура кыргызов в 50–60-е гг. XIX в. находит отражение в трудах Ч.Ч. Валиханова. Благодаря яркой и результативной востоковедческой деятельности Валиханова историческое кыргызоведение поднялось выше на целую ступень.

***Нурсулу
Эшимбекова***

В.В. РАДЛОВ И ПЕРВЫЕ ЗАПИСИ ЭПОСА «МАНАС»

Василий Васильевич Радлов (Вильгельм Фридрих, 5 января (17 января 1837–12 мая 1918) – российский востоковед, этнограф, археолог и педагог немецкого происхождения, один из основателей сравнительно-исторического изучения тюрских языков и народов.

Он родился в Берлине, в семье городского комиссара полиции. По окончании гимназии поступил в 1854 г. на философский факультет Берлинского университета. Первоначально увлекался теологией и гербартианством, но вскоре заинтересовался сравнительно-историческим языкознанием. Увлечшись востоковедением, стал учеником географа К. Риттера, начал брать уроки восточных языков у Х. Штейнталя, В. Шотта. Под влиянием последнего у В.В. Радлова сформировался интерес к уральским и алтайским языкам, и он принял решение отправиться в Россию с целью их изучения.

В июне 1858 г. прибыл в Санкт-Петербург для занятий при Азиатском музее, имея при себе рекомендательное письмо от В. Шотта. В Петербурге В.В. Радлов встретился с российским дипломатом бароном П.К. Мейендорфом, который предложил ему занять место преподавателя немецкого и латинского языков в Барнаульском Высшем горном училище, вскоре преобразованном в полную гимназию. Это позволило В.В. Радлову изучать языки Алтая непосредственно в языковой среде.

11 мая 1859 г. В.В. Радлов принял присягу на верность и подданство России, и с этого дня Фридрих Вильгельм Радлов стал Василием Васильевичем Радловым. 14 мая того же года он получил официальное назначение в Барнаул. На Алтае В.В. Радлов начал целеустремленное изучение местных тюркских языков, фольклора и истории. Летом 1860 г. он использовал свой отпуск для поездки в Бийск, где собирал языковой материал в полевых условиях. Ему удалось убедить зайсана прислать с Алтая в Барнаул местного жителя для занятий с ним языком. Днем Радлов преподавал в окружном горном училище, а по вечерам занимался с информантом. В течение зимы 1860–1861 гг. он достаточно продвинулся в освоении разговорной речи для того, чтобы быть в состоянии общаться с местными жителями во время ежегодных летних поездок. Аналогичным образом он овладевал и другими местными наречиями. Со временем Радлову удалось побывать в Средней Азии и расширить круг изучаемых языков. По истечении пятилетнего срока командировки ученый отправился в Петербург, чтобы продлить её. Пребывание в Петербурге Радлов использовал для расширения научных знакомств.

Начало систематическому собиранию и целенаправленному изучению В.В. Радловым этнографии, фольклора и киргизского языка было положено двумя его поездками в Семиречье. В 1862 г. он записал на Каркаре один из эпизодов эпоса «Манас», а в 1869 г. ему удалось собрать среди северных киргизов обильный материал по национальному эпосу, важный и для изучения языка, поэзии и исторических преданий киргизского народа.

Первым, кто записал эпизоды всех трех частей «Манаса» и высказал свое мнение по различным научным проблемам эпоса, был академик В.В. Радлов. В 60-х гг. XIX в. он несколько раз с научной целью посетил Кыргызстан и записал тексты «Манаса», которые опубликовал в 1885 г. в Санкт-Петербурге на киргизском языке в русской транскрипции. Свой перевод «Манаса» на немецкий язык В.В. Радлов издал в том же 1885 г. в Лейпциге.

Общий объем опубликованных В.В. Радловым текстов на киргизском языке составляет 12 454 стихотворных строки, из которых 9 449 относятся к содержанию основной части эпоса «Манас». Данный вариант записи эпоса имеет огромное значение для его изучения. Записывая тексты «Манаса», исследователь стремился сохранить точность слов. По этому поводу В.В. Радлов писал: «Так как главная моя цель состояла в собирании необходимого материала для изучения каракиргизского наречия, я мог довольствоваться записыванием значительного числа текстов в том виде, в каком они были продиктованы певцами. Поэтому я и не обращал внимания на встречающиеся варианты и противоре-

чия и не сокращал диктуемого для избежания повторения. Но я думаю, что я, таким образом, мог представить состояние настоящей эпохи».

В.В. Радлов особо выделял специфические черты кыргызских героических эпосов, связанные с историческими особенностями жизни и быта кыргызского народа, с его сильно развитым чувством родины, отечества. Текст эпоса «Манас», письменно воспроизведённый В.В. Радловым, стал объектом исследования зарубежных фольклористов и этнографов. Так, например, венгерским учёным Г. Алмаши (1911 г.) и русским этнографом-художником Б. Смирновым (1914 г.) были записаны отрывки из эпоса «Манас» и выпущены отдельной книгой.

В.В. Радлов видел в эпосе «Манас» «поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа».

Роман Плахтий

РУССКИЕ ВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ТЯНЬ-ШАНЯ

Исследованием Тянь-Шаня и Центральной Азии занимались многие русские ученые-исследователи, но большой вклад в развитие этого дела внесли военные, офицеры Российской Империи. Наиболее известные из них Валиханов Ч.Ч., Пржевальский Н.М., Козлов П.К., Певцов М.В. и многие другие. Всех их связывало одно – страсть к путешествиям и исследованиям неизвестного.

Центральная Азия, по которой в то время проходили наземные, караванные пути из Индии в Европу, на которой располагались ветви Великого Шелкового пути, была известна мало, а если точнее – почти неизвестна. Первым начал исследовать эту территорию Валиханов Ч.Ч. После него этим занялись другие.

Ниже приводим краткие биографии военных-исследователей.

Валиханов Чокан Чингисович (1835–1865)

Выдающийся казахский ученый, путешественник, востоковед, историк, публицист, этнограф и фольклорист.

В 1858 г. после пятилетней службы в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, связанной с участием в экспедициях в Джунгарию, на озеро Иссык-Куль и Кульджу, своими способностями обратил на себя внимание П.П. Семенова-Тянь-Шанского. По его рекомендации получает секретное поручение проехать в Кашгарию, закрытую для европейцев. В этом же году под видом мусульманского купца он проходит через Тянь-Шань и живет в Кашгаре, где собирает материалы по этнографии Восточного Туркестана и истории Алтышаара.

По возвращении из Кашгара, в течение года (1860–1861) жил в Петербурге, работал в Главном штабе над подготовкой к изданию карты Азии, участвовал в работе Русского Географического общества, слушал лекции в университете и обрабатывал собранные материалы по истории и этнографии неизвестного тогда края. Валиханов дал ценные исторические, этнографические, статистические и общегеографические описания Кашгарии. Этот значительный научный труднискал молодому ученому общее признание. В 1860 году в Петербурге Валиханов избирается членом Русского Географического общества. Заболевание туберкулезом вынудило Валиханова возвратиться на родину.

Козлов Петр Кузьмич (1863–1935)

Исследователь Центральной Азии. Сын гуртовщика, занимавшегося перегонем скота с Украины в центральные губернии. В 1878 г. Козлов окончил городское училище и был оставлен в нем для подготовки к поступлению в учительский институт. Участник экспедиций Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского. Руководил монголо-тибетскими (1899–1901 и 1923–1926) и монголо-сычуаньской (1907–1909) экспедициями.

В 1881 г. Козлов познакомился с Н.М. Пржевальским, который взял его в свою последнюю экспедицию. Козлов совершил шесть путешествий в пустыни Восточного Туркестана и Монголии, в горы Тянь-Шаня и Тибета, проведя в экспедициях более 17 лет. Он положил на карту 40 тыс. км пути, собрал богатейшие зоологические, ботанические, этнографические и палеонтологические коллекции. Козлов открыл остатки древнего города Хара-Хото, в котором нашел богатейшие археологические сокровища, в том числе библиотеку в две тыс. томов; обнаружил и исследовал курганные могильники гуннов. Книги Козлова – отчеты о его путешествиях – до сих пор не потеряли своего значения.

Певцов Михаил Васильевич (1843–1902)

Исследователь Центральной Азии, генерал-майор. В 1876 –1890 годах руководил тремя экспедициями по Джунгарии, Монголии, Гоби, Кашгарии, Куньлуню. Автор способа определения географической широты по звездам, названного его именем.

16 мая 1876 года Певцов выехал из Зайсана в первое путешествие по Джунгарии.

Весной 1878 года экспедиция Певцова отправилась с целью географического изучения северо-западной Монголии и, в частности, разрешения вопроса о соединении Хангая (Хангайского хребта) и Алтая (Монгольского).

Третье – Тибетское – путешествие Певцова по Центральной Азии началось 13 мая 1889 года. Экспедиция успешно выполнила свою задачу и вернулась в Россию раньше намеченного срока – в январе 1891 года. Эта экспедиция была крупнейшей в жизни Певцова.

Роборовский Всеволод Иванович (1856–1910)

Участник экспедиций в Центральную Азию Н.М. Пржевальского (1879–1880, 1883–1885) и М.В. Певцова (1889–1890).

В 1893–1895 гг. – руководитель экспедиций в Восточный Тянь-Шань, Наньшань и Северный Тибет; открыл ряд хребтов и озер, исследовал Турфанскую котловину. Собрал зоологическую, ботаническую и геологическую коллекции.

Роборовский участвовал в третьей (1879 – 1880) и четвертой (1883–1885) центральноазиатских экспедициях Пржевальского. Главной его работой был сбор гербария. За время путешествия с Певцовым (1889–1890 гг.) Всеволод Иванович побывал в Джунгарии, Кашгарии и прошел по северо-западной окраине Тибета.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925)

Генерал от инфантерии. Участвовал в «туркестанских походах»: сражение с бухарцами у Яны-Кургана (1867), штурм Самарканда (1868), ахал-тегинская экспедиция и взятие Уч-Кургана (1875).

В сентябре 1878 г. Куропаткин был назначен руководить азиатским отделением Главного штаба и адъютант-профессором Академии генерального штаба, но в следующем году местом его службы вновь стал Туркестан, где он принял под свое начальство стрелковую бригаду.

С 1883 г. Куропаткин вновь состоял при Главном штабе. С 1904 г. – командующий Маньчжурской армией, с октября – Главнокомандующий вооружен-

СТУДЕНЧЕСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

ными силами на Дальнем Востоке. В июле 1916 г. Куропаткин был направлен в хорошо знакомый ему Туркестан на должность генерал-губернатора края.

Автор военно-исторических и военно-востоковедческих трудов.

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937)

Советский военачальник и учёный-востоковед. Герой Труда (1928). В Советской Армии с 1918 г. Окончил математический факультет Московского университета (1888), пехотное училище (1890) и Академию Генштаба (1899), владел 14 языками.

С 1888 г. на воен. службе в Туркестане, занимался изучением и военно-географическом описанием Среднего Востока. Совершил поездки по Индии, Афганистану, Тибету и Кашгарию. С 1904 г. – в Генштабе, одновременно преподавал воен. географию в воен. училищах. С 1910 г. начальник штаба казачьей дивизии.

В Первую мировую войну командовал полком, бригадой и дивизией, генерал-лейтенант (1917 г.). В сентябре 191 г. выбран командиром 9-го армейского корпуса. После Октябрьской революции 1917 г. перешёл на сторону Советской власти. Во время Гражданской войны в мае – июле 1918 г. был военруком Северного-Кавказского военного округа, с сент. 1918 г. начальник Западного района обороны, созданного между Северным и Южным фронтами, затем командовал Западной (с марта 1919 г. – Белорусско-литовской) армией. В 1919–1921 гг. – начальник Академии Генштаба. В 1921–1930 гг. – ректор и профессор Института востоковедения, одновременно профессор Военно-политической академии (с 1926 г.).

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918)

Генерал от инфантерии. Выдающийся военный востоковед. В январе 1899 совершил поездку по Северному Афганистану, в декабре 1899 – июле 1901 находился в командировке в Кашгаре в качестве офицера Генштаба при Императорском Российском Генеральном консульстве. В сентябре 1901 – марте 1902 г. командировался в Восточную Персию. В 1911–1913 гг. находился в Маньчжурии в качестве командующего одного из отрядов пограничной стражи.

*Сергей
Хижняков*

РУССКИЕ ВОЕННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА ПУТИ В КАШГАРИЮ

Движение России в глубь Азии было исторически предрешено еще задолго до сформулированной Петром I восточной политики Российской Империи. Первопроходцами были русские купцы, «государевы служивые люди» и путешественники. В мире нет такой страны, где бы развитие востоковедческой и военной науки так тесно и неразрывно переплеталось, как в России. Особенно это характерно для второй половины XIX и начала XX в.

Первые сообщения о Кашгарии привезли казацкие атаманы Иван Петров и Бурнаш Ямышев, посланные в Китай в 1567 г. по распоряжению Ивана Грозного. В 1620 г. в Китай через Восточный Туркестан проследовал сибирский казак Иван Петлин. Но наиболее подробные данные об этой стране впервые приведены в донесении сибирского губернатора М.П. Гагарина российскому императору Петру I. Документ составлен главным образом на основании расспросных сведений, полученных от купца Ф. Трушников, отправленного сибирским губернатором в Китай в 1713 г.

В конце XVIII в. в Кашгарии побывал унтер-офицер Ф. Ефремов. За его плечами лежал путь от Урала через казахские степи в Бухару; военные походы в составе войск бухарского аталыка на Самарканд и Хиву; побег в Фергану; поход с торговым караваном через Алай в Кашгар и далее через Тибет, Кашмир в Индию; необычное плавание через два океана в Англию.

Добирались до этих мест и русские подданные купцы Григорий и Данила Атанасовы, путешествуя в 1790–1807 гг. по Ближнему Востоку, Ирану и Афганистану.

Первым официальным представителем России, посетившим Восточный Туркестан в 50-х гг. XIX в., был Чокан Валиханов – российский офицер, ученый-востоковед. В 1858 г. он совершает тайную поездку в Кашгар. Научные интересы Валиханова отличались многогранностью: история, этнография, география, лингвистика, политическая экономия. Ч.Ч. Валиханов внес большой вклад в российское востоковедение, оставил ценные исследования по истории

и культуре народов Средней Азии, Казахстана и Западного Китая: «Очерки Джунгарии» (1861 г.), «Киргизы» (опубл. 1958 г.), «Аблай» (1861 г.), «Записки о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства» (1904 г.), «Западный край Китайской империи и г. Кульджа» (опубл. 1958 г.) и др. Материалы, собранные Ч.Ч. Валихановым по Восточному Туркестану, особенно в период его пребывания в Кашгаре, и в настоящее время представляют большую научную ценность, так как содержат результаты исследований по истории, этнографии и географии этого края.

После экспедиции Ч.Ч. Валиханова некоторое время Россия воздерживалась от посылки в Восточный Туркестан своих представителей. И только после того, как в результате национально-освободительного движения уйгуров и дунган образовалось несколько независимых владений, для переговоров с Якуббеком в 1868 г. туда был направлен капитан Генерального штаба Рейнталь. Он собрал ценные сведения о военно-политической ситуации в Восточном Туркестане, об административном устройстве, экономике и армии кашгарского владения Якуб-бека. В 1875 г. предполагалось назначение его первым российским консулом в Кашгаре. Однако открытие консульства было отложено в связи с захватом Восточного Туркестана китайцами (1877–1878 гг.).

Ещё одним знаменитым путешественником, посетившим Кашгар, был Н.М. Пржевальский. В Кашгарии он исследовал бассейн р. Тарим и оз. Лобнор в 1876–1877 гг.

Записки путешественника, изданные в Санкт-Петербурге в 1878 г., содержали обстоятельное описание географических особенностей местности, климата, быта, обычаев и рода занятий лобнорцев. Маршрут четвертого путешествия (1883–1885 гг.), проходил от Кяхты через Монголию и Алашань в Кукунор, оттуда на запад на Лобнор, в Кашгарию. Главное внимание исследователь уделил южным оазисам Восточного Туркестана: Черчену, Нии, Керию, Чире, Хотану и району Русского хребта. Н.М. Пржевальский и члены его экспедиции составили подробное описание каждого района. На карту были нанесены пути по неизвестным ранее районам. Метеорологические наблюдения позволили определить и уточнить климатические особенности. Большое значение имели исследования по выявлению этнической ситуации в крае.

Российским правительством были предприняты ряд экспедиций под руководством капитана Ю.А. Сосновского (1874–1875 гг.), известного исследователя Г.Н. Потанина (1876–1877 гг.), капитана А.Н. Куропаткина (1876 г.), штабс-капитана Б.Л. Громбчевского, Л.Г. Корнилова (1899–1901 гг.). Экспедиции отражали естественное стремление Российской державы к налаживанию

отношений со своими соседями. Большое значение имело установление сухопутных связей с Кашгарией, а через неё – с Китаем и Индией.

За рамками приведенной нами хроники контактов Российской Империи с Кашгарией остались десятки других поездок и экспедиций русских военных исследователей. В большинстве своём это были военно-разведывательные рекогносцировки, сообщения о которых отсутствовали в открытых публикациях того времени.

Гюзаль Хожда

Н.А. СЕВЕРЦОВ И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КИРГИЗИИ

Н.А. Северцов родился в 1827 г. Его отец был отставным подполковником, участвовавшим в Бородинском бою. Свое детство Николай Алексеевич провел в Воронежской губернии в селе Хвоцеватове Землянского уезда. Семья была очень культурная, и домашнее обращение, полученное детьми, отвечало самым высоким требованиям тоговремени. Кроме того, Северцов овладел несколькими европейскими языками, в том числе латинским. Большое внимание уделялось литературе и живописи. Впоследствии владение кистью и карандашом способствовало успеху его научных исследований, так как путешественники зачастую прибегали к кисти.

Стремление исследовать «образ жизни животных и отношение их к внешним условиям» явилось у него еще в детстве. А также еще в раннем возрасте пробудилась любовь к охоте, – не спортивная страсть, а особая любовь охотника-натуралиста.

Северцов поступил в университет с основательной подготовкой. Большое впечатление на юного натуралиста произвели книги Гумбольдта и встреча с известным русским путешественником–естествоиспытателем Г.С. Карелиным, посетившим Алтай, Тарбагатай и Джунгарию, а также лекции по общей зоологии профессора К.Ф. Рулье. Девять лет Николай Алексеевич посвятил

изучению позвоночных – вплоть до защиты магистерской диссертации «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии», за которую получил Демидовскую премию от Академии наук.

Начало путешествий Северцова по среднеазиатским джунглям приходится на 1857 г., тот самый, когда Семенов пересекает Тянь-Шань. В этот период крупнейшие ханства Средней Азии – Бухарское, Хивинское и Кокандское – вели междоусобные войны.

В 1853 г. русскими войсками была занята северная кокандская крепость на Сыр-Дарье Ак-мечеть – форт Перовский (ныне Кызыл–Орда). В последующем году на реке Алма-Ата было заложено Укрепление Верное. У территории Кокандского ханства с северо-запада и с северо-востока расположились линии русских укреплений – Сыр-Дарьинская и Сибирская.

Программа научных работ экспедиции намечалась обширная: изучение орографии, определение высот, метеорологические наблюдения, разведка полезных ископаемых, сбор образцов горных пород и ботанических коллекций.

Николай Алексеевич был человеком мужественным, твердым и пустынная страна с резкими контрастами ее природы не пугала его, напротив, манила своим суровым очарованием.

В казахских степях экспедиция проходила успешно. Северцов посетил район Эмбы и северный Устюрт, а в октябре 1857 г. достиг Казалинска – форта Сыр-Дарьинской линии. Зимой он посетил Аральское море и русло Джаны-Дарьи. Весну встретил в Приаральских Каракумах и совершил экскурсию по Сыр-Дарье. Но 8 мая 1858 г. произошла катастрофа вблизи озера Джарты–Куль – ученый попал в плен к кокандскому отряду. Раненого его доставили в кокандскую крепость, а затем в Туркестан. Но даже в плену этот человек не перестает удивлять, несмотря на свое плачевное положение он умудрился сохранить свое любопытство к окружающему миру: «Я примечал местность, мимоходом – высматривал животных и птиц, но без очков, близорукими глазами не мог всего ясно разглядеть».

На пути к Туркестану внимание Северцова привлек хребет Каратау, – западная оконечность Тянь-Шаня, которому впоследствии он посвятит ряд путешествий.

После освобождения из плена ученый некоторое время не предпринимал никаких серьезных экспедиций. Но в 1864 г. представилась возможность осуществления давней мечты: исследование Тянь-Шаня. В этот период начинается ряд замечательных среднеазиатских экспедиций, которыми Н.А. Северцов

стяжал научную славу и неоспоримый авторитет, как приемник Семенова-Тян-Шанского.

В середине мая Николай Алексеевич выступил из Кастека в Токмок, по Кыргызскому хребту и вдоль реки Аламедин к Пишпеку, к долине Чу и достиг Мерке. Оттуда он предпринимал разъезды в горы, к перевалу Кары–Джол, на Талас, в Каратау, доходя до Чимкента и Ташкента. В октябре Северцов поднялся в верховья Нарына и проник к реке Аксай, несущей свои воды с Тянь-шаньских ледников уже на восток, в систему Тарима. Спустился к реке Кочкуру и через Буамское ущелье прошел в Токмак. Он первым из европейцев обошел Центральный Тянь-Шань вокруг озера Иссык-Куль.

За годы своих научных исследований по Кыргызстану ученый сделал много открытий: обнаружил залежи свинцовой и железной руды в Каратау и золотые россыпи у реки Куркуреу; описал 60 видов млекопитающих и 350 видов птиц; его экспедиция определила около 2000 высот; подробнее была исследована горная область, связывающая Памир с Тянь-Шанем и отличающаяся чрезвычайно сложным орографическим строением. Кроме того, Северцов дополнил этнографические наблюдения Ч.Ч. Валиханова и М.И. Венюкова новыми сведениями о чуйских кыргызах, о соблюдении гигиены у солтинцев и сарыбагышей, их расселении, летовках и зимних стойбищах, сообщение о парадных выездах манаров с «кыргызской» музыкой.

«Литературное наследство Северцова очень обширно, однако не заключает в себе конечных итогов его долголетней и исключительно плодотворной деятельности. Внезапная смерть прервала научную деятельность Северцова в ее расцвете», – писал Г.П. Деметьев, исследователь жизни Н.А. Северцова. Но, тем не менее, Николай Алексеевич внес неоценимый вклад в исследование и познание Средней Азии, особенно Кыргызстана.

Познакомившись с работами Северцова, нельзя остаться равнодушным к человеку, так горячо любившему и посвятившему столько времени изучению нашей страны, высоких с белыми вершинами гор, широких рек с темными водами и прекрасных долин, успокаивающих взгляд своей безмятежностью, – нашему Кыргызстану.

*Жылдыз
Сатыбекова*

ДИПМИССИЯ А.Н.КУРОПАТКИНА В КАШГАР

В 1876–1877 гг. в результате антицинских восстаний мусульманских народов Синьцзяна – дунган, уйгуров, казахов и др. власть Китая была свергнута. На территории Джунгарии и Восточного Туркестана возникло несколько государственных образований – Таранчинский султанат, Дунганский союз городов, Джетышаар, во главе которого вскоре встал выходец из Коканда Якуб-бек. В результате ликвидации Кокандского ханства и включения его территории в состав Туркестанского края, к Российской Империи была присоединена Южная Киргизия до предгорий Памира и Ферганская долина. С 1876 г. русские владения стали непосредственно граничить с государством Джетышаар. Перед российскими властями встал вопрос о необходимости официального размежевания пограничных территорий. Велика была вероятность того, что владетель Джетышаара, используя сложившуюся ситуацию, продвинет свои посты в бывшую восточную часть Кокандского ханства, отошедшую к Российской Империи. Кроме того, разграничение должно было обеспечить властям России возможность постоянно держать в полном повиновении кыргызское население Алая. Желание и возможность быстро решить проблему границ Ферганской области с государством Джетышаар, а также необходимость иметь военно-политическую и экономическую информацию о ситуации, сложившейся в Восточном Туркестане, привели к тому, что генерал-губернатором Туркестанского края К.П. Кауфманом было принято решение об отправлении в мае 1876 г. посольства в Кашгар во главе с капитаном А.Н. Куропаткиным.

Известный впоследствии русский военачальник Куропаткин Алексей Николаевич родился 17 марта 1848 г. в семье земского чиновника. С 1864 по 1866 гг. он проходил обучение в кадетском корпусе, затем – в военном училище. В августе 1866 г. был зачислен поручиком в первый стрелковый Туркестанский батальон.

Выбор К.П. Кауфманом А.Н. Куропаткина в качестве главы посольства был не случаен. Он неплохо разобрался в сложившейся ситуации, хорошо

представлял задачи, стоящие перед миссией. У него имелся достаточный дипломатический опыт, накопленный за период службы в Туркестане. Кроме того, знание географических условий, обычаев и традиций населения этого региона, видимо, также сыграло свою роль при его назначении.

Перед отправлением посольства А.Н. Куропаткину была дана следующая инструкция: «...составить топографическую съемку пути от перевала Терек-Давана до первого Кашгарского пикета, отсюда же до г. Кашгара снять глазомерный маршрут; ...собрать возможно точные и обстоятельные сведения о положении дел в Кашгаре, отношениях Джетышаара к Китаю, а также и о военных силах и укрепленных пунктах в Семиградии».

В мае 1876 г. русское посольство, в состав которого были включены брат А.Н. Куропаткина, артиллерийский капитан Н.Н. Куропаткин, штабс-капитаны Н. Старцев и А. Сунаргулов, врач Эрден и натуралист Вилькинс, выступило из Ташкента. Оно проследовало через города Ходжент, Коканд, Маргелан, Ош. При переходе между Ошом и Гульчой отряд подвергся нападению кыргызов. А.Н. Куропаткин был ранен и вынужден вернуться для лечения в Ош. Выступление посольства было отложено до 7 октября. Был увеличен казачий конвой, и количество сопровождающих лиц составило 60 человек.

25 октября 1876 г. миссия прибыла в Кашгар. Правитель Джетышаара находился в это время в г. Курля, по этой причине русскому посольству предписывалось ожидать указаний Якуб-бека. Только угроза возврата посольства без проведения каких-либо переговоров оказало воздействие на Якуб-бека, и он разрешил посольству продолжить движение. Помимо удачного исхода переговоров, российскому посольству была предоставлена возможность почти неограниченного передвижения по стране, разрешено было открыто общаться с населением, знакомиться с условиями экономической и политической жизни. В то же время о каждом шаге членов посольства немедленно докладывалось Якуб-беку.

Помимо решения главного вопроса по разграничению территории, посольство выполнило еще ряд задач несколько иного плана. Так, на основе наблюдений, собранного материала был составлен историко-географический очерк Кашгарии с подробным описанием природных условий, почв, естественных богатств. Было составлено описание горных систем, окружающих страну, главных рек, населения страны. Членами посольства были собраны материалы, позволившие дать подробную характеристику административного деления Джетышаара и системы государственного управления. Выяснилось, что Кашгария была разделена на 10 главных и ряд второстепенных округов (отделов).

Каждый из более-менее крупных округов включал в себя город и несколько селений (кишлаков).

Куропаткиным и его спутниками были составлены маршруты следования посольства по Восточному Туркестану с подробным описанием географических условий и населенных пунктов. Таким образом, посольство пробыло в пути 51 день, преодолев за это время около 3000 верст. За это время были собраны сведения об обороноспособности Джетышаара, его административном устройстве, экономике и политической ситуации, сложившейся накануне вторжения китайской армии.

Таким образом, работа, проделанная русской миссией в Восточном Туркестане, и собранный материал имели важное научно-практическое значение. Бесспорно, что главной заслугой миссии явилось достижение договоренностей с Кашгарским правителем об определении граничной линии между территориями двух государств, что позволило снять ряд проблем, связанных с охраной границы, с созданием административных органов в приграничных районах.

Сведения о внутренней ситуации, сложившейся в Кашгарии, полученные в ходе экспедиции, послужили основой для корректировки действий при проведении внешней политики России в данном регионе.

*Ольга
Башкова*

ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ Г.А. КОЛПАКОВСКИЙ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПОДВОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ИССЫК-КУЛЕ

Яркая личность, сделавшая головокружительную карьеру от рядового до генерала, член Военного Совета, кавалер ордена св. Александра Невского и св. Георгия III и IV степени, первый генерал-губернатор Семиреченского края, управлявший им пятнадцать лет, – это Герасим Алексеевич Колпаковский.

Родился Герасим Алексеевич 4 марта 1819 г. в дворянской семье в Харьковской губернии. На военную службу вступил 6 января 1835 г. рядовым, на правах вольноопределяющегося, в Модлинский пехотный полк в Севастополе. Вскоре был произведен в унтер-офицеры и в 1840 г. в составе отряда генерала Н.Н. Раевского участвовал в десантной операции против горцев на Черноморской береговой линии. По возвращении в Севастополь за отличия по службе 1 апреля 1841 г. был произведен в прапорщики. В следующем году назначен полковым адъютантом, а с 1 января 1844 г. – полковым квартирмейстером.

17 января 1852 г. Герасим Алексеевич оказывается в Западной Сибири, его назначают адъютантом командующего Отдельным Сибирским корпусом. В 1854 г. он получает должность старшего адъютанта штаба отдельного Сибирского корпуса и производится в капитаны. В 1858 г. в связи с назначением на должность начальника Алатавского округа и киргизов Большой орды переезжает в Укрепление Верное; в 1860 г. произведен в подполковники и принимает участие в Зачуйской экспедиции полковника А.Э. Циммермана, в составе которой берет штурмом кокандские крепости Токмак и Пишпек.

В 1864 г. Колпаковскому было поручено начальство над войсками Семипалатинской области, а с образованием в 1867 г. Семиреченской области он назначается ее военным губернатором, наказным атаманом Семиреченских казаков и командующим расположенными в области войсками. Г.А. Колпаковский обладал даром привлекать к себе даровитых людей, прогрессивных, с интеллигентным мышлением, радеющих за общественные дела.

В 1869 г. Г.А. Колпаковский посетил озеро Иссык-Куль. Вернувшись из поездки в областной центр – г. Верный, Колпаковский направил в Ташкент записку, которая в ноябре 1869 г. была зачитана на собрании членов-учредителей Среднеазиатского ученого общества. В записке говорилось о древних предметах, найденных в юго-восточной части Иссык-Куля, доказывающих существование в прежние времена на этом месте города. Тогда же Колпаковский направил и краткую информацию в «Известия Русского Географического общества» с описанием виденной им под водой обширной площадки.

Герасим Алексеевич ежегодно посещал Иссык-Куль, постоянно интересовался древностями. 3 ноября 1871 г. военный губернатор направляет К.П. фон Кауфману очередной рапорт, где говорится, что в южной части Семиреченской области на берегу Иссык-Куля найдены большая медная чаша, медная чаша с арабской вязью и две серебряные монеты.

Г.А. Колпаковский предлагал К.П. Кауфману организовать научные изыскания на Иссык-Куле, возложив их на молодого ученого-натуралиста А.П. Федченко. Из письма военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману 3 ноября 1871 г.: «... Вообще загадочность Иссык-Куля с каждым годом усложняется и побуждает меня вновь заявить мысль о необходимости исследования... Для полноты предприятия недостает водолазного аппарата, приобретение коего посредством частных средств более чем сомнительно. Не будет ли позволено выписать этот аппарат на кульджинские доходы?»

Для этих целей попытались даже выписать легкий водолазный костюм через Кронштадт из Парижа. Но из-за нехватки средств водолазный костюм так и не был приобретен, а подводные исследования начались лишь в советские годы.

В 1871 г. Г.А. Колпаковский был произведен в генерал-лейтенанты. В Кокандскую войну 1875–1876 гг. командовал экспедиционным отрядом, занявшим ханство, и объявил о присоединении его территории к Российской империи под названием Ферганской области.

В 1889 г. Герасим Алексеевич уехал в Санкт-Петербург, где был назначен членом Военного совета.

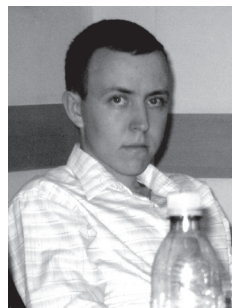
Умер Герасим Алексеевич после тяжелой болезни 23 апреля 1896 г. Умирая, он завещал хранить в церквях Верного и Узун-Агача свои ордена святого Георгия Победоносца. Воля генерала была выполнена, и в ноябре 1899 г. награды эти были переданы. Похоронен Герасим Алексеевич в Петербурге, за алтарем Троицкого собора Александро-Невской лавры.

В память о Колпаковском были названы улицы в Верном (ныне проспект Достык) и Пишпеке, село в Семиречье, ледник в Терской-Алатау, первый паром на реке Или, городское училище. Учреждено было несколько стипендий в учебных заведениях края.

О Герасиме Алексеевиче Колпаковском говорят города, которые он основал, сады и рощи, которые он посадил, дороги, которые он проложил, поля сражений, на которых он обращал в бегство врагов. Он был тем человеком, в руках которого все начинало жить.

**Павел
Дятленко**

НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОЛЕТ (Последнее путешествие Н.М. Пржевальского)

«Имя одного из исследователей, а именно Пржевальского, выделяется из ряда всех других. Его путешествие, начавшееся в 1871 г. и оборвавшееся с его смертью в 1888 г., в корне изменили карту Центральной Азии. Его деятельность требует особого рассмотрения, и ее можно считать поворотным пунктом во всей истории исследования Центральной Азии»

Дж. Бейкер

К началу лета 1888 г. Н.М. Пржевальский подготовил план предстоящего, уже пятого своего путешествия, представив его на утверждение правительству и Императорскому Русскому Географическому обществу (ИРГО). Вскоре план был одобрен. На этот раз Министерство финансов не поскупилось на деньги, на экспедицию было ассигновано 70 тысяч рублей. Петербургская академия наук выделила в распоряжение Н.М. Пржевальского новейшие приборы и походное имущество. Отправным пунктом пятого путешествия был выбран город Каракол, расположенный в 12 километрах от озера Иссык-Куль у подножья хребта Терской Ала-Тоо. Отсюда было ближе к Тибету. Хотя путь через Тянь-Шань и пустыню Такла-Макан являлся самым трудным, это не пугало опытного путешественника. На сей раз планировалось пересечь Тянь-Шаньские горы и Таримский бассейн с севера на юг, исследовать северо-западную часть Тибета, а затем посетить священный город Лхасу. Путешествие предполагалось закончить через 2 года поздней осенью 1890 г.

Во второй половине августа экспедиционный отряд во главе с Н.М. Пржевальским и его помощниками В.И. Роборовским и П.К. Козловым выступил в путь и 16 октября прибыл в город Пишпек (современный Бишкек). Во время охоты в окрестностях Пишпека путешественник сильно простудился и после этого заболел тифом. Первые дни он в этом не признавался, надеясь, что болезнь пройдет. Спутники заметили перемену в здоровье своего командира, но не решались сказать ему об этом. Но путешественник торопил с отъездом в Каракол, куда и выехали на почтовых лошадях 19 октября, а спустя три дня

прибыли к исходной точке путешествия. Через три дня после приезда Николай Михайлович почувствовал себя совсем плохо, и по совету местных врачей Барсова и Крыжановского согласился переехать из юрты в лазарет. Здесь он и скончался 1 ноября 1888 г. по новому стилю. За день до смерти путешественник обратился с просьбой к спутникам похоронить его непременно на берегу озера Иссык-Куль, но чтобы могилу не размыло водой и сделав надпись «Путешественник Н.М. Пржевальский». Также просил положить в гроб в собственной экспедиционной одежде и не подвергать тело анатомированию...

5 ноября было получено по телеграфу распоряжение, разрешающее предать тело земле, согласно воле покойного, на берегу озера. 6 ноября в 9 часов утра перед лазаретом был выстроен весь гарнизон города Каракола, сюда же собрались и все жители города. Гроб был установлен на пушечном лафете. Зазвучали мелодии траурной музыки, и процессия двинулась к месту вечного упокоения. За городом к огромной массе людей присоединились кыргызы из многих айлов, желавшие проводить в последний путь своего друга и старого знакомого. Возле могилы выстроились войска и пропустили с должными почестями процессию; спутники путешественника сняли с лафета гроб и понесли к приготовленному склепу. Залпы орудий разнесли грустную весть далеко по озеру и окрестным горам. По окончании надгробных прощальных речей склеп был замурован и засыпан землей, а на могиле был водружен черный крест, на котором В.И. Роборовский сделал согласно воле покойного простую надпись: «Путешественник Николай Михайлович Пржевальский. Родился 1839 года, марта 31-го. Скончался 1888 года, октября 20-го».

Тяжелая весть о кончине первого исследователя природы Центральной Азии облетела не только Россию, но и все европейские страны. Мир скорбел о потере выдающегося ученого и путешественника. «Смерть скосила одного из великих людей XIX века», – говорилось в некрологе о кончине Н.М. Пржевальского. На заседании ИРГО 11 ноября 1888 г. его вице-председатель П.П. Семенов-Тянь-Шанский говорил: «...Блестящим метеором мелькнула перед нами жизнь чистая, поэтическая, могучая духом и телом и канула в вечность. Но оставленный ею на земле пример горячей любви к родине, забота об ее славе и могуществе и огромный запас научного наследства – сделают имя Николая Михайловича Пржевальского бессмертным...».

Многие ученые, военные, друзья путешественника и жители города Каракола обратились к правительству с ходатайством об увековечивании памяти первого исследователя природы Центральной Азии Н.М. Пржевальского.

В связи с этим 11 марта 1889 г. последовал Указ императора Александра III о переименовании города Каракола, где скончался великий путешественник, в город Пржевальск. Бараку, в котором прошли последние дни генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского, было присвоено имя путешественника. В этом же Указе был пункт, в котором говорилось о сооружении памятника на берегу озера Иссык-Куль, где покоится прах Н.М. Пржевальского. На его сооружение было выделено 125 тысяч рублей серебром. Но первый монументальный памятник Н.М. Пржевальскому был установлен в 1892 г. в Санкт-Петербурге, в Александровском саду напротив Адмиралтейства.

В 1894 г. был открыт памятник на берегу озера Иссык-Куль. Все, кто приходит поклониться праху путешественника, с восхищением осматривают величественное сооружение памятника первому исследователю природы Центральной Азии. Построен он был по проекту генерала А.А. Бильдерлинга, маяние исполнил академик-архитектор И.Н. Шредер. Вокруг могилы и памятника разбит прекрасный парк, за которым ухаживают работники мемориального музея, основанного в 1957 г. по решению правительства Киргизской ССР. Сейчас это мемориальный музей-заповедник площадью 2 гектара...

Н.М. Пржевальский свои путешествия скромно называл «научными рекогносцировками». Назвал он их так потому, что ему первому пришлось посетить те районы Азии, где до него не был ни один путешественник. Однако исследования Пржевальского выходят далеко за рамки только рекогносцировок. Во время путешествий по Центральной Азии он глубоко и с подлинным знанием дела охватил такие отрасли науки, как картографию, зоологию, ботанику, климатологию, этнографию и физическую географию. Вряд ли кому из путешественников как до Н.М. Пржевальского, так и после него удалось в таком комплексе изучить огромную площадь почти в 7 миллионов квадратных километров. Английский ученый Дж. Бейкер пишет: «Его работа в Центральной Азии была продолжена его спутниками по предыдущим путешествиям и помогла заполнить деталями начерченный им общий контур. Его исследования охватили всю Центральную Азию от Тянь-Шаня до Монголии и от бассейна Амура до Северного Тибета. К моменту его смерти картографирование Центральной Азии быстро шло к концу, и его доля в этом процессе такова, что он навсегда останется в памяти людей как один из величайших путешественников XIX столетия».

Высокой оценкой заслуг ученого, его подвига во имя прогресса науки, отечественной географии явилось учреждение ИРГО в 1891 г. Большой се-

ребряной медали и премии имени Н.М. Пржевальского за труды по изучению Центральной Азии. В советское время был пересмотрен статус этой медали. Вместо серебряной медали с 1947 г. Географическое общество СССР каждые два года присуждало золотую медаль им. Н.М. Пржевальского за труды по картографии, геодезии, математической географии, геоморфологии, военной географии и за важные по научным результатам путешествия в малоизвестные края.

***Бусара
Шафикова***

**Ф.В. ПОЯРКОВ – СОБИРАТЕЛЬ
КЫРГЫЗСКИХ ЛЕГЕНД
И ХРИСТИАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ**

Значительную роль в установлении дружбы кыргызского и русского народов сыграли передовые русские ученые. Они изучали природу Кыргызстана, быт, язык, фольклор и историю кыргызского народа.

Федор Владимирович Поярков относится к этим передовым русским ученым. Имя исследователя – краеведа и этнографа дореволюционного Семиречья Федора Владимировича Пояркова известно по его работам, посвященным этнографии, антропологии и истории семиреченских кыргызов, дунган, уйгуров и других народов. Речь идет о таких его работах, как «Краткие этнографические заметки о туземцах бывшего Кульджинского района», «Последний эпизод дунганского восстания», «Этнографические обозрения», «Из области киргизских верований», «Каракиргизские легенды, сказки и верования».

Ф.В. Поярков родился 9 ноября 1851 г. в Воронежской губернии. После окончания духовной семинарии он пешком добрался до Москвы и против воли своих родителей поступил на медицинский факультет Московского государственного университета. Средства к существованию приходилось добывать уроками. И вот университет окончен. Неизведанные дали манят военврача Пояркова. Сюда в Семиреченскую область Туркестанского края

он был направлен после окончания университета в 1880 г. Здесь он проработал на медицинской службе до 1909 г. Умер Ф.В. Поярков 27 ноября 1910 г. в г. Скобелеве (ныне г. Фергана).

Ф.В. Поярков как врач был незаурядным специалистом, любил свое дело и не жалел сил, чтобы помочь больному, независимо от того, богат или беден он, кыргыз или русский. Он был чутким и внимательным другом больных. Все свободное время после службы отдавал лечению больных, не требуя вознаграждения за свою работу.

В 90-х гг. 19 в. в Пишпекском уезде было всего два медицинских работника – Федор Владимирович Поярков и его помощник фельдшер Василий Михайлович Фрунзе, работавшие в единственном тогда пишпекском лазарете.

Нет, он не историк. Он врач. А врачей, прежде всего, интересуют больные, их болезни и способы их лечения. Тем более, местные, если они существуют. Также его страшно занимала эта необычная, древняя земля, чьи вершины забраны в лед и снег, а долины, подножия этих вершин спеклись и потрескались от зноя. Тут же вспомнится ему притча средневекового арабского писателя Магомета Казвини, аллегория о страннике, в чьей роли неожиданно очутился и сам Поярков. Странник шел через богатый большой город и, пораженный его могуществом, спросил у прохожего: когда появился этот город, давно ли? Удивился прохожий: он был всегда!

Через пятьсот лет странник вновь оказался в знакомых местах. Но там, где был город, теперь шелестел под ветром зеленый луг, а по траве шел человек с косой, и воздух был полон запаха свежескошенного сена. – Город? Какой город? – и косарь с опаской поглядел на странника, не заговаривается ли?

Прошло еще пятьсот лет. Но теперь страннику некому было задавать вопросы, вокруг расстилалась однообразная морская гладь. Прошло еще пятьсот лет. Странника встретила песчаная пустыня, а посреди – пыльный, крошечный оазис. – Море? Какое море? – Жители оазиса глядели на странника как на человека, у которого помутился рассудок.

И еще пятьсот лет кануло в лету. Снова город, толпы людей и недоумение в глазах прохожего, когда странник спросил, давно ли появился этот город. – Давно ли? – Глупый вопрос ты задаешь, наш город был всегда!

Именно таким странником себя почувствовал Федор Поярков во время своих археологических экскурсий по Пишпекскому уезду. Он открывает неизвестные до того науке на территории Средней Азии несторианские погребения, описывает башню Бурана и каменные изваяния, изображение Будды над це-

lebnymi klyuchami Issyk-Aty. Takie zhe izobrazheniya on vstrechayet i na Issyk-Kule, emu rasskazivayut, zhe liki buddiyskikh bozhestv esty i v Chaldivarskom ushchelye, i on ne raz sobiralasya proverit' zhe soobshcheniye, da tak i ne uspel.

*Диана
Ухина*

М.В. ПЕВЦОВ – ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Михаил Васильевич Певцов (1843–1902) – российский путешественник, исследователь Центральной Азии, генерал–майор. В 1876–1890 гг. руководил тремя экспедициями по Джунгарии (1876 г.), Монголии, Гоби, Кашгарии, Куньлуню. Автор способа определения географической широты по звездам, названного его именем.

В 7 лет остался сиротой, воспитывался у родственника – бедного петербургского чиновника. Вольнослушателем прошёл полный курс Первой петербургской гимназии, а затем посещал Петербургский университет. В 1872 г. окончил Академию Генерального Штаба. 16 мая 1876 г. выезжает из Зайсана в первое путешествие по Джунгарии. Написал труд по итогам экспедиции – «Путевые очерки Джунгарии» (1879 г.). Императорским Русским Географическим обществом награждён малой золотой медалью. Весной 1878 г. экспедиция Певцова отправляется по Монголии и Китаю. Итогом этой поездки стал «Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая» (1883 г.). Награждён медалью Литке в 1885 г. В 1882–1883 гг. Певцов руководил установлением русско–китайской границы на Семипалатинском участке. В 1889 г. продолжает дело скончавшегося Н.М. Пржевальского, отправляется с экспедицией в Тибет в качестве руководителя. Эта экспедиция была крупнейшей в жизни Певцова. За неё он был удостоен высшей награды Императорского Русского Географического общества – Константиновской медали. Работа «Климат Кашгарии (Восточного Туркестана)» – единственный в своё время труд по климатологии Центральной Азии. В 1891 г. избран почётным членом

Лондонского Королевского Географического общества, награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. Тибетская экспедиция была последней в жизни Певцова. Оставшиеся годы провёл в Петербурге. Скончался М.В. Певцов 25 февраля 1902 г. на руках своей жены.

В середине августа 1882 г. Н.М. Пржевальский выехал из Петербурга в г. Каракол с целью проведения Тибетской экспедиции. Незадолго до выезда экспедиции из г. Каракол после смерти Пржевальского 20 октября 1888 г. необходим был новый руководитель Тибетской экспедиции. Экспедиция была реорганизована и проведена под руководством полковника Певцова. Начальником экспедиции он был назначен Военным Министерством по представлению Императорского Русского Географического общества в январе 1889 г. В состав экспедиции вошли неизменные спутники Н.М. Пржевальского В.И. Роборовский и П.К. Козлов, а также к экспедиции был присоединён выдающийся геолог К.К. Богданович. Однако маршрут, намеченный Пржевальским, и программа исследований Тибета были сокращены. Кроме того, было сокращено число нижних чинов конвоя с 22 до 12 человек. Экспедиция была рассчитана на два года, и началось путешествие по Центральной Азии 13 мая 1889 г.

Предполагаемый район исследования ограничивался окраинным горным хребтом Куньлунь от верховьев р. Керии до меридиана оз. Лобнор и прилегающей к нему на юге полосы высокого Тибетского нагорья до параллели 35°. Экспедиция должна была пересечь Китайский Туркестан по двум неисследованным направлениям, по возможности исследовать восточные склоны горных массивов, отделяющих Китайский Туркестан от Русского. В задачу экспедиции, кроме того, входило исследование горных стран, окаймляющих с севера Тибетское нагорье, и изучение существующих проходов в глубь Тибета, чтобы подготовить почву для будущих исследований на самом Тибетском нагорье.

Экспедиция выполнила задачу и вернулась в Россию на Зайсанский пост 3 января 1891г. – раньше намеченного срока. Результаты двухгодичной экспедиции под руководством Певцова были описаны им в работе «Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг.». По возвращении экспедиции 2 октября 1891 г. на торжественном Общем Собрании Императорского Русского Географического общества Певцов сделал сообщение о ходе и результатах экспедиции 1889–1890 гг.

Итоги исследования были значительными: установлены границы и размеры пустыни Такла-Макан; исследована горная система Куньлунь и впервые составлена (Богдановичем) схематическая карта всего Куньлуна; открыто высокое плато Северо-Западного Тибета и выяснены его приблизительные

размеры; завершено открытие хребтов Русского, Пржевальского, Алтынтага и межгорной котловины Культала; открыт ряд новых хребтов; дана характеристика рельефа и гидрографии западной части Центральной Азии; продвинулось вперёд разрешение «загадки Лобнора». Экспедицией было снято около 9 600 вёрст маршрутной съёмки, определено географическое положение 50 пунктов и в 10 из них сделаны магнитные наблюдения; измерено около 350 высот. Представлено 60 видов млекопитающих; 220 видов птиц (около 1 200 экз.); 20 видов рыб (примерно 150 экз.); 40 видов земноводных и пресмыкающихся (300 экз.); около 200 видов насекомых и 700 видов растений. Записаны отдельные сведения о древностях Кыргызстана, заметки об экономике края, некоторые штрихи, характеризующие образ жизни и нравы коренных жителей Кыргызстана и их кашгарских соплеменников.

***Виктория
Плоских***

**В.В. БАРТОЛЬД:
значение для истории его путешествия
в Среднюю Азию в 1893–1894 гг.**

Василий Владимирович Бартольд (1869–1930 гг.) – выдающийся русский историк-востоковед. В 1891 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. Магистр (1893 г.), доктор истории Востока (1900 г.), профессор (1906 г.), член-корр. РАН (1910 г.).

Непосредственным поводом к изучению В.В. Бартольдом истории Семиречья, в том числе Кыргызстана, явилась его научная поездка в 1893–1894 гг. в Туркестанский край совместно с художником–этнографом С.М. Дудиным, раньше принимавшим участие в Орхонской экспедиции В.В. Радлова. Эта поездка была организована Русским Археологическим обществом по инициативе В.В. Радлова и Н.И. Веселовского. Историко-археологическое обследование В.В. Бартольдом Таласской, Чуйской, Иссык-Кульской долин и Центрального Тянь-Шаня в совокупности с привлечением письменных материалов древних и средневековых

источников о Кыргызстане и его населении нашло отражение в его известном источниковедческом отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893–94 гг.

Задача экспедиции заключалась в том, чтобы в дополнение к письменным известиям о прошлом страны собрать на месте сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее и, по возможности, дать краткое описание развалин городов, укреплений и т.п.

Ученому удалось лично осмотреть путь от Чимкента до Аулие–Ата и долину Таласа, и потом вернуться в Ташкент. Оставшуюся часть поездки, т.е. в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык–Куля, С.М. Дудин совершил один. И поэтому при составлении отчета Бартольд пользовался записками, предоставленными его помощником и иллюстратором поездки Дудиным.

Трудность получения необходимых сведений заключалась в том, что местные ученые боялись, что их труд не будет оценен при написании отчетов, а коренное население абсолютно не понимало цели научных командировок, и всегда подозревало, что тут скрывается какой-нибудь неприятный для них административный проект.

Нам особенно интересно мнение автора о подводных памятниках Иссык–Куля. Бартольду представлялось довольно сложным объяснение характера подводных памятников, он считал, что это можно объяснить только следствием землетрясения.

Подводные развалины большей частью приписывались древнейшим обитателям страны усуням (II в. до н.э. – V в. н.э.). Между тем кирпичи, выбрасываемые на берег, не принадлежали к глубокой древности. По виду они вполне соответствовали кирпичу китайских построек в Кульдже и Джаркенте. В Илийской долине среднеазиатский кирпич был вытеснен китайским только в новейшее время, после завоевания китайцами Джунгарского государства. Единственный более древний памятник (гробница Туклук–Тимура) был выстроен из обыкновенного среднеазиатского кирпича. Он предположил, что развалины на Иссык–Куле тоже относятся к кратковременному господству китайцев в Семиречье и что в китайских источниках еще отыщутся какие-нибудь сведения о землетрясении, бывшем причиной обвала части берега. У ученого было основание предполагать, что обвал произошел уже в мусульманский период (по находкам на мысе Койсары – кусок здания с чисто мусульманскими орнаментами).

Следует подчеркнуть, что Бартольд лично не смог осмотреть этот район, и пользовался только информацией Дудина, применяя сравнительный метод. Современная наука это заключение считает ошибочным. Так же Бартольд

тогда считал, что никаких следов христианства на Иссык-Куле нет. Но позже, кстати, в своем труде «О христианстве в Туркестане в домонгольский период» (дополненным отчетом о поездке в Среднюю Азию в 1893–1894 гг.) он приводит много свидетельств распространения христианства на Тянь-Шане и в Семиречье. Одним из таких мест, где христианство сохранялось более продолжительное время, можно назвать низовья Сыр-Дарьи, которые еще в XII в. «были немусульманским тюркским владением». И сделал вывод, что уже в X в. в низовьях Сыр-Дарьи население было христианским. Вопрос о распространении христианства в Средней Азии интересовал Бартольда по его словам потому, что он видел в христианстве один из важнейших культурных элементов, взаимодействие которых, по его мнению, и составляет основное содержание исторического процесса. Именно поэтому сведения о христианстве в Средней Азии, которые В.В. Бартольд с присущей ему тщательностью собрал из всех известных в то время мусульманских источников, занимают в работе сравнительно небольшое место.

Следует отметить, что сам Бартольд невысоко расценивал результаты своей экспедиции в Среднюю Азию в 1893–1894 гг. Однако его работы, связанные с ней, представляют большой и важный этап в изучении истории и археологии Кыргызстана. «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью» продолжает оставаться образцовым и сохраняющим свое значение по заключенным в нем историческим данным, извлеченным из письменных первоисточников. В части приводимых описаний археологических памятников следует иметь в виду общий уровень археологической науки конца XIX в. и то обстоятельство, что по существу В.В. Бартольд был пионером в историко-топографическом охвате этой обширнейшей территории. «Отчет» В.В. Бартольда на долгие годы оставался и в известной мере остается источниковедческой базой всех последующих изысканий в области истории и вспомогательных наук для эпохи средневековья.

Труды В.В. Бартольда положили начало научному изучению истории Кыргызстана, составлению ее хронологии и периодизации основных этапов, а также стимулировали дальнейшее изучение узловых вопросов исторического прошлого кыргызского народа.

*Данияр
Омаралиев*

Н.А. АРИСТОВ ОБ АНТИЧНОМ ИССЫК-КУЛЕ

(по материалам китайских источников)

Николай Алексеевич Аристов был родом из офицерской семьи. Окончил Казанский университет в 17 лет и получил свою первую должность – помощник столоначальника, затем там же работал губернским секретарем и бухгалтером ревизского отделения казенной палаты. В 1868 г. Н.А. Аристов был назначен делопроизводителем Семиреченского областного правления и приступил к исполнению должности младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе. С этого времени вся его дальнейшая судьба связана с Туркестанским генерал-губернаторством.

В июне 1872 г. он был направлен в качестве делопроизводителя в гор. Ташкент в составе комиссии по разработке проекта Положения об Управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. В 1873–74 гг. руководил съездами биев по урегулированию земельных споров в Семипалатинском, Сергиопольском уездах и Семиреченской области.

Н.А. Аристова очень интересовало озеро Иссык-Куль, особенно следы древних цивилизаций; в частности древние обитатели Прииссыкулья усунь и их знаменитый город Чигу, который остался под водами Иссык-Куля. Н.А. Аристов считал, согласно китайским летописям, что этот город был разрушен самими усунями за несколько лет до Р.Х., после непродолжительного существования, и если поэтому нет достаточных оснований считать остатки зданий вне Иссык-Куля за следы города Чигу, то какому же народу принадлежат и к какому времени относятся остатки зданий и следы оседлости на берегах и под водами озера, а также человеческие кости, глиняная посуда и разные предметы находок на Иссык-Куле? «В дальнейшем видно, что по историческим и другим данным большая часть следов оседлости на Иссык-Куле, несомненно, относится к VIII – XIII вв.: в долинах Таласа, Чу и Или. Но на Иссык-Куле, судя по свидетельству тогдашних китайских писателей о холодном и влажном климате страны усуней, относящемуся, конечно, главным образом к окрестностям резиденции китайских царевен,

т.е. к Иссык-Кулю – земледелие и связанная с ним оседлость могли, по всей вероятности, существовать лишь после значительного уменьшения влажности в Средней Азии. Усуни были народом кочевым, совершенно чуждым земледелию, питавшимся мясом и молоком, одевавшимся кожами и войлоками: степень их культуры была несравненно ниже, чем у нынешних каракиргизов и киргиз-казаков. В своем исключительно скотоводческом хозяйстве и домашнем обиходе усуня употребляли кожаные и деревянные сосуды и др. предметы. Кроме оружия (луки, стрелы, мечи как у хуннов) и режущих инструментов (ножи), металлические предметы должны были встречаться у усуней случайно и редко, попадая к ним от китайцев и от населения Восточного Туркестана и Мавераннахра. Если усуня в первоначальном своем отечестве были знакомы с добычей руды и обработкой металлов, то в западном Тянь-Шане, где легко добываемых и обрабатываемых руд почти нет, они должны были скоро забыть производство металлических предметов, кроме разве подделок из железа, в обилии встречающегося в некоторых местах Иссык-Куля. Таким образом, ни остатки строений, ни употреблявшиеся на них материалы, ни металлические вещи не могут основательно приписываться усуням. Остаются человеческие кости, которые встречаются в некоторых местах на Иссык-Куле в очень больших количествах. Но и кости эти оставили нам, по крайней мере в большей части, не усуня, потому что вместе с этими человеческими останками постоянно встречаются кирпичи и глиняные сосуды, которые не могли принадлежать кочевникам и мало применимы в кочевом быту по своей ломкости во время перекочевков. Массы человеческих костей, кирпичей и обломков глиняных сосудов и остатки зданий в воде, в некоторых местах Иссык-Куля, могут быть объяснены буддизмом части населения Иссык-Куля между VII – XIV вв., т.е. времени владычества кара-киданей и монголов до обращения улуса Джагатая в мусульманство.

Принадлежность некоторых найденных на Иссык-Куле предметов к вещам, употреблявшимся при буддийском богослужении, весьма вероятна. Можно думать, что и медные котлы употреблялись буддистами «при народных угощениях». Выяснить в точности принадлежность или непринадлежность большей части медных и бронзовых находок к предметам буддийского богослужения и обихода можно, но для этого необходимо издание рисунков и подробных описаний находок. Пока же можно предполагать, что медные и бронзовые вещи получались здесь главным образом оттуда же, откуда проник сюда, вероятно, буддизм: из Восточного Туркестана, где он появился, надо полагать, ранее III в. после Р.Х. Китайцы уже полтора века до Р.Х. нашли в Восточном

Туркестане весьма распространенными добычу и обработку металлов. Конечно, медные вещи могли частью получаться через Западный Туркестан, но выделка чугуна там, по крайней мере, в Давани (Фергана), была неизвестна до I в. до Р.Х.: в Давани по «Хань-шу» «не умели отливать чугунных изделий». Н.А. Аристов делает предположение о том, что бежавшие из китайских посольств служители поселились здесь и научили живущие здесь народы отливать оружие.

*Асель
Аскатова*

ВЕРЕЩАГИН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ: Иссык-Кульские мотивы

Василий Васильевич Верещагин – один из крупнейших русских художников-реалистов. Его творчество получило всенародную известность и завоевало высокий международный авторитет. В истории мирового искусства за Верещагиным прочно закрепилась слава знаменитого живописца-баталиста.

Родился Василий Васильевич Верещагин 14 (26) октября 1842 г. в городе Череповце Новгородской губернии, в семье помещика.

С 1850 г. Верещагин обучается в военных заведениях, а в 1859 г. в воинском звании фельдфебеля оканчивает Морской корпус.

Во время пребывания в Корпусе формировались основные черты характера будущего художника. После Морского корпуса он решил посвятить себя искусству.

В сентябре 1860 г. Василий Верещагин был принят в Академию художеств.

Так как В.В. Верещагин был военным, в августе 1867г. он был зачислен на службу в штат генерал-губернатора Туркестана К.П. Кауфмана.

Проезжая по Туркестану, он с любопытством и пытливым интересом расспрашивал местных кочевников и земледельцев о быте, нравах, истории их племен, осматривал мечети, базары, крепости, интересовался легендами и поверьями, удивлялся гробницам и зарисовывал их.

По Кыргызстану Василий Васильевич путешествовал дважды: в 1869 и 1870 гг. География его маршрутов – Чуйская долина, Прииссыккулье, Нарын и Ош. Пользуясь любой свободной минутой, художник заносил в свой походный альбом беглые зарисовки лиц людей, костюмов, жестов, фигур, памятников.

Величественные снежные горы и привлекательные весной и летом долины Кыргызстана полюбились художнику. Он выполнил множество этюдов и эскизов, таких как: «Снеговые вершины хребта Киргизского Ала-Тау», «Кочевая дорога в горах Ала-Тау», «Высохшее солёное озеро в долине реки Чу», «Зимовка в долине реки Чу» и т.д.

Также он нарисовал «картинки», посвященные Иссык-Кулю: «Берег озера Иссык-куль», «Горы близ озера Иссык-куль», «Снеговые горы близ озера Иссык-куль» и т.п.

Тринадцать этюдов озера Иссык-Куля создал В.В. Верещагин, охваченный теплым лирическим чувством и пораженный красотой природы. Он писал озеро в разное время дня, всякий раз обнаруживая все новые и новые выразительные средства, способные передать многообразие непрестанно меняющегося лик кыргызского моря.

Длинный путь из Петербурга в Ташкент и многочисленные поездки по Туркестану в течение примерно девятнадцати месяцев Верещагин использовал для создания серии рисунков и этюдов масляными красками, изображающих жизнь народов Средней Азии, города и поселки, крепости и исторические памятники. В его альбомах запечатлены колоритные типы узбеков, таджиков, казахов, кыргызов, цыган, евреев, а также встречавшихся ему афганцев, индийцев, персов, китайцев – людей разного возраста и общественного положения.

Серия рисунков и этюдов, исполненных Верещагиным в 1867–1868 гг., представляет собой совершенно уникальный труд, наглядную энциклопедию жизни и быта народов Средней Азии середины XIX в.

В результате поездки в Туркестан и на основе собранного там художественно-документального материала Верещагин создал четыре картины в разных, так сказать, жанрах. Две посвящены некоторым сторонам тогдашнего среднеазиатского быта, а две – эпизодам военных событий.

Во время второго путешествия в Туркестан Верещагин особенно много и очень успешно работал в области живописи. Об этом свидетельствуют «Развалины театра в Чугучаке» и «Киргизские кибитки на реке Чу» (обе 1869–1870 гг.).

В конце жизни Верещагин совершил несколько новых дальних путешествий. В 1901 г. он посетил Филиппинские острова, в 1902-м – США и Кубу, а в 1903-м – Японию.

Как только вспыхнула русско-японская война, Верещагин счел своим нравственным долгом ехать на фронт. Шестидесятидвухлетний художник, оставив горячо любимых жену и трех малолетних детей, направился в самое пекло военных событий, чтобы вновь поведать людям правду о войне, раскрыть ее подлинную суть. Находясь на флагманском корабле «Петропавловск», он вместе с адмиралом С.О. Макаровым погиб 31 марта 1904 г. от взрыва японских мин.

По своим творческим интересам В.В. Верещагин был не только художником, но и ученым-историком, этнографом, географом, писателем и журналистом, путешественником.

*Дмитрий
Лужанский*

А.П. ЧАЙКОВСКИЙ ОБ ИССЫК-КУЛЕ КАК РОДИНЕ АРИЙСКОЙ РАСЫ

В начале XX века русский исследователь А.П. Чайковский высказал предположение, что родиной арийской расы, расселившейся впоследствии на территории Евразии, можно считать Среднюю Азию. В своем предположении он основывался на сведениях, полученных из книги библейского пророка Иезекиля, который говорит в аллегорической форме про какое-то мировое потрясение в Азии в стране Асур, «шум падения», который «привел в трепет все народы», так что «ушли» оттуда «все народы земли и оставили её». По сказанию пророка, народы земли ушли вследствие того, что «остановились реки» и «задержалась большая вода».

Чайковский пытается определить географическое положение страны Асур, упоминаемой в книге Иезекиля, привлекая версию Оскара Иегера, изложенную в его «Всеобщей истории». Согласно этой версии переселенцы южной части Балканского полуострова принадлежали к арийскому племени, что доказывается сравнительным языкознанием и отголоском великого переселения в мифах Древней Греции.

Далее Чайковский опирается на исследования известного французского историка Ж. Масперо и делает предположение, что переселение арийских племён из Азии шло тремя главными путями: в Индию, Малую и Переднюю Азию и Южную Европу и что вероятным исходным пунктом странствований арийцев была Средняя Азия, где могла быть родина этой расы.

Рассматривая странствия арийской расы по рекам Сыр-Дарья и Аму-Дарья, ученые находят следы огромного геологического переворота. Здесь видна огромная область с ясными следами очень большого переворота в речной системе, о чем свидетельствуют тысячи высохших русел, лежащих в центре края, а ведь берега их когда-то могли давать воду.

Пустые безводные русла по Средней Азии свидетельствуют о том, что по их берегам была жизнь, видны следы населённости, а опустошенные берега говорят о том, что здесь жить стало невозможно, и пора было уходить. И так самым простым и правильным объяснением становится, что исходный пункт странствия ариев есть центр Туркестана, где лежат огромные сухие русла. Библия, в которой говорится, что народы идут с востока «после потопа», а также сочинения Геродота, который упоминает о том, что народы уходят из Азии под лозунгом «земли и воды», подтверждают версию о том, что изменения в природе заставили искать то, что было ими потеряно.

Чайковский выводит теорию о месте, которое предположительно является начальным путем движения ариев. Местом, потерпевшим колоссальный геологический переворот такого масштаба, является долина Иссык-Куля. Это также подтверждает факт, описанный Геродотом: о долине, окруженной со всех сторон горами, из которой вытекает река, снабжавшая все народы водой. Но геологический переворот образовал в центре долины озеро, которое возникло на месте древней реки. В образовавшееся озеро стали впадать все реки, а из него не выходила ни одна, из-за чего и стало не доставать воды для полива полей, и народы стали покидать эти места.

Все факты, приводимые Чайковским, отсылают нас в долину Иссык-Куля, к озеру, образовавшемуся неожиданно в долине из-за геологического раскола и поглотившему в себя все города и население. Геологическое явление ясно доказывает, что произошло на Иссык-Куле в горной долине, и это могут подтвердить видимые руины построек из жженого кирпича, затонувшие под водой, а также выбрасываемые волнами предметы домашнего обихода.

Однако геологическое потрясение повлияло на всю Туркестанскую область, все русла рек, вытекающих из долины, пересохли. Одним из таких

следов является огромный след русла протекавшей когда-то реки от долины Иссык-Куля до Каспийского моря.

Из этого следует предположение, что геологический переворот превратил когда-то цветущие долины с центральной рекой и сформировавшимися речными системами в полное перерождение всей речной системы Средней Азии.

В Авесте и Риг-Веде имеются также сведения о знаменитом Боомском ущелье, которое соединяет Иссык-Кульскую долину с равнинами Туркестана, в ней и лежит русло некогда огромной реки Чу, когда-то выходившей из Иссык-Кульской долины. Так главная река, снабжавшая арийцев всем необходимым, потеряла свои истоки в замкнувшейся долине Иссык-Куля, что и привело арийцев к поискам других мест для проживания.

В настоящее время на территории Иссык-Куля проходят подводные археологические исследования под руководством академика В.М. Плоских. Обнаружены многочисленные затонувшие поселения, которые свидетельствуют о некогда развитом оседло-земледельческом обществе.

***Екатерина
Виноградова***

МИХАИЛ ФРУНЗЕ В ПЕРВОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ПОХОДЕ НА ИССЫК-КУЛЬ

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января 1885 г. в семье Василия Михайловича Фрунзе. В будущем он станет талантливым полководцем, видным военным деятелем Советского государства.

Недалеко от дома, в котором жили родители Фрунзе, был громадный пустырь, заросший полынью, репейником и солодкой. В нем водились и змеи, и ядовитые пауки. Сейчас трудно в это поверить, но об этом пишет в своих воспоминаниях старший брат Михаила – Константин.

Отец Михаила Фрунзе – Василий Михайлович – любил охотиться. К этому он приучил и сыновей. Окрестности Пишпека в то время были полны разной

дичи. Старожилы вспоминают, что в арыках Бульварной Аллеи можно было довольно быстро наловить ведро рыбы. А в своем саду отец Михаила даже умудрялся подстрелить фазанов. Василий Михайлович к охоте пристрастил не только сыновей, но и всех трех дочерей.

Михаил уехал учиться в город Верный осенью 1894 г.

В Государственном музее Казахстана хранятся табели успеваемости ученика Михаила Фрунзе, который окончил Верненскую гимназию с золотой медалью и по окончании гимназии отправился на Тянь-Шань «в видах поправки здоровья и с целью собирания естественно-научных коллекций».

Методист Алма-Атинского клуба альпинистов М. Грудзинский провел многолетние архивные, опросные и другие исследования о самой экспедиции и товарищах Михаила Фрунзе, участвовавших в путешествии на Тянь-Шань. А в 1959 г. с группой альпинистов М. Грудзинский повторил этот маршрут. В статье «По маршрутам М.В. Фрунзе», опубликованной в книге «Михаил Васильевич Фрунзе. Воспоминания родных, близких, соратников» (Фрунзе, 1969), М. Грудзинский пишет: «В одной старой книге, рассказывающей о природе и исследованиях Семиречья, есть следующие строки: «Группа гимназистов VII класса Верненской гимназии, а именно Э.Ф. Поярков и М.В. Фрунзе... с целью сбора зоологических и ботанических коллекций совершила большую поездку по области...»

Готовясь к путешествию по маршруту гимназиста Михаила Фрунзе, М. Грудзинский обращался к верненским старожилам и обнаружил сведения о друге Михаила Э.Ф. Пояркове, который впоследствии стал профессором и жил до последних дней своих (1956 г.) в Ташкенте. И М. Грудзинский составил маршрут путешествия по материалам, оставленным гимназистами после своего путешествия.

29 мая 1903 г. М.В. Фрунзе, Э.Ф. Поярков, Д.Д. Новак и Л.И. Иванов отправились в путешествие.

Отцу Эраста Пояркова – известному врачу и общественному деятелю – удалось выхлопотать специальное предписание, и в долине реки Кастек юноши сели на лошадей. С перевала Кастек открывался чудесный вид на Чуйскую долину и Киргизский хребет.

Юноши шли мимо «каменных баб» – свидетелей далекого прошлого кочевников, прошли над руинами Суяба... Десять дней пути по берегу Иссык-Куля оставили незабываемые впечатления. Купаясь, юноши подолгу вглядывались в воду, пытаясь увидеть руины затонувших древних городов.

В июне 1903 г. Михаил Фрунзе с товарищами прибыли в Пржевальск и по неписаной традиции пришли на крутой берег Иссык-Куля к могиле великого путешественника Н. Пржевальского. Пройдя 3 200 километров трудного пути, на 68-й день путешествия 6 августа 1903 г. юноши прибыли в Верный.

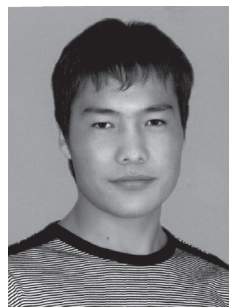
В декабре 1903 г. Михаил Фрунзе в письме своему другу Константину Суконкину поделился впечатлениями об этой поездке: «Что за веселое время-то было!!! Мы объехали, во-первых, громадное пространство: были в Пржевальске, объехали кругом Иссык-Куль, затем перевалили Тянь-Шань, спустились к китайской границе; оттуда воротились в Нарын, из Нарына поехали на Сон-Куль – тоже озеро, раза в три меньше Иссык-Куля; с Сон-Куля на долину Джумгал, с Джумгала на Суусамыр, с Суусамыра в Фергану к Андижану, не доехав немного до Андижана, повернули в обратный путь...»

Путешественники провели и немалую научную работу, высоко оцененную специалистами Географического общества и Ботанического сада в Петербурге, куда молодые естествоиспытатели отправили собранную коллекцию.

Вскоре из Петербурга в Верненскую гимназию пришел ответ: «Ваша коллекция, как весьма ценная, включена в ботанический фонд университета и академии. Продолжайте работать по этой линии...». Эраст Поярков стал таким профессором, но Михаил Фрунзе избрал иной жизненный путь – путь революционера!

***Азат
Кендирбаев***

МАННЕРГЕЙМ В ТЯНЬ-ШАНЕ

Маннергейм Карл Густав Эмиль – барон, государственный и военный деятель и маршал Финляндии, родился 4 июня 1867 г. в поместье Луохисари местечка Асикайнен, что в 45 км от Турку в семье шведского барона Карла-Роберта Маннергейма. Окончил Гельсингфорский университет (1887 г.) и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге. До 1917 г. состоял на службе в русской армии и участвовал в Русско-японской и в Первой мировой войнах. После 1917 г. примкнул

СТУДЕНЧЕСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

к белофиннам и подавил финскую революцию 1918 г. В 1918–1919 гг. регент Финляндии, с 1939 г. – главнокомандующий финской армией, председатель Совета Государственной обороны Финляндии. Руководил действиями финской армии во время советско-финской войны и во время Великой Отечественной войны в качестве союзника Германии. С 1944 по 1946 гг. занимал пост президента Финляндии. Умер Карл Густав Эмиль Маннергейм в Лозанне 28 января 1951 г.

Но совсем мало кто знает, что Карл Маннергейм был выдающимся путешественником. Николай Пржевальский, Михаил Певцов, Всеволод Роборовский, Петр Козлов – в этот ряд русских офицеров, в разные годы возглавлявших военно-географические экспедиции в Центральную Азию и Китай, по праву должен быть включен полковник Карл Маннергейм, совершивший в 1906–1908 гг. экспедицию из русского Туркестана в Центральную Азию: от Самарканда до Пекина, верхом на лошадях. В истории русских путешествий это была поистине «пропавшая экспедиция». До революции на отчете о ней, написанном Маннергеймом, стоял гриф «Не подлежит оглашению», а после революции имя Маннергейма, если и упоминалось, то только в «контрреволюционном» и «антисоветском» контекстах.

29 марта 1906 г. начальник Генерального штаба предложил возглавить Маннергейму секретную экспедицию из Русского Туркестана до Пекина по труднодоступным и малоизученным районам Центральной Азии, Монголии и Тибета. Цель – маршрутная съемка, уточнение существующих карт, сбор данных о населении, взаимоотношениях различных народностей и национальностей, населяющих эти районы; численность и состав вооруженных формирований, уровень их подготовки, анализ политической и экономической обстановки в регионе, фотографирование всего представляющего интерес в военном отношении (горные дороги, перевалы, мосты, источники воды и др.). К тому же Маннергейм имел поручение Фино-угорского общества собрать, по возможности, археологические и этнографические коллекции для создававшегося в Гельсингфорсе Национального музея Финляндии. Перед поездкой он за несколько месяцев оканчивает курсы топографии и фотографии при Академии Генерального штаба. В начале июня 1906 г. начинается путь длиной в 14 тысяч километров и продолжительностью в два года. Состав экспедиции был небольшим – полковник Маннергейм во главе экспедиции и два конвойных казака да несколько «наемных людей» из местных жителей, включая переводчика. Особенностью

снаряжения экспедиции был фотоаппарат «Кодак» с двумя тысячами стеклянных пластинок и запасом химикатов для их обработки. Фотографом был сам полковник Маннергейм. В этом же году он знакомится с будущим генералом Корниловым, который знал китайский язык и в Генеральном штабе ведал отделом по Китаю. Надо отметить, что во время жизни в Петербурге Маннергейм становится действительным членом Русского Географического общества. В это время он познакомился с Семеновым-Тянь-Шанским.

Из Самарканда Маннергейм с двумя казаками выехал через Андижан в Ош. Первым пунктом стал Кашгар – главный город китайской провинции Синцзянь.

Из Кашгара Маннергейм предпринял «экскурсию» в Хотан через Яркенд по участку знаменитого Шелкового пути. Ему удалось собрать обширную коллекцию древностей, раскопанных местными жителями, в том числе старинные манускрипты. Кроме того, он выяснил, какие племена населяют этот и соседний районы Кашгарии, и составил описание местных ремесел. Собрал Маннергейм также сведения о черных и белых нефритах – священных камнях этих мест. Из Кашгара путь экспедиции лежал по горам Тянь-Шаня на северо-восток, в долину реки Или, к Кульдже. Через перевал Гульджат-Даван экспедиция достигла Уч-Турфана и двинулась далее по реке Таушкан-Дарья, от ее выхода из гор до впадения в Оркенд-Дарью, протекающую в песках на севере пустыни Такла-Макан. Этот нелегкий участок пути экспедиция закончила в оазисе Аксу.

Из всего пройденного экспедицией маршрута в 14 тысяч километров Маннергейм нанёс на карту 3 087 километров пути. К тому же им было составлено военно-географическое описание пути Кашгар – Уч-Турфан, исследована река Таушкан-Дарья от ее выхода из гор до впадения в Оркенд-Дарью. Он составил планы двадцати китайских гарнизонных городов и дал обширное описание города Ланьчжоу. Полковник Маннергейм все задания Генерального Штаба выполнил.

Ещё находясь в России, в Западном Туркестане, Маннергейм встретился со знаменитой «царицей» киргизов Алайской долины Курманджан-датхой, она специально сфотографировалась верхом на лошади, хотя ей было уже 95 лет. Кроме того, Маннергейм был пятым из европейцев, удостоившихся аудиенции тринадцатого Далай-ламы. Кроме того, Маннергейм сделал в экспедиции более 1,5 тысячи снимков. Фотография не была, в отличие от охоты и верховой езды, его страстью. Тем не менее, он показал себя прекрасным фотографом.

Таким образом, Маннергейм являлся не только великим полководцем и политическим деятелем двадцатого столетия, он также был выдающимся путешественником. Надо отдать дань его трудам и исследованиям по Центральной Азии, которые ставят его в ряд таких великих исследователей Срединной Азии как П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.М. Пржевальский и др.

***Оксана
Пронская***

ВКЛАД ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

История Средней Азии, в том числе и Кыргызстана, длительное время оставалась вне поля зрения ученых Европы. В середине прошлого века путешественники России, составляя карту Туркестанского края, шутя, говорили, что цивилизованный мир знает о Луне больше, чем об этой загадочной стране. Академик В.В. Бартольд утверждал, что точка зрения западноевропейских ученых в основном сводилась к тому, что «народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле слова, и поэтому методы изучения истории, выработанные историками, к истории Востока не приемлемы».

Подлинное научное и систематизированное изучение Кыргызстана началось только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда среди других социальных преобразований в крае стала осуществляться культурная революция.

Среди исследователей истории Кыргызстана особое место занимают такие выдающиеся ученые как А.Н. Бернштам, В.В. Бартольд, А.П. Окладников, посвятившие свои труды изучению самых различных проблем истории горного края и его народов.

БЕРНШТАМ Александр Натанович (1910 – 1956) – археолог, востоковед, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель наук Киргизской ССР. С 1930 по 1956 г. сотрудник ГАИМК – ИИМК АН СССР. Один из наиболее

видных исследователей Центральной Азии второй четверти – середины XX века. Область научных интересов – история, археология и этнография народов Средней и Центральной Азии от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Бернштам был руководителем первых комплексных археолого-этнографических экспедиций в Средней Азии – Семиреченской, Тянь-Шаньской, Чуйской и Памиро-Ферганской, в течении двадцати лет (1936 – 1956) исследовавших археологические памятники на территории Южного Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Среди наиболее важных археологических заслуг проф. А.Н. Бернштама – изучение могильников эпохи бронзы в верховьях р. Арпы на юге Кыргызстана, открытие сакской культуры на территории Средней Азии и раскопки сакских могильников в труднодоступных районах Памира, исследования средневековых оседлых поселений Семиречья и Ферганской долины (древнего Отрара, Касана, Тараза, Сарыга и других памятников).

Большое значение имеют работы проф. А.Н. Бернштама, посвященные вопросам происхождения, ранней истории и культурного развития тюркских народов Средней и Центральной Азии, включая исследования в области тюркской письменности, эпиграфики и нумизматики. Им разработана периодизация археологических памятников Кыргызстана, вопросы истории гуннов, социально-экономические проблемы тюркского каганата. Много внимания А.Н. Бернштам уделял изучению проблемы происхождения кыргызского народа.

Общий список печатных изданий насчитывает 250 работ, в том числе, более 20 монографий. Во второй половине 90-х гг. XX века отдельные работы проф. А.Н. Бернштама в виде двухтомника были переизданы в Кыргызстане: А.Н. Бернштам. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек. Т. 1, 1997; Т. 2, 1998.

Основные труды: Кенкольский могильник. Л, 1940; Археологический очерк северной Киргизии / Материалы и исследования по истории киргизов и Киргизстана. Вып. 4. Фрунзе, 1941; Очерк истории гуннов. Л, 1951; Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1952.

ОКЛАДНИКОВ Алексей Павлович (1908 – 1981) – доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР (1968). Коренной сибиряк, А.П. Окладников посвятил основную часть научной деятельности родному краю, проявив себя бесспорным лидером в области археологии, а также блестящим этнографом и историком. Вклад его в изучение древнейшей истории Сибири поистине

не имеет себе равных, как и заслуги в формировании мощной научной школы сибирских археологов.

Однако А.П. Окладников в неменьшей мере прославил свое имя и как выдающийся исследователь каменного века Средней Азии. Поиски там памятников этого периода он начал, приехав в 1938 г. в Узбекистан по приглашению крупнейшего специалиста по земледельческим цивилизациям Средней Азии проф. М.Е. Массона. В первый же год А.П. Окладникову, обладавшему даром и опытом археолога-разведчика, удалось открыть замечательную многослойную стоянку среднего палеолита в гроте Тешик-Таш с уникальным до сей поры для Средней Азии погребением неандертальского ребенка. Монографическое исследование, посвященное этому, получившему мировую известность памятнику, было отмечено Государственной премией. Вскоре после войны А.П. Окладников провел обширные поиски памятников каменного века в Туркмении, обнаружив интереснейшие мезолитические стоянки в пещерах Джебел, Дам-Дам Чешме и Кайлю. Позднее были работы в Таджикистане, принесшие наряду с прочими находками открытие неолитической гиссарской культуры, а уже в конце 60-х – исследования на Тянь-Шане, в Киргизии и новые открытия палеолитических пещерных стоянок в Узбекистане.

А.П. Окладников по праву занимает одно из самых почетных мест среди первооткрывателей начальных страниц истории Средней Азии, хронология которой благодаря его работам удревнилась сразу на многие десятки тысяч лет. Они стали основой для дальнейших исследований, развернутых затем в среднеазиатских республиках его учениками и последователями. Наряду с изучением археологических материалов, А.П. Окладников посвятил немало замечательных работ памятникам древнего искусства.

*Камиль
Хайрутдинов*

50-ЛЕТИЕ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В середине XIX в. ощущался недостаток географических сведений о России. Назрела необходимость в организации Русского Географического общества. Такие общества уже существовали в столицах многих европейских стран: в Париже (1821 г.), Берлине (1828 г.), Лондоне (1830 г.). Они играли важную роль не только в научной жизни своих стран, но и в мировой науке. Ученые России также были глубоко убеждены в пользе, которую географическое общество могло бы принести своему отечеству. Русское Географическое общество было организовано в 1845 г.

Среди его учредителей были: вице-адмирал Ф.П. Литке, контр-адмирал Ф. П. Врангель, академики К.М. Бэр, П.И. Кеппен, В. Я. Струве и др. Идея создания общества оказалась столь популярной, что с момента основания РГО в его деятельности принимали участие лучшие умы России, а сын Николая I – Великий князь Константин Николаевич – согласился стать его первым председателем.

В 1848 г. РГО разработало анкету, которая распространялась по всем губерниям России. Ответы на эту анкету легли в основу уникального Архива Общества, содержащего наиболее полную информацию о быте и культуре всех народов Российской империи.

Несколько позднее научный архив и библиотека РГО начали пополняться личными фондами членов Общества, а также материалами экспедиционной деятельности Общества. Уникальным собранием документов являются личные фонды великих русских путешественников и ученых – Н.Н. Миклухо-Маклая, Г.Л.Седова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.П.Семенова-Тян-Шанского, Н.М. Пржевальского, В.А. Обручева и многих других.

Если говорить об истории РГО в XIX в., то это было время не только образования и открытия общества, но и «золотого века» географических, статистических и этнографических открытий.

Уже начиная с 1850 г., внимание Общества было обращено на Среднюю Азию. Из ряда экспедиций, снаряженных для ее изучения, особенно выделяются экспедиции Пржевальского, Потанина и Певцова. Четырехкратные экспеди-

ции Пржевальского, открывшие всему миру огромные пространства никем еще не изведанных областей центральной части Азии, составляют одну из лучших страниц истории географического общества. Не менее важны и работы Потанина в Монголии и Ганьсу, а также исследования Певцова в Монголии, Китае и северо-западном Тибете. Общество неоднократно снаряжало в Центральную Азию и меньшие по своим средствам экспедиции, которые нередко приводили к весьма важным результатам, как, например, две экспедиции Громбчевского в Канджун, на Памир и верховья Раскеш-Дарьи, Грумм-Гржимайло в Тянь-Шань и Нань-Шань, Игнатъева и Краснова на Хан-Тенгри и т. д.

Стараниями Общества были выработаны программы исследований и собраны материалы, которые послужили основанием для составления этнографической карты России. Также Обществом было обращено особое внимание на изучение материалов по русскому народному творчеству, для чего были организованы особые экспедиции, посетившие северный край Европейской России. Не менее богата была и статистическая деятельность общества; из его предприятий этого рода главнейшие – исследования внутренней торговли России, исследование украинских ярмарок, экспедиция для исследования хлебной торговли и промышленности России, исследование Западного края в статистическом и этнографическом отношении. Другие значительные работы Общества: производство сибирской нивелировки на протяжении более 22 400 км от станции Звериноголовской до Байкала; Арало-Каспийская нивелировка для определения разности уровня обоих морей; Амударьинская экспедиция 1874–1875 гг., доставившая первые обстоятельные сведения о низовьях Амударьи, тогда только что вошедших в сферу влияния России; собрание наблюдений над грозами и осадками, вскрытием и замерзанием рек и озер и вообще производство метеорологических наблюдений, главным образом сельскохозяйственного характера; участие в международной полярной экспедиции, выразившееся устройством двух полярных станций на Новой земле и на устье реки Лены; издание обширных трудов этих станций; исследование сейсмических явлений в Восточной Сибири, Центральной Азии и на Кавказе, где обществом устраивается целая сеть станций.

Труды Общества по исторической географии выразились в разработке и издании Писцовых книг, в разработке вопроса о «Книге Большого Чертежа» и других древних источников русской географии и картографии. Обществом также был составлен и издан «Географо-статистический словарь Российской Империи», представляющий богатое и почти единственное в то время

собрание географических данных, относящихся почти ко всей империи. Наконец, Обществом был издан целый ряд карт, как всей Европейской России, так и отдельных частей империи.

Итогом деятельности общества в XIX в. стало празднование в 1895 г. 50-летнего юбилея Императорского Русского Географического общества, по поводу которого П. П. Семенов-Тянь-Шанский написал «Историю полувековой деятельности Географического общества» в трех томах.

В. Акчурин

ТЯНЬ-ШАНЬ ЕМУ СВОЕЙ ИЗВЕСТНОСТЬЮ ОБЯЗАН

*Репортаж специального корреспондента газеты
«Слово Кыргызстана» с научно-практической
конференции «150-лет путешествия
П.П. Семенова на Тянь-Шань»*

Конференции предшествовала яркая и торжественная церемония у подножия памятнику великому путешественнику на въезде в Балыкчы. Скульптурная композиция, бесспорно, хороша, и как тут не вспомнить имена петербуржцев В. Горевго и Н. Соколова – создателей этого произведения!

Так вот, в перепаде праздничного волнения участники митинга, посвященного 150-летию путешествия, едва не забыли еще одну дату: 25-летие со дня открытия памятника Семенову-Тян-Шанскому у порога города Рыбачье (Балыкчы).

В сентябре 1980 года в республике проходил VII съезд Географического общества СССР, и тогда был заложен первый камень в фундамент композиции.

А принародно открылась она через два года, то есть ровно четверть века назад. И рыбачинцы почтенных возрастов помнят об этом ярком событии, на которое приехали внуки великого путешественника, виднейшие советские ученые. Была на открытии и заведующая архивом Русского Географического общества М. Матвеева. Нынче пожилой человек, она не смогла приехать на конференцию, но прислала приветственное письмо, в котором, между прочим, есть и такие слова: «Памятник – не только дань уважения прошлому, но и символ научного признания русского ученого кыргызским народом».

Много добрых слов у подножия памятника путешественнику сказали ведущий конференции академик Владимир Плоских, посол России в Кыргызстане Валентин Власов, который представил участникам митинга пожилую учительницу, бережно хранящую у себя дома альбом с фотографиями, сделанными 25 лет назад на церемонии открытия монумента Петру Семенову-Тян-Шанскому, академик Ильгиз Айтматов, руководители области, города Балыкчы и другие. А участница конференции, известная наша поэтесса Светлана Суслова, посвятила памятнику стихотворные строки:

СМИ О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

*...И он застыл, сойти с пути не в силах,
Коня на миг сдержав на поводу...
А век за веком в тот же ветер синий
Впрягают волн бегущую гряду...*

Дорога от столицы до Чолпонаты, где в одном из пригородных пансионатов и состоялась конференция, неблизкая, так что времени на размышления о великом путешественнике, о прочитанном о нем было предостаточно. В августе мы дали в своей газете обстоятельный и интересный материал профессора В. Воропаевой «Имя с приставкой «Тян-Шанский». Наш надежный автор приводила выдержки из раритетного теперь уже «Путешествия» Петра Семенова: «Работы мои по азиатской географии привели к обстоятельному знакомству со всем тем, что было известно о Внутренней Азии. Манил меня в особенности к себе самый центральный из азиатских хребтов – ТяньШань, на который еще не ступала нога европейского путешественника и который был известен только по скудным китайским источникам... Проникнуть в глубь Азии на снежные вершины этого недостигаемого хребта, который великий Гумбольдт на основании тех же скудных китайских сведений считал вулканическим, и привезти ему несколько образцов из обломков скал этого хребта, а домой – богатый сбор флоры и фауны новооткрытой для науки страны – вот что казалось самым заманчивым для меня подвигом».

«...Вторая моя большая поездка на реку Чу успехом своим превзошла мои ожидания: мне не только удалось перейти Чу, но также и достигнуть этим путем Иссык-Куля, то есть западной его оконечности, на которую еще не ступала нога европейца и которой не коснулись никакие научные исследования», – сообщал ученый в письме, посланном в Русское Географическое общество после окончания этого маршрута.

Профессор Валентина Воропаева, которая сделала очень много полезного в оргмоменте конференции, заслуги Семенова-Тян-Шанского просуммировала в своей статье довольно кратко, но понятно:

«Он первый начертил схему хребтов Тянь-Шаня: опроверг мнение А. Гумбольдта о его вулканическом происхождении; доказал, что вечные снега лежат здесь на очень большой высоте; первый установил вертикальные природные пояса; описал флору и фауну этого горного края; собрал коллекцию минералов, насекомых, гербарий; исследовал озеро Иссык-Куль и установил, что оно бессточное и река Чу не берет начало из него, как считали современники ученого, и в него не впадает, а уходит в Боомское ущелье...».

Вот этим взглядам, точкам зрения, гипотезам и была посвящена научно-практическая конференция, организованная Кыргызско-Российским Славянским университетом, Национальной академией наук и Посольством Российской Федерации в нашей республике. За «круглый стол» были приглашены ученые, дипломаты, писатели, журналисты, музейные работники.

Интересным вступительным словом открыл дискуссию академик В. Плоских, сумевший увязать кое-какие предположения путешественника Семенова с сегодняшними поисками, в том числе и подводными, современных историков и археологов. Когда впервые «прописалось» на берегах Иссык-Куля христианство? Где все-таки обрел вечный покой святой Матфей? Кому принадлежали древние городища, укрытые сегодня толщами воды иссыккульской? Как попала на знаменитую Каталанскую карту наша никому не известная долгие века жемчужина? Миф или явь – предположение об упрятанных в одной из пещер богатствах братьев-монахов?..

Иссык-Куль и сегодня полнится тайнами, загадками, и хорошо, что в республике жили, живут и делают неизмеримо большое для науки и истории дело такие энтузиасты, как В. Мокрынин, В. Плоских, их молодые последователи из того же Славянского университета.

На конференции выступил академик Ильгиз Айтматов. Петр Петрович Семенов, как известно, начал свою трудовую жизнь горняком. И впоследствии уже путешественник Семенов опроверг мнение известного ученого Гумбольдта о якобы вулканическом происхождении Тянь-Шаня. Так вот, взгляд на истоки образования Тяньшаньской гряды одного из патриархов нашей горной науки, лауреата Госпремии СССР Ильгиза Айтматова категоричен: «Тянь-Шань – тектонического происхождения, и это однозначно».

Разговор за «круглым столом», пожалуй, естественно сбивался на наши дни, на судьбу того же Иссык-Куля, пугающую своей неопределенностью, на беспощадные удары, которые наносит современный человек матушке-природе, на массовое мнение о том, что уникальное озеро должно стать для нас только добытчиком денег и ничем другим...

И тут, как всегда, убедительно прозвучало выступление одного из творцов экологии и науки об Иссык-Куле, создателя биологической станции Академии наук Азата Конурбаева. Настала пора комплексно изучать состояние наших ледников, базировать новыми данными науку о ледниках (о роли ледников и влиянии их на природу предгорных районов размышлял, между прочим, и Семенов-Тянь-Шанский – недаром один из ледников носит его имя); не забывать об угрозе хвостохранилищ; восстановить прежние базы Академии

СМИ О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

наук на Иссык-Куле; объявить беспощадную войну рыбному браконьерству... На эти темы Конурбаев говорил, писал, докладывал много раз на самых разных уровнях, но с учеными соглашались, аплодируют, кивают руководящими головами, но дальше обещаний дело не идет.

За «круглым столом» делились своими мыслями о великом путешественнике, его наследии, о неблагоприятном состоянии Иссык-Куля и всего Приссык-куля, о короткой памяти руководителей разных уровней профессора Валентина Воропаева и Михаил Рудов, доктор наук из Германии Альберт Айсфельд, представители пищевой братии Валентин Мельников и Леонид Калашников, археолог Асан Абетеков, который в 1983 году организовал выставку «Памятники культуры и искусства Киргизии» в Эрмитаже и дал пищу для зависти своим коллегам из других среднеазиатских республик, социолог Нурбек Омуралиев, напомнивший нам, что Петр Петрович Семенов был и прекрасным статистом, что дало ему право провести перепись населения Российской Империи и не забыть о малых нациях и народностях, историк Усен Боотаев и др.

Очень хорошо, что организаторы конференции предоставили возможность участникам не только слышать, но и видеть интересное. В Чолпонате мы побывали в гумбазе кыргызского поэта и просветителя Калыгула и услышали прекрасный стихотворно-прозаический этюд профессора Михаила Рудова, который сделал неизмеримо много как переводчик и публицист для того, чтобы о Калыгуле – современнике П. Семенова-Тян-Шанского – знали не только представители кыргызской интеллигенции, но и самые широкие массы людей разных национальностей. Неизгладимое впечатление оставила и экскурсия по историко-культурному музею-заповеднику. Уникальное зрелище – целое пастбище камней разной величины, уместившихся на почти пятидесяти гектарах предгорной земли! Специалисты не знают, был ли здесь Семенов-Тян-Шанский, но такие «изгибы» природы всегда интересовали путешественника, географа, этнографа и просто ученого человека.

Взбирались мы и на курганы – древние захоронения древних людей – и были огорчены, когда узнали о том, как были разграблены в разные эпохи эти ценные археологические памятники.

До православного монастыря в Курменты мы не доехали, зато посмотрели на хорошо сохранившийся монастырский амбар в селе Светлый Мыс и побывали в гостях у деток из детского дома, которые, конечно же, нуждаются в тепле и заботе взрослых.

*Слово Кыргызстана. 2007.
7 сентября.*

И. Балакина

ШЕЛ СЕМЕНОВ ПО ТЯНЬ-ШАНЮ

Благодаря авторитету русского ученого в переписных документах Российской империи впервые появилась запись «киргиз»

В эти дни научная общественность Киргизии широко отмечает памятную дату – 150-летие первого путешествия на Тянь-Шань знаменитого исследователя, члена Императорского Русского Географического общества Петра Петровича Семенова, известного в мире как Семенов-Тянь-Шанский

Историческим вехам жизни и деятельности великого русского ученого была посвящена научно-практическая конференция, состоявшаяся в селе Кара-Ой Иссык-Кульской области и организованная Посольством Российской Федерации в Бишкеке, Киргизско-Российским Славянским университетом и Национальной академией наук республики.

– Петр Семенов первым из ученых Запада побывал на Тянь-Шане, – подчеркнул, открывая конференцию, ее инициатор, вице-президент НАН Киргизии, академик Владимир Плоских. – Он, установив тектоническое происхождение этой горной системы, опроверг популярную в то время гипотезу крупного европейского исследователя Александра Гумбольдта, утверждавшего, что она образовалась в результате вулканических процессов. Семенову удалось определить высоту снеговой линии Тянь-Шаня и открыть в истоках реки Сары-Джаз существование крупных ледников альпийского типа. Он также первым установил вертикальные природные пояса, описал флору и фауну горного края, заявил, что озеро Иссык-Куль является бессточным, а река Чу не впадает в киргизское море. За эти выдающиеся открытия Петра Семенова Русское Географическое общество удостоило почетного титула-приставки к своей фамилии, и он стал именоваться Семеновым-Тянь-Шанским.

Однако интерес русского географа к обширным «белым пятнам», которые к середине XIX в. по-прежнему занимали значительную часть центра Евразийского континента, как выясняется, зародился гораздо раньше его первого путешествия в таинственную горную систему. В 1850 году, приехав в Венецию к родственникам жены (ее бабушка по происхождению была ита-

СМИ О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

льянкой), Петр Петрович первым из исследователей обнаружил знаменитую Каталанскую карту, датированную 1375 годом. На старинном пергаменте было обозначено озеро Иссык-Куль. Тут же Семенов смог прочесть следующее: «Христианский монастырь армянских братьев, у стен которого сокрыты мощи святого апостола-евангелиста Матфея». «С тех самых пор ученые неоднократно пытались подробнее изучить этот артефакт и убедиться в его подлинности, – добавляет академик Плоских. – Но лишь теперь у нас, пожалуй, появилась реальная возможность приблизиться к разгадке древней тайны».

– Я хочу выразить искреннюю благодарность киргизскому народу, руководству страны, представителям власти и городскому собранию города Балычки за ту память и уважение, которое они оказывают выдающемуся русскому ученому, – сказал на торжественной церемонии возложения цветов к памятнику великому русскому ученому Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Киргизии Валентин Власов. – В этом году Петру Семенову исполнилось бы 180 лет. Изучать Тянь-Шань он начал 150 лет тому назад, будучи совсем еще молодым человеком. И хотя в этих краях он находился недолго, след оставил очень значимый, совершив ряд исторически важных открытий.

В ходе научно-практической конференции немало говорилось о непреходящей ценности путешествий Семенова-Тянь-Шанского, его заслугах и интереснейших научных открытиях, о киргизских сподвижниках русского исследователя, в том числе его современнике – народном акыне Калыгуле, а также об актуальных проблемах экологии, охраны и использования памятников истории и культуры. Своим видением аспектов исторической науки с участниками конференции поделились лауреат Госпремии СССР, академик НАН КР Ильгиз Айтматов, доцент кафедры культурологии и социологии КНУ Асан Абетеков, заслуженный деятель науки Киргизии Азат Конурбаев, профессор КРСУ, историк Валентина Воропаева и историк, доцент КРСУ Усен Боотаев, глава «Славянского фонда» Валерий Вишневский. Не менее заинтересованно рассматривалась и проблема более подробного изучения и бережного сохранения тяньшаньских ледников – на их огромную значимость указывал еще Петр Семенов, – которые, по мнению большинства ученых, сегодня являются главным достоянием Киргизии.

Еще одну малоизвестную грань деятельности Семенова осветил в ходе дискуссий директор центра социологических исследований Нурбек Омуралиев. Он рассказал о проведении в 1898 году по личному указу императора Николая II первой в истории России переписи населения. Тогда благодаря авторитету русского ученого Петра Семенова-Тянь-Шанского в переписных

документах впервые появилась запись «киргиз», обозначающая национальность жителей одной из окраинных территорий великой державы.

Примечательно, что положения принятой участниками встречи резолюции оказались созвучны строкам приветственного письма иссыккульской конференции заведующей архивом Русского Географического общества Марии Матвеевой. В итоговом документе перечисляются огромные заслуги Петра Семенова – вдохновителя и организатора многих экспедиций в горную страну, в результате выпустившего в свет многотомные научные труды и собравшего огромные коллекции неизвестных мировой науке тех лет образцов горных пород, насекомых, моллюсков, растений Центральной Азии.

«Поставленный осенью 1982 года на побережье Иссык-Куля прекрасный памятник Петру Семенову-Тянь-Шанскому – это не только дань уважения историческому прошлому, но и наглядный символ признания народом Кыргызстана заслуг великого русского ученого, – отметил в заключение посол РФ Валентин Власов.

*Российская газета. 2007.
7 сентября.*

А.Л. Тузов

СЕМЕНОВСКИЙ МОСТ

Нет ни памятной доски, ни указателя с названием. Но, как рассказывает историк и краевед, доцент КРСУ Усен Боотаев, все старожилы помнят и знают это место на старой автодороге, тут бурная Чу вырывается из Боомского ущелья на просторы Золотой долины. Мост над рекой – в том самом месте, где полтора века назад бревна через стремнину выкладывали казаки, сопровождавшие путешественника Петра Семенова.

Тройная фамилия

В России, как известно, надо жить долго. К 50-летию начала своих «путешествий в Тянь-Шань» Петр Семенов был удостоен особой царской милости:

СМИ

О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

почетного изменения фамилии Семенов на Семенов-Тянь-Шанский (именно так, без мягких знаков). Случай для Российской империи уникальный, до того в награду аналогично меняли-удлиняли родовые фамилии только особо успешным полководцам: Румянцев-Задунайский, Суворов-Рымникский, Паскевич-Эриванский.

Больше 40 лет Петр Петрович возглавлял Императорское русское географическое общество, стал автором множества географических и статистических трудов.

Как он любил повторять, «чинов и знаков отличия никогда не добивался». К закату жизни они сами нашли его. Ордена едва умещались на парадном раззолоченном мундире. Именно в нем запечатлел Илья Репин импозантного седебородого старца на своей знаменитой многофигурной картине «Заседание Государственного совета».

Фото на счастье

150-летию семеновского «путешествия в Тянь-Шань» посвящалась на прошлой неделе большая научно-практическая конференция под эгидой Кыргызско-Российского Славянского университета, Национальной академии наук и посольства Российской Федерации.

Форум открылся у памятника Семенову-Тянь-Шанскому в Балыкчы при большом, как говорится, стечении местной общественности. Цветы к монументу возложили Чрезвычайный и Полномочный Посол России Валентин Власов, вице-президент НАН КР Владимир Плоских, мэр Балыкчы Талантбек Омуркулов, председатель городского Кенеша Зарылбек Шарипов.

Сейчас монумент отремонтирован и содержится в образцовом порядке, а ведь всего с десяток лет назад охотники за цветметом умудрились отпилить у бронзового коня часть ноги. Об этом узнали в Рязанской области, где музеем Семенова-Тянь-Шанского, и предложили исык-кульским властям продать памятник, чтобы перевезти его на Рязанщину. Однако наши власти категорически отказались: «Национальное достояние не продается!».

О той уже давней истории на праздничном митинге, разумеется, не вспоминали. Говорили о другом. Посол Власов выразил благодарность народу и руководству Кыргызстана, непосредственно балыкчынским властям за сохранение доброй памяти об ученом, 180-летие со дня рождения которого отмечают в эти дни в России и Кыргызстане.

Особо посол поблагодарил местных краеведов, которые сберегли фотографии церемонии открытия памятника Семенову-Тянь-Шанскому ровно четверть века назад.

А вице-губернатор Иссык-Кульской области Светлана Мамедова гордится тем, что в ее регионе каждый с рождения знает два языка – русский и кыргызский. Здесь нежно и трепетно берегут память о двух великих российских путешественниках – Семенове и Пржевальском. Памятники им – не только сверхпопулярные туристические объекты. У иссык-кульских молодоженов разных национальностей давно заведено фотографироваться у этих монументов. На счастье!

Отец-основатель республики и наук о земле

Директор Центра социальных исследований Национальной академии наук Нурбек Омуралиев напомнил участникам конференции, что энциклопедии характеризуют Семенова-Тянь-Шанского не только как выдающегося географа, но и как большого статистика.

Семенов руководил научной частью организации Первой (она же и единственная в дореволюционной России) всероссийской переписи населения. По сведениям Омуралиева, именно Семенов настоял на выделении каракиргизов (то есть кыргызов) как отдельного народа. Результаты той переписи учитывались при национально-государственном размежевании Средней Азии и Казахстана в 1924-1925 годах. Если бы не Семенов, могли и не выделить в отдельную административную единицу Кара-Киргизскую автономную область, затем ставшую Киргизской АССР, Киргизской ССР, Республикой Кыргызстан и, наконец, Кыргызской Республикой.

Так что, убежден социолог Омуралиев, Семенова-Тянь-Шанского с полным основанием надо считать отцом-основателем независимого Кыргызстана.

А экс-президент Нацакадемии академик Ильгиз Айтматов заявил, что он считает Семенова-Тянь-Шанского основателем наук о земле в Кыргызстане. До Семенова писали о вулканическом происхождении Тянь-Шаня. Российский ученый первым доказал тектоническую родословную наших гор.

Подводные города Иссык-Куля

Петр Семенов в 1856 и 1857 годах совершил несколько путешествий из Верного (Алматы) вглубь Тянь-Шаня, вплоть до заоблачных истоков Нарына и Хан-Тенгри. Все его тянь-шаньские маршруты проходили через иссык-кульское побережье.

Главным географическим итогом семеновских экспедиций стало доказательство того, что Иссык-Куль – бессточное озеро. Впрочем, Семенов относился к своему открытию достаточно осторожно и не вступал в полемику с герман-

СМИ О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

скими спецами, в то время самыми авторитетными в мире. По большому счету в своей осторожности Семенов оказался прав.

Современные исследователи Иссык-Куля убеждены: уровень озера постоянно менялся, и в разные эпохи озеро имело сток через Боом. Последний раз – исторически совсем недавно, еще в начале XIX века. Около 1825 года грандиозный тектонический сдвиг на западе озерной котловины нарушил связь Верхней Чу с озером. После того землетрясения полноводная река уже в приозерной котловине вдруг круто поворачивает к северу, до Иссык-Куля не доходит.

Семенов первым из европейских ученых узнал от местных жителей о древних городах на дне озера. Кстати, затопленные города тоже доказывают, что озеро то наступает, отступает от своих берегов.

Современная подводная археология – одно из самых перспективных направлений изучения истории Прииссыккуля. У нынешнего руководителя подводно-археологических исследований академика Плоских в этом году круглый юбилей. Ровно полвека назад он еще студентом КГУ впервые участвовал в археологической экспедиции на Иссык-Куле. С тех пор им собраны центнеры и тонны ценных находок.

Во время работы Семеновской конференции академик Плоских организовал выезд на катере к подводному городищу Кара-Ой. Это было нечто.

В нескольких сотнях метров от берега – подводная возвышенность, глубина всего 5-6 метров. Юный матрос Денис Мельников в ластах и в маске с трубкой прыгает за борт. И через несколько минут выныривает с большим фрагментом глиняного сосуда. Спустя минут пять – еще одна находка!

Археолог из КРСУ Людмила Ставская и академик Плоских делают заключение.

- Керамика домонгольского периода, то есть ранее начала XIII века.
- А подложить эту керамику специально к нашему приезду матросы чолпон-атинского яхт-клуба не могли? – осторожничают дотошные конференционеры.
- Исключено, – заверяют археологи Ставская и Плоских. Подводные течения мгновенно заносят любые предметы песком.

По словам профессионалов, обилие подводных находок последних лет объясняется просто. Во-первых, широкие возможности современной техники. Во-вторых, энтузиазм российских подводников-любителей, которые из чисто спортивно-научного интереса каждое лето под руководством наших историков снова и снова уходят на дно.

Среди российских энтузиастов замечен даже один олигарх, который регулярно проводит свой отпуск на Иссык-Куле. Добросовестно выполняет задания наших доцентов с кандидатами. Иначе нельзя. Без жесткого контроля ученых любые раскопки запрещены.

А некоторые итоги, озвученные на семеновском форуме, впечатляют. В нескольких километрах от Кара-Ойского подводного городища с большой долей вероятности определено место легендарного «Дворца Тимура». Он затоплен озерными водами неподалеку от бывшего острова, ныне полуострова Вали Котика. Имена повелителя Вселенной и героя-пионера Великой Отечественной теперь рядом на археологических картах.

Но пока никому не удалось найти подводный город, по сведениям Семенова-Тян-Шанского, скрытый в Тюпском заливе. Поиски продолжаются. И по наведенным Семеновым мостам – тоже.

Пятая попытка

В научных сочинениях Семенова упоминается о разных кладах в Прииссыккулье. Полтора века спустя после его экспедиций нет здесь клада знаменитее так называемого Курментинского.

В одноименном ущелье у крайней восточной оконечности озера (с видом на Тюпский залив, где Семенов хотел искать подводный град), по преданию, во время монгольского нашествия спрятаны несметные сокровища.

Искали их так.

Первая попытка была самой успешной. Несколько жителей соседнего села Тюп обнаружили здесь «золотой молоток» и сдали его в каракольскую контору. Дальнейшим поискам помешали обвалы скальных пород.

В 1952-1953 годах – вторая попытка, сюда мобилизовали узников ГУЛАГа. Поиски прервала смерть Сталина и временная ликвидация МГБ.

В 1977-м и 1997-м были еще две попытки – профессиональных геологов. Они подтвердили, что в ущелье под скальными толщами – пустоты и, возможно, крупные массы металла.

Пришли иные времена. В 2007-м пятую попытку предпринял бишкекский предприниматель, геолог по образованию Аман Эгембердиев (о его успехах и трудностях рассказывалось в «ВБ» за 15 августа: «Сокровища Курменты»). Он вместе с друзьями-товарищами отвел в сторону русло бурной Курментинки. Все официально, с разрешения центральных и местных властей и с ведома ученых. Аман Токтосунович надеется, что где-то в будущем году удача ему

СМИ
О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

улыбнется. Осмотревшие в дни работы конференции раскопки бишкекский археолог Асан Абетеков и горняк Ильгиз Айтматов разделяют этот осторожный оптимизм.

Вечерний Бишкек 2007.
5 сентября

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

30 августа – 1 сентября 2007 года на озере Иссык-Куль состоялась научно-практическая конференция, посвященная 150-летию путешествия Петра Петровича Семенова на Тянь-Шань.

Конференция была организована Кыргызско-Российским Славянским университетом, Национальной академией наук Кыргызской Республики, Посольством Российской Федерации в Кыргызской Республике.

Участники конференции отметили, что П.П. Семенов-Тянь-Шанский в ходе путешествия 1856–1857 гг.:

- первый начертил схему хребтов Тянь-Шаня, им были обследованы 23 горных перевала, определены высоты 50 вершин;
- опроверг мнение А. Гумбольта о вулканическом происхождении Тянь-Шаня;
- доказал, что вечные снега лежат на очень большой высоте, ему удалось определить высоту снеговой линии Тянь-Шаня, установить существование ледников альпийского типа;
- первый установил вертикальные природные пояса;
- описал флору и фауну горного края, собрал 300 образцов горных пород, коллекцию насекомых и моллюсков, 1 000 экземпляров растений (многие из них ранее не были известны науке);
- исследовал озеро Иссык-Куль и установил, что озеро бессточное, и река Чу не берет начало из него;
- описал два поперечных геологических разреза Тянь-Шаня, что помогло более глубокому изучению геологии Средней Азии.

В ходе дискуссии участники конференции обратили внимание:

- на экологическое состояние Иссык-Куля;
- на ухудшение состояния ледников и биоразнообразия в Кыргызстане;
- на дальнейшую необходимость укрепления и развития кыргызско-российских отношений, имея в виду, что путешествие П.П. Семенова-Тянь-Шанского заложило краеугольный камень в основание русского мира в Кыргызстане, способствовало достижению согласия и дружбы между двумя народами.

Участники конференции считают, что популяризация научного и мемуарного наследия П. П. Семенова Тянь-Шанского и других выдающихся русских

РЕЗОЛЮЦИЯ

ученых-путешественников будет и в дальнейшем способствовать утверждению единства через разнообразие как главной межнациональной идеи народа Кыргызстана.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАМЯТНИКА
П.П. СЕМЕНОВУ-ТЯН-ШАНСКОМУ**

Рыжий Лось и Олень золотистый от века стоят на рассветных холмах,
ноздри вздрагивают – в них вползает заря дикокаменной эры.

И за дымкой ущелий,

возлежа на своих пестротканых полях

в смуглом золоте зноя Хива

протянула к ним нежную лапу пантеры.

Виноградный Коканд стал игрушкой в руке кочевой -

беки режутся лихо, усмешка в прищуре манапов.

Но и принц, и дехканин – одинаково нищи над горной рекой:

жизнь прошла,

и ложится соха на траву, и скипетр падает на пол.

– Отрешимся от русских! – надсадно кричит Калыгул.

Что ж, будь им, я бы те же слова, словно соль,

сыпал в светлых ущелий разверстую рану.

Пусть сдерут с меня кожу,

я так же кричал бы в лицо Ормон-хану!..

Но хозяин тотема прищурился жестко –

и мира я не всколыхнул.

Это – правда твоя:

что с того, что, поэт Калыгул,

ты проспорил тогда? –

все ошибки политика в прошлых и прочих эпохах –

прозренья поэта.

Ах, кому это нужно...

Кремнистых столетий шальная вода

истощит ледники, всё нам скажет поэт,

но последняя песня – не спета.

Скачут всадники редкой цепочкой.

Посольство?..

В дремоте – манап.
В средоточии юрт – средоточье родов, и для племени – времени бег не имеет значенья.
Спрыгнул с лошади стройный поручик Семенов –
он духом не слаб,
он еще наречется Тянь-Шанским,
сенатором станет,
но это не вспомнят кочевья.
Бесконечная Азия счет своим дням не ведет,
век не движется, ибо бессмысленно это движенье.
Всё вернется на прежние тропы.
Мирозданья невидимый ход,
кочевая звезда – кочевого костра отраженье.
Кто постиг бормотанье весенних ручьев
и свободы осмысленный свет?
Кто дробящий напев табунов
проводил под струны перебор затуманенным взглядом?..
Вы ошиблись, правитель родов и сановный поэт!
Ну и что? – где ошибка, где истина...
Нет ее, да и не надо.
Это время гремит, низвергаясь, но нет перемен,
ибо все неизменно –
плач ягненка, призыв жеребца и смех молодухи.
Молчаливый старик оглядит, не привставши с колен,
весь свой мир –
и увидит забытые руны, затекшие руки.
Что – союз государств?
Мимолетных влечений игра
в древней пляске за власть – лишь младенчество кратко ига.
О певец Калыгул, пусть подули иные ветра,
всё – солжет,
не солжет лишь надежды изустная книга.
А она говорит, что деяний людских не поймет

и не примет природа:
спокойно осенний ковыль догорает,
если русский придет, то его неизбежен исход –
минет год
или тысячелетье,
ибо Время – никогда ничего не теряет.
Для чего, Колпаковский, ты склоны над Верным лесами одел?
Для чего, сын султана Чокан,
Степь живую ты с книжной сравнил Илиадой?
Есть предел – все мы вместе ошиблись,
и наша мечта – не у дел:
лес посаженный вырос и высох – и вновь зашумел.
Твой бессмысленный ветер, свобода,
над могильной оградой звучит
надмогильной наградой...

1990

ПУТЕШЕСТВЕННИК-МИРОТВОРЕЦ

Первые впечатления

В европейской науке середины XIX в. о Тянь-Шане бытовали самые разнообразные теории. Например, знаменитый Александр Гумбольдт считал всю Тянь-Шаньскую горную систему вулканического происхождения. Не менее знаменитый Карл Риттер в своей книге «Землеведение Азии» писал о Тянь-Шане лишь в самых общих чертах. Все сведения, которыми располагал тогдашний ученый мир, были почерпнуты из старых китайских источников, в частности, из работы средневекового буддийского монаха Сюань Цзяна. Тянь-Шань был «terra incognita» – Неведомой страной.

И вот этой страной страстно заинтересовался молодой русский ученый П.П. Семенов. Блестящий эрудит, соединивший в одном лице географа, геолога, зоолога и ботаника, он в свои 29 лет пользовался в ученых кругах заслуженным авторитетом, был в дружеских отношениях и с Гумбольдтом, и с Риттером, перевел на русский язык «Землеведение Азии», снабдив перевод обширными комментариями, сам опубликовал несколько серьезных статей.

Мысль о путешествии на Тянь-Шань зрела в нем давно, и готовился он основательно: совершил несколько путешествий по горным массивам Европы, изучал швейцарские ледники, итальянские вулканы, проходя как бы предварительную школу. Своими планами он поделился с Гумбольдтом и Риттером. Как впоследствии вспоминал Петр Петрович, оба маститых ученых благословили его, но «не скрыли своих сомнений относительно возможностей проникнуть так далеко в сердце азиатского материка».

И вот, в конце лета (1856 г.), совершив предварительно краткое путешествие по Алтаю, П.П. Семенов прибыл в Укрепление Верное. Представился начальнику Заилийского края приставу Большой Орды полковнику Хоментовскому, передав ему рекомендательное письмо от самого генерал-губернатора Г.И. Гасфорда. Хоментовский, сам весьма просвещенный человек, принял ученого с искренним радушием и сделал все возможное для скорейшей организации экспедиции. Она была снаряжена в два дня и уже 2 сентября 1856 г. Семенов в сопровождении 10 казаков, денщика и двух проводников выступил из Верного к загадочному Иссык-Кулю. Путешествие продолжалось две недели. 16-го возвратились в Верный.

Хоментовский предупредил ученого, что на восточном берегу озера сейчас пустынно вследствие кровавой вражды между сарыбагышами и бугу. «Можно встретить только блуждающую шайку (баранту) той или другой стороны. Необходимо принимать на ночлегах все меры предосторожности, как в военное время».

Путь от Верного до Иссык-Куля привел Семенова в восторг. В своей книге «Путешествие в Тянь-Шань» он дает картины изумительных пейзажей, где перед читателем выступают то горные реки, течение которых сбивает с ног лошадей; то стройные ели, сбегаящие по склонам; то ущелье, заросшее дикими фруктовыми деревьями. Об Иссык-Куле он пишет: «Вода озера на вид была прекрасна по своей прозрачности и светло-голубому цвету... Забравшись на гору, я мог еще раз окинуть прощальным взглядом чудную поверхность Иссык-Куля. Светлая струя серебрилась по ней под догорающими лучами солнца, вскоре утонувшего в дымке вечернего тумана...».

И все эти пейзажи – на фоне величественных снеговых хребтов, неизменных, как сама вечность...

А животный мир! Путешественники проезжали места, где фазаны вспархивали из-под копыт. Внезапно выскочивший из кустов марал («бугу») с громадными ветвистыми рогами, заставил шарахнуться лошадей. На одном из заброшенных киргизских кладбищ застали светло-серого тяньшаньского медведя-гробокопателя и прогнали его. А однажды из зарослей арчи вспугнули двух тигров...

Но, видимо, самое сильное и к тому же тяжкое впечатление путешественники испытали 9 сентября, когда достигли долины реки Тютю. На большом протяжении долина была усеяна остатками разорванных юрт и обглоданными костями. Это были следы прошлогоднего побоища между сарыбагышами и бугу...

Дорожные грабители

Возвратившись в крепость, Семенов нашел большие изменения. Оказывается, у Хоментовского была целая война с чуйскими сарыбагышами. Поход в военном отношении оказался не совсем удачным, однако впечатление от него среди кара-киргизов, несомненно, было очень велико – ведь, по слухам, сарыбагыши потеряли от казачьих пуль и ракетных станков много убитых и раненых. Хоментовский хотел знать, каково это впечатление на самом деле и достигнута ли главная цель похода – показать туземцам, что отныне за всякое нападение на российских подданных виновные будут строго наказаны.

Чтобы выяснить это, полковник решил немедленно организовать рекогносцировочный отряд. «Этот отряд, – пишет П.П. Семенов, – состоявший из не-

полной сотни казаков и нескольких киргизских проводников, он предложил мне взять в свое распоряжение с тем, чтобы выйти на реку Чу, а если я не застану там сарыбагышей, проникнуть до западной оконечности Иссык-Куля и вернуться через известные мне горные проходы Заилийского Алатау в Верное».

Итак, 21 сентября отряд в 90 человек выехал из Верного. И сразу же начались приключения. Проехав 40 верст вдоль Заилийского Алатау, путешественники спустились в глубокую ложбину и вдруг услышали истошные вопли и крики о помощи. Пришпорили лошадей и, взлетев на бугорок, увидели следующую картину: множество спешившихся всадников и лошадей клубились, кричали, размахивали руками. Среди этого базара возвышались два десятка невозмутимых верблюдов, с которых проворно стаскивали вьюки. Несколько ташкентцев в полосатых халатах полулежали на земле, задрав ноги; люди в киргизских шапках снимали с них сапоги.

– Баранта грабит караван! – ахнул многоопытный урядник.

– Шашки наголо! Марш-марш! – гаркнул Семенов как заправский боевой офицер; недаром он когда-то окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Казачья лава с гиканьем понеслась вниз. На дне ложины несколько мгновений все пребывало в оцепенении. Затем с дикими криками множество всадников в белых шапках, нахлестывая коней, помчались в противоположный конец ложины. Остались только величественные верблюды, несколько коней да люди в полосатых халатах, они торопливо натягивали сапоги.

– Это они с них сапоги снимали, – говорил урядник. – Сарты деньги в сапогах прячут.

– Останься с двумя казаками, успокой купцов, – отрывисто бросил Семенов. – Остальные марш-марш, за мно-ой!

И отряд поскакал вдогонку барымтагам. Вот это была скачка! Погоня продолжалась два часа. Выдохлись и лошади, и всадники. Кара-киргизы скакали Петрах в пятистах впереди, но расстояние медленно сокращалось.

– Ишь, что делают! – воскликнул казак-переводчик.

Действительно, было чему удивляться: барымтаги раздевались! Под копытами лошадей стали попадаться брошенные чапаны, халаты, даже курджуны – матерчатые и кожаные походные мешки со снедью; бурдюки, в которых держат кумыс, айран и другие напитки.

– Раздеваются подлецы, чтобы, значит, облегчить коней, – говорил переводчик и в голосе его слышалось восхищение. – Теперь их не догнать.

И действительно, баранта стала удаляться. И преследуемые, и преследователи давно уже перешли с бешеного аллюра на рысь, потом на «тропону». Но баранта все-таки оторвалась и ушла. Лишь три отставших всадника маячили впереди метров за 200. Семенов оглянулся. В пылу погони он и не заметил, что сзади него пусто: отряд далеко отстал. Рядом трусил лишь казак-переводчик.

– Не догнать, – сказал он. – Что будем делать, ваше благородие? Гля, гля, пал пустили!

Ветер, дувший в лицо, принес запах гари. Впереди заплясали огненные язычки по сухой траве. Семенов натянул поводья.

– Можно ссадить их пулей, – нерешительно сказал казак.

– Не будем стрелять в безоружных, не возьмем греха на душу, – возразил Семенов, – пусть себе едут. Оба поворотили коней. За их спинами язычки пламени постепенно соединялись в зубчатые гребни, они в свою очередь сливались в колеблющиеся валы и, наконец, превратились в сплошную огненную стену. Она быстро приближалась. Вконец выдохнувшиеся лошади еле плелись; правда, запах гари и явно ощутимый горячий ветер заставил их тревожно раздувать ноздри и вроде бы прибавил прыти. Однако, если бы не попалась им большая и глубокая сырая ложбина, путники навряд ли избежали бы грозной опасности.

Огненные языки обогнули лощину, а когда все утихло, появился отряд в полном составе. Здесь они и провели ночь.

Самая тревожная ночь

24 сентября отряд достиг реки Чу, и после ночлега переправился через нее выше кокандской крепости Токмак.

Были приняты все возможные меры предосторожности. Ведь только что произошло кровопролитное столкновение сарыбагышей с русскими, многие казаки отряда участвовали в походе Хоментовского и теперь, вступив на землю вчерашнего врага, чувствовали себя неуютно.

Выяснилось, что сарыбагышей в Чуйской долине нет. Поход Хоментовского действительно произвел большое впечатление, и все отделение тынай-атаке оставило свои земли.

Семенов принял решение двигаться через Боомское ущелье к Иссык-Кулю. Казаки хмуро выслушали это сообщение. Семенов пишет: «Переход в 80 верст через почти бездорожное ущелье, в котором или за которым мы должны были встретиться с озлобленными врагами..., мог показаться безум-

ным предприятием, и поддерживать бодрость и самоуверенность между казаками мне было нелегко».

К счастью, утром 25 сентября над всей долиной поднялся густой туман. Под его прикрытием (опасаясь кокандских разъездов из Токмака) 90 всадников и 20 вьючных лошадей двинулись в сторону ущелья. Миновали порфиновую сопку Боролдай. Вот и горловина ущелья. Отсюда, клокоча и пенясь, вырываются бешеные воды Чу. С каждым шагом ущелье становилось все уже, громадные скалы подступали к самой воде. Наконец тропа уперлась в бурлящую реку. Пришлось переправляться на левый берег. Это отняло много времени и стоило многих переживаний. Но через несколько сот шагов скалы опять подступили к самой воде, и пришлось с риском для жизни переправляться обратно.

В течение дня эта процедура повторялась несколько раз. И каждый раз приходилось развьючивать лошадей (иначе течение опрокинуло бы их), переправлять вьюки на руках, потом перетаскивать упирающихся коней. Адова работа!

К вечеру небо заволочло тучами, наступила темная, без единой звездочки ночь. В полной тьме отряд двигался, что называется, наощупь. К 3-м часам ночи выбрались на маленькую поляну – котловину. Семенов отдал распоряжение располагаться на ночлег – и люди, и кони совершенно выбились из сил. С лошадей сняли тюки (но оставили заседланными). Засыпали в торбу овса и тотчас завалились спать. Лишь часовые бодрствовали на двух скалах, торчавших у самой реки. Семенов напрасно старался уснуть в своей палатке. Шумела река, храпели казаки, пофыркивали кони, а он думал о том, что вот завел почти сотню людей в настоящую западню. Ведь стоит только киргизам обнаружить лагерь, как уничтожить его – пара пустяков. Надо только сталкивать сверху громадные камни – и пуль не потребуется.

И как бы в ответ на его мысли вдруг оглушительно грохнул предупредительный выстрел. Семенов схватил револьвер и выскочил из палатки. Казаки уже бежали к лошадям:

– Только-только уснул, а тут – гром среди ясного неба.

– Погоди, сейчас будет тебе и град...

Взобравшись к часовому, Семенов выслушал его доклад:

– Да что, ваше благородие, сию я этак, поглядываю... Слышу – мелкие камни будто сыпятся... Сыпанет этак – и затихнет. Опять сыпанет. А тут и тучки разошлись, луна – прямо над ущельем. Глянул я вверх, а там два киргизца с лошадьми пробираются. Камешки-то из-под копыт и сыпятся. Думаю – не иначе, разведчики. Ну и бабахнул. Семенов навел бинокль, куда часо-

вой указал головой. По самой кромке обрыва, на головокружительной высоте пробирались два киргиза, ведя коней в поводу. Луна ярко светила и в бинокль были даже видны на фоне неба их остроконечные шапки.

– Вот уж архары, – говорил казак, – и головы у них не кружатся. Ведь там и ногу поставить иной раз негде, враз сверзишься. Одно слово – дико-каменные...

Петр Петрович долго наблюдал за движением ночных верхолазов и убедился, что те и не помышляют о чем-то враждебном. Наоборот: кара-киргизы, обнаружив русский лагерь, освещенный луной, и услышав выстрел, стремились подальше и скорее обойти его. Путь их лежал в сторону Иссык-Куля. Семенов углядел в этом другую, не менее грозную опасность: эти двое могут предупредить сородичей и те устроят у выхода из ущелья русским такую встречу, что...

Он тотчас спустился вниз и приказал отряду выступать.

В айылах Уметалы

Два с лишним часа продолжался путь по ущелью и каждую минуту путешественники ожидали смертоносного каменного града. Возшло солнце. Ущелье делалось все шире и шире, пока не превратилось в долину. Вдалеке белело кучкой пять юрт – крошечный айыл. Отряд направился к нему. Было видно, как там забегали фигурки, потом десяток всадников поскакал в степь. Вслед им трусил на быке, погоняя его камчой, сгорбленный старик: Семенов в бинокль хорошо разглядывал его беспрестанно оборачивающееся лицо с седеньким клинышком и расширенными от страха глазами. Путники видели, как старик свернул в маленькое ущелье и спрятался там.

В айыле был страшный переполох. Немногочисленные собаки с яростным лаем отступили перед отрядом и убежали в степь. Только женщинам и детям некуда было убежать. С бледными искаженными лицами, всклокоченными волосами матери семейств устремились навстречу пришельцам, простирая руки и причитая.

– Просят не убивать, – деловито сообщил переводчик. Петр Петрович сердито взглянул на него:

– Переведи-ка слово в слово! – он обратился к рыдающим женщинам.
– Успокойтесь! Успокойтесь! Никто не причинит вам вреда!

– Тыныстаныздер! Сиздерге эч-ким жамандык кылбайт! – эхом откликнулся переводчик. Семенов спешил. Женщины притихли и во все глаза смотрели на него.

– Елисейев! – кликнул он урядника. – Поддай ту сумку! А теперь, милые марджи, примите от меня небольшие подарки.

Петр Петрович стал вынимать из дорожной сумки головные платки и одевать ими женщин. Те изумленно глядели сквозь непросохшие слезы.

– Берите! Берите! А тебе, бабушка, самый теплый платок. Слушайте! Мы идем не с войной, а с миром. Я еду в гости к вашему верховному манапу Умбет-Але, хочу сделаться его тамыром. Где его найти?

Теперь женщины поверили. С платками в руках они наперебой стали объяснять, размахивая руками и показывая в сторону.

– Умбет-Ала на Иссык-Куле, в урочище Кутемалды, – сообщил переводчик.

По знаку Семенова отряд тотчас двинулся в указанном направлении. Сначала скакали довольно быстро, потом перешли на рысь, затем поехали шагом и, наконец, вынуждены были остановиться. Вся долина, насколько хватало глаз, была заполнена несметным количеством скота. Через конские табуны, стада коров и бесчисленные отары овец невозможно было пробиться. Потрясенные казаки обменивались междометиями. Тогда Семенов приказал четырем дюжим казакам ехать впереди и расчищать дорогу.

Но вот пошли киргизские юрты. Бесчисленные, как речная галька, они заполняли всю степь между поворотом Чу и берегом Иссык-Куля. «Очевидно, почти все племя сарыбагышей собралось здесь на стойбищах около аула Умбет-Али», – вспоминал Семенов.

Встречные кара-киргизы, получив разъяснение и подарок, охотно показывали дорогу к ставке верховного манапа.

Наконец, добрались до айыла Уметалы. «Узун-кулак» уже донес сюда весть о гостях. «Здесь нас ожидала прекрасная юрта, наскоро приготовленная для объявивших себя гостями Умбет-Алы. В юрте были разостланы богатые ковры, и когда я уселся на них, то в юрту вошли брат и дядя манапа с некоторыми другими почетными лицами и заявили, что самого Умбет-Алы не было дома...».

Петр Петрович произнес внушительную дипломатическую речь: – Я приехал издалека, из столицы России, – он многозначительно поднял палец, – посмотреть, как живут русские переселенцы на далекой границе. Тут только узнал я о происшедшем столкновении. По моему мнению, между русскими и кара-киргизами должны установиться добрососедские отношения. Русские первые никогда не нападали и никогда не нападут на кара-киргизов. Не следует лишь вести баранты – они легко могут перейти в войну, как в последнем случае. Киргизы Большой Орды

(т.е. казахи) – российские подданные и на них ни в коем случае нападать нельзя. Иначе последует возмездие, что и случилось. Нельзя также трогать караваны. Если выполнять эти условия, то русские готовы поддерживать самые дружеские отношения с кара-киргизами. Вот почему я и приехал к Умбет-Але. Очень хочу сделаться его тамыром, и в знак этого прошу передать ему мои подарки. Елисеев! Распакуй выюк.

Почетные хозяева – «белая кость» – слушали доброжелательно. Подарки привели их в еще более доброжелательное состояние. Дядя манапа сказал:

– Мы хотим дружить с орусами, ведь мы тоже подданные Белого царя. От имени Уметалы прошу уважаемого улькунтёрё принять ответный подарок. Он ждет гостя перед юртой.

Все поднялись и вышли. Семенов увидел трех прекрасных коней: гнедого, вороного и чалого.

Таким образом, союз дружбы был заключен и Петр Петрович, по обычаю, сделался тамыром Уметалы Ормонова, верховного манапа сарыбагышей.

День прошел в степных разговорах за обильным досторконом. Гостя пригласили даже на предстоящую байчу – в честь погибших в сражении с Хоментовским. Такое предложение, разумеется, принять было нельзя. Русскому присутствовать на тризне по убитым рукою русских? И Семенов нашелся:

– С превеликим бы удовольствием, но нет времени. У горных перевалов меня ждут русские отряды и если мы не вернемся вовремя, могут подумать нехорошее и опять начнется кровопролитие.

Настало время сна. Несмотря на радушие хозяев, Семенов принял все меры предосторожности: «Все лошади были заседланы и не выходили из рук спавших по очереди казаков; кругом выстроенной для меня юрты были расположены часовые».

Ночь прошла благополучно – сарыбагыши твердо чтили священный обычай гостеприимства.

На другой день неистребимый дух ученого заставил Петра Петровича забыть о ночных и прочих страхах. В сопровождении казака и двух проводников-сарыбагышей он отправился выяснять: действительно ли реки Чу или Кутемалды являются стоками Иссык-Куля, как утверждали западно-европейские ученые, в том числе и Гумбольдт?

В этот день Семенов сделал открытие и установил, что Иссык-Куль стоков не имеет.

Вернувшись, ученый опять был встречен обильным угощением. Дружески распрощавшись с гостеприимными хозяевами, отряд покинул сарыбагышские

ночевья и отправился в обратный путь. Первый ночлег (27 июня) прошел тревожно. Даже костров не разводили: а вдруг сарыбагыши, такие добрые в своих айылах, теперь, на нейтральной территории, вздумают напасть? Обычай это позволяет.

28 сентября одолели перевал Дюренень высотой в 3000 м и спустились в долину Кебина. Только здесь отряд почувствовал себя в полной безопасности. Казаки бурно радовались и развели жаркие костры, на которых жарился огромный кабан, убитый по дороге. Петр Петрович в своей палатке, поставленной у горного водопада, писал дневник, прислушивался к веселым голосам спутников. К рассвету голоса стали еще веселее. Ученый вышел из палатки выяснить, в чем дело, и тут все открылось. «Уже с вечера, тайком от меня они послали в Верное двух казаков на лучших лошадях с завидными за водкой, и к утру водка была получена, несмотря на то, что расстояние до Верного через второй снеговой перевал было не менее 90 верст».

Петр Петрович не сердился: он понимал этих простых людей. Участники похода Хоментовского, они своими глазами видели останки раненых товарищей, попавших в руки врагов: озлобленные сарыбагыши разрубали их на части. То же самое могло случиться и с ними, а вот не случилось. Как же не отпраздновать?

Последним напоминанием об избегнутой опасности был случай 29 сентября на берегу реки Кебин.

На привале казах-проводник поднял лошадиный помет, валявшийся во множестве, потер его между пальцами, понюхал и вдруг побледнел:

- Здесь ночевала каракыргызская баранта!
- И давно? – смеялись беззаботные казаки.
- Ушла два часа назад. Много людей! Сарыбагыши или солто, не любящие орусов!

Казаки смеялись, а проводник твердил:

- Они где-то здесь. Спрятались в ущелье, могут напасть.

Петр Петрович с интересом слушал туземного следопыта, однако и он плохо верил в опасность: до Верного рукой подать.

Скоро отряд тронулся не спеша в путь. Подвыпившие казаки весело смеялись, покачиваясь в седлах. И никто, кроме пугливо озиравшегося проводника, и помыслить не мог, что из ближайшего ущелья, скрытые красавицами-елями, за ними наблюдают двести пар глаз...

1 октября благополучно возвратились в Верный.

У Боромбая

В мае 1857 г. Петр Петрович Семенов опять прибыл в Верный после поездки в Барнаул. В укреплении он уже не нашел своего друга Хоментовского. А.И. Гасфорд отстранил его от должности в наказание за поход против сарыбагышей. Приставом Большой Орды стал теперь полковник Перемышльский, как говорили, побочный сын русского канцлера князя В.Ф. Горчакова. Перемышльский и раньше, до Хоментовского, служил в Заилийском крае и поэтому хорошо знал местную обстановку. Встретил он гостей очень приветливо. Мы говорим «гостей», потому что Семенов приехал не один, с ним был П.М. Кошаров, выпускник Петербургской академии художеств, работавший до этого учителем рисования в Томской гимназии. Семенов, полный грандиозных планов досконального изучения Тянь-Шаня и населявших его племен, хотел запечатлеть все виденное не только в дневниках, но и наглядно – в рисунках. Павел Михайлович Кошаров без колебаний оставил спокойную работу, чтобы окунуться в романтику опасных приключений.

Сразу же по прибытии началась подготовка ко 2-му путешествию. Пристав Большой Орды оказывал им всяческое содействие. Семенов вспоминал: «Сошелся я с Перемышльским очень скоро, найдя в нем человека простого в лучшем значении этого слова, в высшей степени порядочного, рассудительного и обладающего большим здравым смыслом». (Однако, по мнению Петра Петровича, он все же был «менее отважен, менее талантлив и менее образован, чем Хоментовский».)

Семенов объяснил новому приставу свой замысел: «... выйти к восточной оконечности Иссык-Куля, дойти до северного склона снежного хребта, замыкающего бассейн озера с юга, и проникнуть, по возможности, в его долины и на горные перевалы, соединяющие илийский и иссык-кульский бассейны с Кашгарией».

Перемышльский почему-то обрадовался такому маршруту.

– Превосходно-с! Даю вам в конвой полсотни казаков и помогу нанять верблюдов для ваших выюков.

Радость его вскоре разъяснилась. Дело в том, что в бассейне Иссык-Куля продолжалась кровавая усобица между Бугу и сарыбагышами. Требовалось оказать срочную помощь бугинцам, но сделать это открыто Перемышльский не мог – он помнил судьбу своего предшественника. Вот почему он ухватился за мысль под видом научной экспедиции протянуть союзнику – Боромбаю – спасительную руку.

Правда, полсотни казаков – слишком малая сила. Дать больше (как это сделал бы Хоментовский) – получится экспедиция уже не научная, а военная. Перемышльский никогда не боялся врагов – он боялся только начальства. Хорошо подумав, хитроумный полковник предложил: пусть будет полсотни казаков, но к ним в придачу выступит полторатысячное ополчение казахского султана Тезека, уже давно стремившегося помочь Боромбаю.

29 мая из Верного вышел караван: 58 человек, 12 верблюдов и 70 лошадей. Второе путешествие началось...

Маршрут пролегал через заилийский Ала-Тау, перевалы Сейрек-Таш, Турайгыр, лабиринты речек трех Мерке, Кегена и Чарына на Милую Каркару, где находились кочевья бугинцев. На самом Санташе стоял в то время айыл Боромбая.

Верховный манап встретил гостей с нескрываемым восторгом. И причины тому были веские. После прошлогоднего разгрома бугинцы потеряли все свои земли на Иссык-Куле; Боромбай, кроме того, потерял и свою семью: жену, дочь и двух снох. Все они стали пленницами сарыбагышей. Теперь, по прибытии русского отряда, старый манап надеялся вернуть все утраченное.

Семенов познакомился с оставшейся семьей чон манапа. «Жен у него (Боромбая) было четыре. Старшая, Альма, держала себя с большим достоинством. Захваченная осенью 1856 г. в плен сарыбагышами, она была обменена на знатных сарыбагышских пленных, взятых до весны 1857 г. Другая жена, по имени Мекке, находилась еще в плену... вместе с женами сыновей Боромбая. Две остальные его жены кочевали в собственных аулах в нескольких верстах от старшей. Из четырех дочерей манапа я видел только одну, довольно красивую, по имени Джюзюм, но самая красивая, Меиз, не входила в юрту своего отца. Своих 4-х сыновей старый манап поспешил мне представить. Старшему, Клычу («Тигру Иссык-Куля»), было не менее 50 лет... Он был похож на своего отца и имел некрасивый тип кара-киргиза. Второй сын, Эмирзак, отличался умным лицом... Третий, по имени Тюркмен, был приятной наружности, но казался простоватым, а четвертый, Канай, был красивый мальчик лет 13. Жены Клыча и Эмирзака находились в плену у сарыбагышей.

Сохранились портреты старого Боромбая, Альмы и юной Джюзюм, сделанные рукой П.М. Кошарова. Толстый Боромбай сидит – свернув ноги калачиком – и излучает добродушие. На лице пожилой Альмы еще сохранились следы былой красоты. А Джюзюм – воплощение шаловливой юности.

На другой день, 8 июня, прибыл султан Тезек с отрядами. Он привез удивительные новости. Оказывается, слух о прибытии большого русского на-

чальника – «улькунтёрё» в сопровождении огромного отряда солдат облетел, как молния, все Прииссыккулье. Семенов пишет: «Про меня рассказывали, что я имею в руках маленькое оружие (пистолет), из которого могу стрелять сколько угодно раз».

Эти слухи так напугали сарыбагышей, что они немедленно очистили все бугинские земли и ушли на западную оконечность озера и «еще дальше на реки Чу и Талас и даже отчасти за Тянь-Шань на верховья Нарына».

Путь в глубь Тянь-Шаня через Заукинский перевал был теперь как будто безопасен...

Сарыбагыши

Покинув гостеприимного Боромбая, отряд двинулся дальше – теперь уже с чисто научной целью, политика окончилась.

Пройдя Санташ, спустились в долины рек Тюп и Джергалан. И опять политика напомнила о себе. Навстречу путешественникам плелись целые толпы бугинцев, «голодные, исхудалые и полуодетые». Они были брошены бежавшими сарыбагышами.

Проводники-бугинцы, встретив измученных земляков, плакали, расспрашивали о своих близких, а найдя их в следующей толпе, так бурно радовались – и те, и другие – что даже крепкие казаки украдкой вытирали глаза. Кому нужны эти усобицы, эта война?..

Путешественникам пришлось делиться с ними пищей из запасов, взятых в айыле Боромбая.

Дальше маршрут пролегал мимо теплого ключа Арасан, через реку Ак-Су, в места, где стояла брошенная кокандская крепость Каракол, а впоследствии возник город Пржевальск.

На берегу бурной, хрустально-ледяной Ак-Су Семенов оставил отряд, наказав художнику Кошарову:

– Позавтракайте и двигайтесь к речке Караколке. А я хочу еще раз убедиться: есть или нет здесь вулканические породы.

Взяв с собой только неизменного казака – переводчика да проводника-бугинца, Петр Петрович поднялся в горы.

...Убедившись, что вулканических пород нет и здесь, Петр Петрович решил спуститься в долину навстречу отряду. Они ехали по крутому дикому ущелью, густо заросшему деревьями и кустарниками. Пробираться сквозь эту буйную зелень было нелегко, высокий шиповник царапал руки, плети ежевики цеплялись за копыта.

Но вот выехали на поляну, и перед ними открылась изумительная панорама Иссык-Куля.

– А вот и наши, – переводчик ткнул плетью вниз.

У подножия гор под лучами солнца сверкала лента реки. Через нее переправлялись вброд множество всадников.

– Нас уже заметили! – сказал Семенов. – Поторопимся же и мы.

Действительно, от отряда отделились шесть всадников и быстро поскакали вверх.

Бугинец-проводник стал что-то с жаром говорить, в голосе его слышалась тревога.

Переводчик тоже встревожился:

– Он говорит: это – сарыбагыши.

Теперь встревожился и Петр Петрович: «Действительно, и одежда на них, сколько можно различить, не та... И верблюдов нет!.. Уйти от встречи не было никакой возможности – не подниматься же по этому крутому заросшему ущелью! Все равно догонят...

– Будем спускаться. Авось, увернемся. К несчастью, перескакивая через рытвины, лошадь переводчика повредила позвоночник, застонав, как человек. Теперь она еле передвигалась.

А сарыбагыши были уже близко. Сквозь густую листву мелькали их белые шапки. Петр Петрович остановился у следующей рытвины:

– Приготовимся.

Казак и бугинец сняли с плеч ружья. Семенов вытащил свой знаменитый револьвер.

Всадники выехали на поляну и остановились по другую сторону оврага. Шестеро против троих. Начался быстрый разговор через переводчика:

– Кто вы?

– Мы русские. Из того большого отряда, что пришел в бугинские кочевья.

Сарыбагыши повертели белыми шапками; предводитель сказал подозрительно:

– Где же ваш отряд?

– Очень близко. Сейчас покажется.

Предводитель насмешливо прищурил и без того узкие глаза:

– Пока он покажется, мы вас заберем в плен. Семенов показал револьвер.

– Я улькунтёрё. Знаете, что у меня в руках? То самое оружие, которое стреляет сколько угодно раз. Вздумаете напасть – только людей и время потеряете.

Сарыбагыши тарацились то на револьвер, то на его владельца.

– Сейчас придет наш отряд и все вы, даже те, что внизу, попадете в плен. А между тем, если не будете терять время, то сможете легко ускакать. Мы стрелять не будем.

Петр Петрович блефовал, в душе моля Бога о помощи. И вдруг из-за высокого перевала действительно показалась голова отряда. Оружие и амуниция сверкали на солнце. Бог услышал!

Сарыбагыши повернули головы, смотрели полминуты. А всадники все ехали из-за перевала: казалось, им не будет конца. Вот появились верблюды.

Предводитель отдал короткую команду, сарыбагыши разом поворотили назад и растворились в густой зелени.

Петр Петрович вытер вспотевший лоб, казак вынул кисет и стал сворачивать дрожащими пальцами сигарку, а бугинец громко читал благодарственную молитву...

* * *

И еще была одна встреча. 17 июня, перейдя вброд речку Талды-Су, Петр Петрович велел разбить лагерь, а сам в сопровождении 15 казаков с урядником и проводниками-бугинцами поднялся на ближайший увал. Вдруг он видит: проводники с искаженными от страха лицами мчатся назад. Семенов, недолго думая, пришпорил лошадь и поскакал им навстречу. Следом поскакали казаки.

Достигнув вершины увала, он увидел причину испуга проводников: навстречу неслась сарыбагышская баранта – человек 30 всадников с пиками и кремневым ружьями-турхами за плечами. Отступить было уже поздно и Семенов, очертя голову, бросился в самую середину врагов, размахивая револьвером. Может быть, именно громкая слава этого револьвера и не меньшая – его владельца «улькунтёрё» – спасла ему жизнь. Сарыбагыши все как один соскочили с коней, сняли с плеч турхи и положили их на землю. Петр Петрович уже подумал, что тут ему и конец. Сейчас установят рожки, поставят на них ружья и откроют пальбу.

Но сарыбагыши ничего такого не сделали: они, как замороженные, устались на «улькунтёрё» и дружно закричали:

– Аман! Аман!

Подскакали казаки, и переводчик изумленно объяснил:

– Они говорят, что сдаются.

Семенов уже немного и сам понимал по-киргизски. Конечно, слава Богу, все обошлось без смертоубийства. Но что делать с внезапно свалившимися пленниками? Вот незадача.

Казаки взяли пленных в кольцо, но сарыбагыши смотрели только на «улькунтёрё». И Петр Петрович объявил через переводчика:

– У меня нет никакой вражды к сарыбагышам. Я очень уважаю ваше племя, а Умбет-Ала мой тамыр. Я возвращаю вам свободу, оружие и коней, но с одним условием: чтобы вы тотчас возвратились домой и ни в коем случае не предпринимали набег на бугинцев. В обеспечение этого я оставляю двух заложников – аманатов... – Семенов указал на двух рослых джигитов, которые показались ему предводителями. – Я их тоже отпущу, как только достигну аула Боромбая.

Аманаты-заложники тотчас подвели своих коней и стали у стремени Семенова. Остальные с шумным восторгом и благодарностями вскочили в седла и помчались прочь.

Казаки с облегчением глядели им вслед...

Трагедия кыдыков

Все последующие дни отряд упорно продвигался к Заукинскому (Джууканскому) перевалу. Петр Петрович хотел добраться до истоков Нарына, известного в нижнем течении как Сыр-Дарья, древний Яксарт.

У самого перевала на тропе стали попадаться трупы животных – лошадей, коров, овец. Два раза попались трупы людей. Спутники Семенова взволнованно переговаривались. Все знали, что весной здесь произошло страшное побоище между сарыбагышами и бугинским родом кыдык. И хотя был уже июнь, в этой высокогорной зоне трупы выглядели так, будто погибли вчера.

Выше подъем оказался настолько труден, что Семенов оставил отряд и продолжал путь только с художником Кошаровым, тремя казаками и двумя бугинцами-проводниками. Тропа вилась между голых скал и порой было так круто, что приходилось спешиваться и вести коней в поводу.

Когда поднялись на вершину перевала, боль в ушах стала невыносимой, казалось, немедленно пойдет кровь. Но все обошлось. Зато путники были вознаграждены изумительной картиной. Перед ними простиралась волнистая равнина, по которой там и сям поднимались невысокие холмы, покрытые вечным снегом. Между ними сверкали зеленые озера, кое-где у кромки затянутые льдом. Зеленоватую гладь тревожили стаи турпанов, похожих на райских птиц: их красно-синее оперенье отливало на солнце драгоценными камнями. Все пространство у подножия холмов представляло чудесный ковер из альпийских трав, цветов и золотистых головок дикого лука (получившего впоследствии видовое название в честь П.П. Семенова).

Проблуждав часа два по этим сказочным местам, путники поднялись на заснеженный холм, ослепительно сверкавший под солнцем, и с него увидели три озера, из которых текли три речушки, сливавшиеся ниже в одну: это и были истоки Нарына – Сыр-Дарьи-Яксарта...

На обратном пути совсем другая картина представилась глазам путников и тягостно потрясла их: они попали на «мертвое поле» – место последней битвы сарыбагышей и кыдыков. На большом пространстве лежали трупы животных и людей. В условиях альпийской зоны они прекрасно сохранились. Казалось, в воздухе еще звучат дикие боевые крики, стоны раненых, гремят залпы из ружей, взвизгивают кони... (или это – кровь в ушах?)... Вот-вот появятся и сами действующие лица... Вон там будто шевельнулось что-то, поднялась рука... Путники подумали уже, что галлюцинируют... Но нет: «Навстречу нам с радостным лаем бросилась стая бугинских собак, оставшихся с весны на поле битвы и питавшихся там нисколько не разложившимися вследствие холода трупами...».

Кыдыки... Несчастный род, жертва беспощадной междоусобицы... Семенов вспомнил их историю...

* * *

... Когда бугинцы покидали родное Прииссыккулье и уходили на Текес и Каркару, никто не возражал: всем было ясно, что решение Боромбая – единственно возможное, другого выхода просто нет. Никто – кроме родоправителя кыдыков бия Самсалы. Самсалы решительно воспротивился. Он давно завидовал первенствующему положению Боромбая. Почему старый Боромбай и его род белек верховодят среди бугинцев? Разве кыдыки хуже? Неисчислимы стада бия Самсалы, тверда его рука, сотни джигитов по одному его мгновению вскакивают в седла. Есть у него и сундуки с добром, и знатные жены, и сыновья – джигиты, и красавица дочь... Почему же этот грузный 80-летний старик всем распоряжается и слово его с готовностью подхватывают остальные?

Нет, бай-манап Самсалы не таков, как «остальные».

– Никто и ничто не заставит меня покинуть землю предков! – заявил он на последнем совещании манапов.

– Заставляют сарыбагыши, – напомнил Боромбай.

– Кто боится Уметалы и Тёрёгельды – пусть уходит. Кыдыки остаются.

– А подумал ли ты о своих людях, которых обрекаешь на верную смерть?

– Почтенный Боромбай полагает, что только он один думает! Но и у других есть плечи, а на плечах – голова.

– Плечи у тебя есть и очень широкие, – резко возразил Боромбай.
– Но будь ты даже Манас, за твоими плечами не укроется от врагов весь народ кыдык. Нужна еще и голова, а я вижу только тебетей. Слушай, Самсалы! Кыдыки пойдут, как все бугу, на Текес!

Оскорбленный Самсалы покинул совещание и приказал своим айылам откочевать подальше – пока остальные не уберутся.

Боромбай – не Ормон, применять насилие он не стал. Все бугинцы ушли, кыдыки остались на Иссык-Куле. Очень скоро Самсалы понял, что совершил роковую ошибку. Бесперывные мелкие нападения сарыбагышских барымтачей были не в счет, хотя и весьма ощутимо отражались на главном достоянии кыдыков – скоте. Самсалы получил верные сведения, что Уметалы и Тёрёгельды – беспощадные и жестокие беркуты – идут на кыдыков. Вот тут-то самоуверенный манап впервые почувствовал страх. Он приказал айылам свертываться. Кыдыки должны были уйти от врага на Нарын.

Собрались быстро (весь род, кроме Самсалы, был давно уж в большой тревоге) и пошли со всей возможной скоростью вверх к Заукинскому перевалу. Подоспевшие джигиты Уметалы били отставших, угоняли скот. С большими потерями поднялись на плоскогорье; здесь Самсалы убедился, что к Нарыну пробиться нет возможности. Тогда он, ломая гордость, решился на последний шанс: приказал повернуть по горным тропинкам на Сарыджаз и Кокджар, чтобы пробраться на Каркару к Боромбаю. Тут-то их и настигли враги.

Прискакали джигиты и доложили манапу Самсалы:

– Сзади подходит Уметалы.

– Я так и предполагал, – спокойно отвечал манап. – Эй, Кермек-батыр! Возьми три сотни и запри выход на перевал.

Но Кермек-батыр опоздал. Воины Уметалы уже ворвались на равнину. Кермек-батыр пока сдерживал их, отступая. Подоспел Самсалы с основными силами, и положение стало выправляться. Сражались, по обычаю, пешими, прячась за коней. Гремели залпы из кремневых ружей, клубы порохового дыма застали поляну.

И тут раздались вопли ужаса и отчаяния в противоположном конце, а потом шум сражения перекрыл звук боевой трубы.

Самсалы побледнел:

– Это Тёрёгельды, – сказал он. Это конец...

И как бы в подтверждение этих слов оглушительный боевой клич-уран «черикчи»!!!, вырвавшийся из сотен глоток, прогремел над поляной.

Многоопытные в войнах сарыбагышские вожди придумали хитроумный план. Пока Уметалы шел по пятам за кыдыками, Тёрёгельды обошел их с верховьев Нарына и ударил в лоб.

Кыдыки оказались в западне... Теперь уж было не до ружей. Враги сошлись в рукопашную. Дрались боевыми топориками, раскраивая друг другу черепа, ломая ключицы; вот пронзили пикой храброго Керме-батыра. Кололи ножами, рвали рты и уши голыми руками. Дико, истощно кричали женщины и дети, визжали кони, ревели перепуганные верблюды... Не дай Бог никому увидеть, как звереют люди, теряют человеческий облик...

Битва шла на уничтожение. Но сарыбагышей было втрое больше, и все они были воинами. У кыдыков же на руках – истощенные переходом женщины, старики, дети. Мужчины-кыдыки, способные носить оружие, почти все легли в неравной битве. 600 человек пало на месте, 1200 (женщины, дети) попали в плен. Лишь немногие смогли оторваться от преследования и рассеяться. Жалкие остатки могущественного и богатого рода после бесконечных мытарств добрались до кочевий Боромбая на Каркара, среди спасшихся был и бий-манап Самсалы...

Боромбай и остальные бугинцы встретили беглецов с пониманием и сочувствием, как и полагается родичам; их развели по юртам, согрели, накормили.

Верховный манап не сказал Самсалы ни слова упрека. Он был, как и прежде, приглашен на совет родоначальников. Но когда манапы уселись за досторкон и бий Самсалы снял свой тебетей, все увидели, что прежде черная как вороново крыло голова его стала совершенно белой...

...Вот о чем думал Петр Петрович, глядя на «мертвое поле» и повторяя слова великого Пушкина: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»...

И еще раз пришлось отряду Семенова столкнуться с эхом той битвы. Заночевав на Кокджарском перевале, утром они стали откапывать друг друга из-под снега, так как ночью их накрыл снежный буран. Один из казаков, разрывая тающий снег, «наткнулся в пределах... бивака на предмет, произведший на всех нас очень тяжелое впечатление. Под снегом оказался тщательно завернутый в войлок и одетый в халат, белье и сапоги труп бугинца. Труп этот прекрасно сохранился в атмосфере ледяной зоны. Без сомнения, это был один из бугинцев, бежавших с поля битвы на Заукинском перевале в мае 1857 г. Раненый или обессилевший в битве, он добрался со своими товарищами до Сары-Джаза и, окончив здесь свою жизнь, был тщательно завернут ими в войлок и оставлен под снежной пеленой»...

Уметалы делает жест

Весь конец июня Семенов занимался исследованием Центрального Тянь-Шаня. Была проделана большая работа. Петр Петрович был первым европейцем, который посетил ледники, берущие начало в системе Тенгри-Таг. Посетил ледники, собрал замечательный гербарий, в котором было много неизвестных науке растений; изучил коллекцию горных пород, регулярно делал гипсометрические измерения высот и вел постоянные метеорологические наблюдения. Его дневники – замечательный научный документ. Он первый определил подлинное расположение хребтов Тянь-Шаня, первый установил на Тянь-Шане существование вертикальных природных поясов и доказал, что линия вечных снегов здесь лежит очень высоко...

Впрочем, не будем перечислять все заслуги Петра Петровича перед наукой. Об этом достаточно написано. Недаром же он получил к своей фамилии почетную приставку: Тянь-Шанский. У этой книги другая задача... Но нельзя не упомянуть еще об одной черте Петра Петровича: его подлинном литературном мастерстве. Чего стоят картины природы, переданные им читателю! Например, о Хан-Тенгри: «Прямо на юг от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мной горных хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати... Как раз посредине... возвышалась одна, резко между ними отделяющаяся по своей колоссальной высоте, белоснежная остроконечная пирамида, которая казалась с высоты перевала превосходящей высоту остальных вершин вдвое»...

В начале июля спустились к айылам Боромбая. Здесь Семенова ждали важные новости: ответное письмо Уметалы. Семенов до этого написал ему, предлагая помириться с бугинцами. Вождь сарыбагышей отверг частное перемирие лично с Боромбаем (последний хотел выкупить свою семью). Он соглашался на окончательный мир только после взаимных подсчетов общих потерь в скоте и в людях. Причем подчеркивал, что за каждого человека «белой кости» – манапа или батыра – следует договариваться особо. Например, кун за Ормона достигал несколько тысяч овец.

Уметалы писал далее, что, хотя с Боромбаем договариваться о возвращении его семейства он не желает, но с «тамыром» – улькунтёре поступит, как велит дружба. Он безвозмездно дарит жену и снох Боромбая своему другу Семенову: пусть тот делает с ними все, что ему заблагорассудится! В подтверждение этих слов перед ученым предстал небольшой караван, в котором находилась и семья Боромбая.

Да, Уметалы крепко помнил и добро, и зло. Недавний случай, когда Семенов великодушно освободил сдавшихся ему тридцать сарыбагышей, отозвался теперь вот чем...

Сколько было радости в айыле верховного манапа бугинцев, когда Петр Петрович привез пленниц! Старик даже прослезился. С особенным почетом встретили жену Эмирзака. Ведь она была дочерью убитого Ормона, из-за которого и загорелся весь сыр-бор. Уметалы приходился ей родным братом. Все знали, что он предлагал сестре остаться, но она предпочла вернуться в род мужа.

Уметалы не потребовал выкуп за пленниц. Но старый Боромбай тотчас предоставил Семенову 12 лучших коней для отдарка; к этому Петр Петрович прибавил «шесть кусков кавказских шелковых материй, несколько роскошных казанских изделий, шитых золотом, и несколько предметов из Златоустовского оружия».

И хотя окончательный мир между бугу и сарыбагышами не был заключен, большой шаг к этому был сделан...

Что увидел скромный караванщик

В начале 1858 г. по заданию русского правительства в Кашгар через Северную Киргизию отправился большой торговый караван. Он вез богатые товары на сумму 18300 рублей – деньги по тем временам немалые. В составе каравана следовал молодой человек, стройный и красивый, с военной выправкой. Все знали его как Алымбая, родственника караванбаши Мусабая. И никто (кроме караванбаши) не знал и даже не догадывался, что главная ценность каравана – не товары, а этот бритоголовый парень с маленькими усиками, одетый в простую дорожную одежду торговца; что купеческие дела каравана – лишь прикрытие и что сам караван и все путешествие было организовано лишь для выполнения миссии, возложенной на этого молодого человека Сибирским генерал-губернатором Гасфордом, а через него – самим Государем Императором...

Настоящее имя молодого человека было Чокан Валиханов...

Правительство поставило перед ним задачу: проникнуть в Кашгарию и разузнать о ней как можно больше. Восточный Туркестан был расположен на стыке границ Средней Азии, Индии и Китая, он имел исключительно большое значение для интересов двух великих держав – Англии и России.

Но Кашгар в то время был закрытой страной для европейцев. За год до этого туда попытался проникнуть известный путешественник Адольф Шлагинтейт. Его раскрыли и отрубили голову. Вот почему потребовалось прикрытие

под видом торгового каравана. Вот почему офицер для особых поручений при Сибирском генерал-губернаторе, поручик Российской армии Чокан Валиханов вынужден был обрить голову, сменить имя и изображать из себя купца.

К началу августа караван прошел Иссык-Кульскую котловину, перевалил Санташ, достиг бугинских кочевий по Текесу и Каркаре и вышел в долину Кеген, где и стал лагерем на отдых.

Глазам Чокана представилось необыкновенное зрелище. Вся долина, насколько хватал глаз, была покрыта бесчисленными белыми юртами. В сопровождении бугинских манапов Карача и Бурсука молодой офицер ехал через этот кочевой город, наблюдая приготовления к байге – тризне или поминкам по знатному покойнику.

На самом берегу Кегена стояла огромная белая юрта, окруженная народом. Над ней печально полоскался белый флаг – знак того, что умерший хозяин юрты был стариком.

При появлении новых людей тотчас возобновились плач и причитания. Большая группа женщин затянула надрывающую душу поминальную песню. Они обращались к покойнику с бесконечными вопросами-советованиями:

– Горе нам, горе, ох! Ушел, покинул нас, ох! Кто будет согревать своей заботой весь народ? Кто будет давать мудрые советы? Кто спасет в беде, утешит в горе, обрадует в радости?

Плач длился бесконечно: одних плакальщиц сменяли другие... Время от времени весь народ – и мужчины и женщины – принимались громко плакать и стонать, взывать к памяти усопшего, выкрикивая его имя...

Чокан уже знал: три месяца – 90 дней назад – в самом начале мая на 81-м году жизни скончался великий родоначальник бугинского племени, главный манап Боромбай Бекмуратов...

Весь август караван оставался в кочевье. Выбившиеся из сил дальней дорогой верблюды и лошади жирели на сочнотравных джайлоо. Купцы и караванчики перетряхивали тюки, проветривали материи. А Чокан Валиханов оплакивал вместе с ними умершего манапа, давнишнего своего знакомого, наблюдал за красочными народными обычаями: байгой, поминальными играми, слушал песни ырчи, в которых описывались долгая жизнь родоначальника, его щедрость и доброта, его справедливость и доступность, его терпеливость и миролюбие, все его дела во благо своего племени, своего народа.

- Власов В.С.** Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Кыргызской Республике
- Жоробекова Ш.Ж.** и.о. Президента Национальной академии наук Кыргызской Республики, академик
- Нифадьев В.И.** ректор Кыргызско-Российского Славянского университета, академик
- ◆ ◆ ◆
- Айтматов И.Т.** академик
- Акматаев У.** канд. полит. наук
- Бартенева И.Ю.** соискатель КРСУ
- Бевза В.В.** ст. науч. сотр. Института автоматики
- Бедельбаев А.** канд. ист. наук, ученый секретарь Отделения общественных наук
- Боконбаев К.Дж.** чл.– корр., докт. геол.-минер. наук
- Боотаева Б.Л.** канд. ист. наук, доцент
- Боотаев У.Э.** канд. ист. наук., доцент
- Виноградова Е.В.** преподаватель КРСУ
- Воропаева В.А.** профессор
- Газиев А.** писатель
- Данильченко Г.Д.** канд. филол. наук, доцент
- Дженчураева Р.Д.** чл.- корр., докт. геол.-минер. наук
- Джунушалиева Г.Д.** канд. ист. наук
- Дудашвили С.Д.** спелеолог, путешественник
- Какеев А.Ч.** академик
- Койчув Т.** академик
- Кожемякин С.В.** аспирант КРСУ
- Колесников А.А.** докт. ист. наук,

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Конурбаев А.О.	академик Международной академии наук о природе и обществе
Маматканов Д.М.	академик
Мельников В.	писатель
Озмитель Е.Е.	канд. ист. наук, доцент
Омуралиев Н.А.	канд. филос. наук
Оторбаев К.О.	академик
Плоских В.В.	соискатель КРСУ
Плоских В.М.	академик
Плоских С.В.	канд. ист. наук, докторант КРСУ
Рудов М.А.	профессор
Ставская Л.Г.	зав. учебно-методич. кабинетом-музеем
Сулова С.	поэтесса
Шаповалов В.	докт. филол. наук, народный поэт Кыргызстана

СМИ

Акчурин В.А.	соб. корр. газеты «Слово Кыргызстана»
Балакина И.	соб. корр. «Российской газеты»
Тузов А.Л.	соб. корр. газеты «Вечерний Бишкек»

СТУДЕНЧЕСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Алышбаева Н.	студентка 2 курса
Аскатова А.	студентка 5 курса
Башкова О.	аспирантка
Виноградова Е. Г.	студентка 5 курса
Дятленко П. И.	аспирант

Зайнулин Р.Ш.	соискатель КРСУ
Кендирбаев А.	студент 5 курса
Лужанский Д.	студент 3 курса
Омаралиев Д.	студент 5 курса
Парасухина А.	студентка 5 курса
Плахтий Р.	студентка 2 курса
Плоских В.	студентка 5 курса
Пронская О.	студентка 5 курса
Сатыбекова Ж.К.	аспирантка
Ухина Д.	студентка 2 курса
Фукалов И.	студент 3 курса
Хайрутдинов К.	студент 2 курса
Хижняков С.	студент 4 курса
Хожда Г.	студентка 4 курса
Шафикова Б.	студентка 5 курса
Щербакова С.А.	преподаватель КРСУ
Эшимбекова Н.С.	ст. преподаватель КРСУ

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	5
-------------------	---

ПРИВЕТСТВИЯ

<i>Власов В. С.</i>	7
<i>Жоробекова Ш. Ж.</i>	8
<i>Нифадьев В. И.</i>	9

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Суслова С.</i> Выступление у памятника Семенову-Тянь-Шанскому.....	11
<i>Оторбаев К. О.</i> Пионер исследования Тянь-Шаня.....	12
<i>Воропаева В. А.</i> Он заботился только о научных интересах Центральной Азии.....	20
<i>Конурбаев А. О.</i> Трансгрессии и регрессии озера Иссык-Куль: проблема не решена.....	28
<i>Маматканов Д. М.</i> Перспективы исследования высокогорных территорий Тянь-Шаня.....	33
<i>Рудов М. А.</i> О ледниках, перечитывая «Путешествие в Тянь-Шань».....	35
<i>Боконбаев К. Дж.</i> Глобальное изменение климата: новые вызовы и угрозы в Центральной Азии.....	37
<i>Айтматов И. Т.</i> Остаточные напряжения в массиве горных пород и очаги горных ударов.....	49
<i>Дженчураева Р. Д.</i> Динамика земной коры и формирование крупных месторождений.....	56
<i>Какеев А. Ч.</i> Выдающийся вклад П.П. Семенова-Тянь-Шанского: развитие истории и философии науки Кыргызской Республики.....	65
<i>Акматаев У.</i> Немецкие учителя П.П. Семенова-Тянь-Шанского.....	69
<i>Койчубев Т.</i> Путешественники: кто они ?!.....	72
<i>Бедельбаев А.</i> Участие кыргызов в экспедициях русских путешественников.....	74
<i>Колесников А. А.</i> Заметки военного характера.....	80
<i>Омуралиев Н. А.</i> Семенов-Тянь-Шанский как статистик.....	83

Боотаев У. Э. Начало присоединения северного Кыргызстана к России.....	90
Плоских С. В. П.П. Семенов – арбитр кыргызов в междоусобных спорах	94
Боотаева Б. Л. Начало изучения Кыргызстана русскими учеными-исследователями.....	101
Бартенева И. Ю. Из дореволюционной истории заселения Прииссыккуля русскими крестьянами.....	109
Данильченко Г. Д. Межкультурные контакты киргизов в мемуарах П. П. Семенова-Тян-Шанского	115
Дудашили С. Д. Пещера Амана, или новая тайна Курментинской горы.....	119
Виноградова Е. В. Высокогорный Сары-Джаз	124
Плоских В. В. Русские путешественники и ученые о затонувших памятниках Иссык-Куля	128
Мельников В. У памятника Н. М. Пржевальскому	135
Озмитель Е. Е. Культурное значение Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря.....	137
Кожемякин С.В. Трайбализм в кыргызском обществе: истоки и современность	145
Плоских В. М. К проблеме о христианском монастыре и мощах Апостола Матфея на Иссык-Куле	151
Бееза В. Святая память	155
Джунушалиева Г. Д. Усобицы кыргызских племен как социальный конфликт (по мемуарам П.П. Семенова-Тян-Шанского)	156
Ставская Л. Г. Музей П. П. Семенова-Тян-Шанского на Иссык-Куле.....	158
Зайнулин Р. Ш. Венгерские исследователи в Кыргызстане	162
Щербакова С. А. М.И. Венюков о картографировании Иссык-Куля и границе с Китаем	164

СТУДЕНЧЕСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Фукалов И. Карл Риттер – научный предшественник Семенова-Тян-Шанского	167
Альшбаева Н. П. М. Кошаров – художник экспедиции П.П. Семенова-Тян-Шанского	169
Парасухина А. Первое путешествие на Иссык-Куль Ч.Ч. Валиханова (1855 г.).....	171

Эшимбекова Н. В.В. Радлов и первые записи эпоса «Манас»	173
Плахтий Р. Русские военные исследователи Тянь-Шаня	175
Хижняков С. Русские военные путешественники на пути в Кашгарию	179
Хожда Г. Н. А. Северцов и его путешествия по Киргизии	181
Сатыбекова Ж. Дипмиссия А. Н. Куропаткина в Кашгар	184
Башкова О. Военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский и первые попытки подводных исследований на Иссык-Куле	186
Дятленко П. Неоконченный полет (последнее путешествие Н.М. Пржевальского)	189
Шафикова Б. Ф.В. Поярков – собиратель кыргызских легенд и христианских памятников	192
Ухина Д. М.В. Певцов – продолжатель дела Н.М. Пржевальского	194
Плоских В. В.В. Бартольд: значение для истории его путешествия в Среднюю Азию в 1893–1894 гг.	196
Омаралиев Д. Н.А. Аристов об античном Иссык-Куле (по материалам китайских источников)	199
Аскатова А. Верещагин Василий Васильевич: Иссык-Кульские мотивы	201
Лужанский Д. А.П. Чайковский об Иссык-Куле как родине арийской расы	203
Виноградова Е. Михаил Фрунзе в первом туристическом походе на Иссык-Куль	205
Кендирбаев А. Маннергейм в Тянь-Шане	207
Пронская О. Вклад выдающихся ученых Санкт-Петербурга в изучение истории Кыргызстана	210
Хайрутдинов К. 50-летие Русского Географического общества	213
СМИ О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	
Акчурин В. Тянь-Шань ему своей известностью обязан (Слово Кыргызстана от 07.09.07)	217
Балакина И. Шел Семенов по Тянь-Шаню (Российская газета от 07.09.07)	221

Тузов А.Л. Семеновский мост
(Вечерний Бишкек от 05.09.07) 223

РЕЗОЛЮЦИЯ 229

Шаповалов В. Размышления у памятника
П.П. Семенову-Тян-Шанскому 231

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЭССЕ

Газиев А. Путешественник-миротворец 235

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 257